8(С)Р
Ч-563
277998

ЧЕХОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Антон Чехов

СОБРАНІЕ ПИСЕМ
А.П.ЧЕХОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ КОММЕНТАРІЯМ
ВЛАДИМІРА БРЕНДЕР
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬ
Ю.АЙХЕНВАЛЬДА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

К-ВО „СОВРЕМЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО“

28/VI 80 красно

11/II 78 Сафонова

277998
~~31425~~.

Пр. 2010

Чеховская Библіотека.

Пр. 1955 г.

891
Ч56
81/Р
Ч-563

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
А. П. ЧЕХОВА

подъ редакціей и съ комментаріями

ВЛАДИМІРА БРЕНДЕРЪ.

вступительная статья

Ю. АЙХЕНВАЛЬДА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

277998

К-во „Современное Творчество".
МОСКВА — 1910.

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета
им. А. М. Горького

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С.Д.

Давно уже ощущается потребность въ созданіи спеціальной библіотеки, которая давала бы возможность изучающимъ того или другого изъ нашихъ крупныхъ писателей ознакомиться съ его біографіей и со всей (даже иностранной) литературой о немъ, разбросанной въ массѣ періодическихъ изданій. Послѣднія такъ трудно доставать; нѣтъ и соотвѣтственныхъ библіографическихъ указателей,—всѣ эти пробѣлы и должна восполнить задуманная нами критико-біографическая библіотека. Мы начинаемъ ее серіей книгъ, посвященныхъ *Антону Павловичу Чехову*.

Въ *первый* отдѣлъ этой серіи войдутъ матеріалы для біографіи А. П. Чехова, собраніе его писемъ, альбомъ его портретовъ и т. п.

Второй отдѣлъ составятъ воспоминанія лицъ, близко знавшихъ Антона Павловича.

Третій отдѣлъ—«Чеховъ въ свѣтѣ русской критики».

Четвертый отдѣлъ—«Чеховъ въ свѣтѣ иностранной критики».

Пятый отдѣлъ — иллюстраціи къ произведеніямъ А. П. Чехова.

Между прочимъ будетъ данъ особый «Опытъ библіографическаго словаря къ произведеніямъ А. П. Чехова» и рядъ изслѣдованій, монографій, спеціальныхъ критическихъ работъ о нашемъ знаменитомъ писателѣ.

Организаторы «*Чеховской библіотеки*» приглашаютъ лицъ, обладающихъ какими-либо матеріалами объ А. П. Чеховѣ или работами о немъ, хотя бы уже и напечатанными раньше, принять участіе въ названной библіотекѣ.

Доходы съ изданія пойдутъ на просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія имени Чехова.

Лицъ, желающихъ принять какое-либо участіе въ нашемъ предпріятіи, прошу обращаться за всѣми справками по слѣдующему адресу: Москва, Долгоруковская ул., д. 49, кв. 8, редакція «Чеховской библіотеки», или Петровскія линіи, 36, книж. маг. и библіотека «Знаніе».

Владиміръ Брендеръ.

Москва, 30/XI 1909 г.

Къ первому тому писемъ А. П. Чехова.

Приступивъ къ изданію писемъ Антона Павловича Чехова, мы должны сказать, что, конечно, это собраніе не исчерпываетъ всей громадной переписки А. П. Есть еще много писемъ, которыя находятся въ ревнивыхъ «собирательныхъ» рукахъ отдѣльныхъ почитателей и коллекціонеровъ.

Но тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ это собраніе представляетъ достаточно цѣнный автобіографическій матеріалъ.

Въ основу настоящей книги легли прежнія попытки собрать наибольшее количество писемъ Чехова; но мы постарались нашему собранію придать возможно болѣе систематическій видъ, напечатать письма безъ допускавшихся раньше, не всегда обоснованныхъ, сокращеній и снабдить строки Чехова необходимымъ комментаріемъ, безъ котораго многое въ нихъ оставалось бы не вполнѣ яснымъ.

Письма мы печатаемъ частью съ оригиналовъ, а частью беремъ ихъ изъ періодическихъ изданій. Совершенно обойтись безъ сокращеній нельзя было и намъ—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ письма имѣютъ слишкомъ интимный характеръ или касаются людей и явленій, слишкомъ близкихъ намъ по времени и мѣсту. Сокращенія отмѣчены многоточіемъ.

Примѣчанія къ письмамъ сдѣланы, большею частью, со словъ обладателей послѣднихъ, остальныя же принадлежатъ редакціи.

Правописаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ печатался съ автографа, сохранено подлинное.

Не имѣя возможности сразу собрать всѣ письма А. П. Чехова, писанныя имъ друзьямъ и знакомымъ, а иногда и незнакомымъ ему лицамъ,—мы должны были отказаться отъ строго-хронологическаго порядка, т.-е. одинъ томъ писемъ не будетъ хронологическимъ продолженіемъ другого. Надо прибавить, что А. П. Чеховъ почти никогда не отмѣчалъ въ своихъ письмахъ годовъ; поэтому возстановленныя нами цифры годовъ стоятъ въ скобкахъ.

Въ концѣ тома приложены: 1) изъ почтоваго ящика журнала «Стрекоза» за 1880 г.; 2) первый напечатанный разсказъ А. П. Чехова, и 3) алфавитный списокъ лицъ, къ которымъ были адресованы письма.

Всего въ первый томъ вошло 168 писемъ. Впервые или въ исправленномъ видѣ появляется 41.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ письма А. П. Чехова, или могущихъ указать, у кого они находятся, не отказать сообщить объ этомъ по адресу: Москва, Долгоруковская ул., д. 49, кв. 8, редакція «Чеховской библіотеки».

Редакція приноситъ всѣмъ лицамъ, представившимъ письма для настоящаго собранія, свою глубокую благодарность.

Владиміръ Брендеръ.

Москва, 30/XI 1909 г.

Письма Чехова похожи на его разсказы. Отъ нихъ трудно оторваться. Одинъ критикъ назвалъ его произведенія матовыми; тотъ же эпитетъ можно примѣнить и къ его письмамъ: въ нихъ раскрывается душа безъ блеска, тихая и чистая. Въ ней нѣтъ паѳоса, бури, яркой страстности; но зато передъ вами личность, которая неизмѣримо больше жила въ себѣ, чѣмъ внѣ себя, и въ какой-то цѣломудренной глубинѣ таила свои лучшіе помыслы. Чеховъ—человѣкъ не на людяхъ. «Около меня,—пишетъ онъ,—нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее»; поэтому, онъ еще больше замкнулся въ себя и тамъ, въ этой уединенности, сохранилъ удивительную свободу духа, трудную и дорогую простоту. Онъ сдержанъ, но не скупъ. Онъ мягокъ, но и силенъ. Жизни, какъ системѣ внушеній, онъ не поддается, мыслитъ и пишетъ самостоятельно, честно, правдиво; съ дороги правды, своей правды, никогда чужою силой не собьется этотъ скромный и увѣренный путникъ. Кругомъ фальшь, лицемѣріе, завистничество, и въ пустыхъ или мертвыхъ душахъ вьютъ себѣ привольныя гнѣзда злоба, клевета, мелкія страсти,—какъ же тутъ не посторониться, не отойти? «Я отродясь никого не проспалъ, не проспалъ ни разу сказать обо мнѣ въ газетахъ хоть одно слово, и Бур—ну это извѣстно очень хорошо, и зачѣмъ это ему понадобилось обвинять меня въ саморекламированіи и окатывать меня помоями—одному Богу извѣстно»: такъ

спокойно, безъ явной горечи пишетъ Чеховъ. Онъ можетъ быть спокоенъ, его совѣсть чиста, она свободна не только отъ дурныхъ дѣлъ, но и отъ дурныхъ умысловъ; ни разу вы не замѣтите въ его письмахъ какой-нибудь лживой, дѣланной ноты; у него и желанія нѣтъ становиться въ позу, разсчитывать на эффектъ, притворяться. Онъ ни у кого не заискиваетъ, ни у публики, ни у критиковъ; онъ—царь, и живетъ одинъ, въ замкѣ своей духовной тишины. Чистая совѣсть, внутренняя свобода, идеальная нравственная опрятность и независимость—все это далось Чехову не трудомъ, все это не куплено имъ цѣною усилій и напряженія: нѣтъ, это его органическое достояніе, его натура,—онъ иначе не умѣетъ. Вотъ почему людямъ другого склада такъ недоступно его моральное спокойствіе, его естественная высота, и Чехову приходится звать ихъ на нее, уговаривать, напоминать о простотѣ: «Какъ у васъ въ Питерѣ любятъ духоту! Неужели вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч. ?.. Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ—для всего этого нужно быть не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарности... Господь послалъ вамъ доброе, нѣжное сердце, пользуйтесь же имъ, пишите мягкимъ перомъ, съ легкой душой, не думайте объ обидахъ, вами понесенныхъ... Будьте объективны, взгляните на все окомъ добраго человѣка, т.-е. вашимъ собственнымъ окомъ».

Чеховъ, со своею легкой душой, умѣлъ смотрѣть собственнымъ окомъ, быть самимъ собою. Онъ, по его словамъ, хотѣлъ стать «свободнымъ художникомъ—и только». Судьба осуществила его желаніе, и онъ былъ

«свободнымъ художникомъ» не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ. Свободѣ и художеству враждебна пошлость, и оттого Чеховъ съ нею боролся—боролся презрѣніемъ къ ней и недоступностью для нея. Люди въ футлярѣ и люди съ ярлыками оскверняютъ великое; отъ ихъ прикосновенія все деревенѣетъ и коченѣетъ. «Шестидесятые годы, это—святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его—значитъ опошлять его».

Уединенность Чехова и его неодолимое отвращеніе къ пошлости не сдѣлали его мизантропомъ; суслики не заслонили отъ него человѣка. «Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію, лицемѣрную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, лѣнивую, не вѣрю даже, когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходятъ изъ ея же нѣдръ. Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ—интеллигенты онѣ, или мужики; въ нихъ сила, хоть ихъ и мало». Вы постоянно чувствуете его искреннее стремленіе найти хорошее, хорошаго, вы видите бережное отношеніе къ людямъ, къ чужой душѣ,—напримѣръ, къ авторскому самолюбію. Многіе писатели спрашивали у него мнѣнія о своемъ творчествѣ; здѣсь такъ легко было обидѣть, огорчить,—Чеховъ, не поступаясь правдой, всегда умѣлъ избѣгать этого и съ откровенностью соединялъ деликатность. Онъ зналъ, какъ жестоко и тяжело разрушать чужія иллюзіи. Онъ помнилъ, какое счастье испыталъ онъ самъ, начинающій авторъ, когда получилъ отъ Григоровича письмо, восхвалявшее его робкій, еще не увѣренный въ себѣ талантъ. «Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель, поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ. Какъ вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вашу старость; я же не найду ни словъ, ни дѣлъ, чтобы благодарить васъ!»

Вообще, судя по перепискѣ, Чеховъ жилъ такъ, что

никому не дѣлалъ больно и никто объ него не ушибался. Правда, онъ никого и не подпускалъ къ себѣ очень близко; но это происходило не отъ жесткости или сухости,—это было только цѣломудріе.

«Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія. Только моя истерія въ медицинѣ называется «чахоткой»,—такъ пишетъ Чеховъ въ 1896 году. Онъ хорошо понималъ свою «истерію», и онъ всю жизнь умиралъ. Но онъ не жаловался, другихъ своей болѣзнью не стѣснялъ, не изводилъ и сохранилъ свое, тоже матовое, остроуміе (одна изъ плѣнительныхъ чертъ его переписки), свою любовь къ жизни, къ природѣ и человѣку. «Какія свадьбы намъ попадались по пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ! То-есть, душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ»...

Вотъ уже больше пяти лѣтъ, какъ Чеховъ не глядитъ уже на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы; прекратилась его переписка и его жизнь. Тѣмъ болѣе должны мы дорожить тѣмъ, что осталось отъ его свѣтлаго духа,—человѣческой драгоцѣнностью его разсказовъ и его писемъ.

Ю. Айхенвальдъ.

Въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ мною были допущены ошибки, которыя спѣшу исправить.

Стр. 10. Годъ указанъ ошибочно, нужно 1886 г.

Стр. 12. По нѣкоторымъ разсказамъ, прозвище «Макаръ»— В. И. Зембулатовъ получилъ совсѣмъ по другому поводу. Еще будучи въ гимназіи, какъ-то на урокѣ греческаго языка В. И. Зембулатовъ, отвѣчая урокъ, невѣрно поставилъ ударѐніе въ словѣ «μάκαρ»—счастливый, произнесъ «мака́ръ». Классъ поднялъ за это В. И. Зембулатова на смѣхъ, и такимъ образомъ за нимъ и осталось прозвище «Макаръ».

Стр. 18. Семья Чехова переѣхала въ Москву значительно раньше, когда Ант. Павл. былъ еще въ Таганрогской гимназіи въ седьмомъ или восьмомъ классѣ.

Стр. 41. Указаніе на то, что Антону Павловичу послужилъ оригиналомъ для графа Шабельскаго («Ивановъ») и Гаева («Вишневый садъ») Вл. Петр. Бегичевъ, взято изъ воспомин. М. П. Чехова.

Стр. 42. По справкамъ оказалось, что А. П. былъ на Кавказѣ въ 1887 г.; слѣдовательно письмо къ Д. Т. Савельеву относится къ 1888 году.

Стр. 195. Годъ указанъ ошибочно, нужно 1892 г.

Стр. 202. Это стихотвореніе ошибочно приписываютъ А. П.— его написалъ братъ его, Николай Павловичъ.

Я былъ бы очень признателенъ, если бы лица, которыя найдутъ мои комментаріи неточными, неполными, ошибочными, сообщили мнѣ свои замѣчанія. Я могъ бы съ великой благодарностью воспользоваться послѣдними для новаго изданія книги, если въ немъ окажется надобность.

Владиміръ Брендеръ.

ПИСЬМА

А. П. ЧЕХОВА.

Я, А. П. Чеховъ, [1]) родился 17 января 1860 года въ Таганрогѣ. Учился сначала въ греческой школѣ при церкви царя Константина [2]), потомъ въ Таганрогской гимназіи; въ 1879 г. поступилъ въ Московскій Университетъ на медицинскій факультетъ. Вообще о факультетахъ имѣлъ тогда слабое понятіе и выбралъ медицинскій факультетъ не помню по какимъ соображеніямъ, но въ выборѣ потомъ не раскаивался. Уже на первомъ курсѣ сталъ печататься въ еженедѣльныхъ журналахъ и газетахъ [3]), и эти занятія литературой уже въ началѣ 80-хъ годовъ приняли постоянный, профессіональный характеръ. Въ 1888 г. получилъ Пушкинскую премію [4]).

[1]) Эта автобіографія была написана А. П. Чеховымъ весной 1899 года и прислана д-ру, приватъ-доценту Московскаго университета Григорію Ивановичу Россолимо, который вмѣстѣ съ А. П. Чеховымъ кончилъ курсъ по медицинскому факультету въ 1884 году. Автобіографію А. П. Чеховъ написалъ по просьбѣ Г. И. Россолимо, который рѣшилъ издать альбомъ портретовъ съ краткими жизнеописаніями врачей выпуска 1984 года.

[2]) См. объ этомъ статью А. Е—ой: А. П. Чеховъ въ греческой школѣ. «Вѣст. Европ.» стр. 545—571, февраль, 1907 г.

[3]) Первое произведеніе А. П. Чехова «Письмо Донского помѣщика Степана Владиміровича N къ ученому сосѣду д-ру Фридриху», не вошедшее въ собраніе сочиненій, было напечатано въ «Стрекозѣ», № 10, 1880 года за подписью.... въ. Въ этомъ же № былъ напечатанъ еще одинъ разсказъ, тоже не вошедшій въ собраніе сочиненій: «Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.?» за подписью: Антоша. Съ этого № «Стрекозы» и началась литературная дѣятельность А. П. Чехова (см. приложеніе).

[4]) Въ 1888 году по выходѣ въ свѣтъ второго сборника разсказовъ «Въ Сумеркахъ» Импер. Ак. Наукъ присудила А. П. Чехову половинную пушкинскую премію въ 500 руб. Привожу здѣсь въ изложеніи очень любопытную офиціальную статью А. Ѳ. Бычкова, представленную въ Академію, какъ отзывъ. Помѣщена она въ «Сбор-

Въ 1890 г. ѣздилъ на островъ Сахалинъ, чтобы потомъ написать книгу о нашей ссыльной колоніи и каторгѣ. Не считая судебныхъ отчетовъ, рецензій, фельетоновъ, замѣтокъ, всего, что писалось изо дня въ день для газетъ и что теперь было бы трудно отыскать и собрать, мною за 20 лѣтъ литературной дѣятельности было написано и напечатано болѣе 300 листовъ повѣстей и разсказовъ. Писалъ я и театральныя пьесы. Не сомнѣваюсь, занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ

никѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ», т. XLVI, СПБ. 1889 г., стр. 46—53. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ небольшіе разсказы г. Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разсказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность, и умѣніе живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно, впрочемъ, съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ.

Въ 1886 г. вышли въ свѣтъ его «Пестрые разсказы», обратившіе на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ». Далѣе г. Бычковъ переходитъ къ разбору самихъ разсказовъ, вошедшихъ во второй томъ «Въ сумеркахъ».

«Они (т.-е. разсказы), какъ и прежніе, небольшого объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ замѣчается искусство нерѣдко одною чертою дополнить картину, сообщить читателю, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такія незначитель-

естественными науками, съ научнымъ методомъ весьма держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т.-е. нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность, и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу, и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать. Что касается практической медицины, то еще студентомъ я работалъ въ Воскресенской

ния вещицы, которыя болѣе или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попалось ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ, сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастье», «Агафья» и «Святою ночью».

Послѣ сжатаго изложенія содержанія разсказа «Вѣрочка» г. Бычковъ говоритъ: «Онъ (Чеховъ) сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ и, надо сказать, съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно, а въ этомъ заключается мастерство художника, изобразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю». Г. Бычковъ такъ же хвалитъ разсказы: «Несчастье», «Святою ночью», «Мечты» и «На судѣ». Менѣе же удачными, по его мнѣнію,—это разсказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма».

«Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ разсказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности, выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между разсказами художественно исполненные, но также дѣланные и приду-

земской больницѣ (близъ Новаго Іерусалима) у извѣстнаго земскаго врача П. А. Архангельскаго [4]), потомъ недѣлю былъ врачомъ въ Звенигородской больницѣ [5]).

манные («Вѣдьма»), растянутые («Пустой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются источныя и неправильныя выраженія, какъ, напр.: «на травѣ висять тусклыя, недобрыя слезы» (стр. 3), «прекрасно симулировалъ влюбленнаго» (стр. 23), «гдѣ бы я могъ сгодиться» (стр. 25), и «утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе» (стр. 83), «внутри все сарайно» (стр. 103), «такова ужь планида русскаго лица» (стр. 134), «когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ» (стр. 146), «большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей» (стр. 163) и др.».

«Принимая во вниманіе достоинства сборника разсказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что разсказы г. Чехова хотя и не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однако же выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, нашла возможнымъ присудить ему половинную пушкинскую премію».

[4]) П. А. Архангельскій завѣдывалъ Чикинской земской больницею, находящейся въ двухъ верстахъ отъ г. Воскресенска. Къ нему съѣзжались на практику многіе студенты-медики и молодые врачи. Такъ, работали: теперь главный докторъ Маріинской больницы М. П. Яковлевъ, петербургскій проф. Сиротининъ, женщины-врачи: Сабинина и Дора Сем. Тауберъ и др. А. П. Чеховъ близко сошелся съ П. А. Архангельскимъ, часто принималъ у него больныхъ и вообще любилъ бывать въ Чикинѣ. (Объ этомъ см. М. Чеховъ. Объ А. П. Чеховѣ, сборникъ памяти А. П. Чехова, изд. О-ва Люб. Рос. Слов. М. 1905 г., стр. 41—60.)

[5]) Врачъ Звенигородской земской больницы С. П. Успенскій попросилъ А. П. замѣнить его въ качествѣ врача во время отпуска. Завѣдуя Звенигородской земской больницей, А. П. ѣздилъ по обязанности на вскрытія и близко ознакомился со всѣмъ укладомъ

Въ холерные годы (1892—1893) завѣдывалъ мелиховскимъ участкомъ Серпуховскаго уѣзда [6]).

уѣздной чиновничьей жизни. (См. М. Чеховъ.—Объ А. П. Чеховѣ, въ названномъ сборникѣ.)

6) Въ 1892 г. А. П. Чеховъ пріобрѣлъ уже свое собственное имѣніе Мелихово, лежащее въ двѣнадцати верстахъ отъ ст. Лопасня Моск.-Курской ж. д.

М. П. Чехову.

(Іюль 1877 г.)

Письмо твое я получилъ какъ-разъ въ самый разгаръ ужаснѣйшей скуки, зѣвая у воротъ, а потому ты можешь судить, какъ оно, длиннѣйшее, пришлось весьма кстати. Почеркъ у тебя хорошъ, и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни единой грамматической ошибки. Не нравится мнѣ только одно: зачѣмъ ты величаешь свою особу «незамѣтнымъ братишкой»? Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ, надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь гдѣ? Предъ Богомъ, пожалуй, передъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малаго и знай, что честный малый не ничтожность, не смѣшивай «смиряться» и «сознавать свое ничтожество». Георгій [1]) выросъ. Мальчикъ онъ добрый, я съ нимъ часто играю въ бабки. Хорошо дѣлаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временемъ ты эту привычку оцѣнишь. Мадамъ Бичеръ-Стоу выжала изъ глазъ твоихъ слезы? Я ее когда-то читалъ, прочелъ и полгода тому назадъ съ научной цѣлью и почувствовалъ послѣ чтенія непріятное ощущеніе, которое чувствуютъ смертные, напѣвшись не въ мѣру изюму и коринки. Прочти ты слѣдующія книги: Донъ-Кихотъ (полный въ 7 или 8 частей). Хорошая вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставятъ

---

[1]) Двоюродный братъ А. П.

чуть ли не на одну доску съ Шекспиромъ. Совѣтую братьямъ прочесть «Донъ-Кихотъ и Гамлетъ» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествіе, прочти «Фрегатъ Палладу» Гончарова. Наши учителя берутъ съ пансіонеровъ по 350 р., а кормятъ бѣдныхъ мальчишекъ, какъ собакъ, юшкой отъ жаркого. А. Чеховъ [2]).

[2]) Письмо это А. П. написалъ, когда былъ въ шестомъ классѣ гимназіи, брату своему Михаилу Павловичу, бывшему тогда во второмъ классѣ Московской второй гимназіи.

Ал. П. Чехову [1]).

(*1878 года*).

«Korbo [3]) canis clarissimus mortuus est. Gaude te asinum, sed non canem esse, nam asini diutius vivunt» [4]).

---

[1]) Александръ Павловичъ—старшій братъ А. П.

[2]) Годъ сообщенъ Иваномъ Павловичемъ Чеховымъ.

[3])Собака «Корбо», помѣсь таксы съ фокстерьеромъ, была любимицей въ семьѣ Чеховыхъ. Семья состояла тогда изъ Павла Егоровича (отца), Евгеніи Яковлевны (матери), дѣтей: Николая, Ивана, Михаила и сестры Маріи.

[4]) Славный песъ Корбо умеръ. Радуйся тому, что ты — оселъ а не собака, потому что ослы живутъ дольше.

Д. Т. Савельеву.

(Относится къ *1882 г.*)

Душа моя, милый мальчикъ!

Дѣло въ томъ, что хоть въ петлю залѣзай... Рыскалъ вчера цѣлый вечеръ и окромя 5 руб. да пьянственнаго состоянія ни.... не добылъ. Иду сейчасъ рыскать. Авось! Ты меня извини... но чертъ меня дернулъ не жениться еще до сихъ поръ на богатой купчихѣ! Твой *Чеховъ*.

[1]) Докторъ Д. Т. Савельевъ былъ другъ дѣтства А. П., онъ былъ его однокашникомъ по гимназіи и товарищемъ по Московскому университету. Д. Т. Савельевъ, состоя земскимъ врачомъ въ Таганрогскомъ округѣ, борясь съ разразившейся тамъ эпидеміей сыпного тифа, заразился этой болѣзнью и умеръ въ іюлѣ с. г.

Ему же.

(Относится къ *1884 году*).

Любезный другъ! Дмитрій (Ермакъ) Тимоѳеевичъ!

Получилъ твое письмо только поздно вечеромъ и на оное сѣмо отвѣтить. Спасибо, во-первыхъ, что не церемонился и обратился ко мнѣ, а, во-вторыхъ, извини, что сей конвертъ пустъ. Просимыя тобою деньги (15 руб., въ крайнемъ случаѣ—10) принилю тебѣ къ 5—6 часамъ вечера.

Не думай, что ты меня стѣсняешь и проч... Это не товарищеская дума. Да къ тому же я буквально *ничѣмъ* не жертвую, давая тебѣ взаймы. Пожалуйста, не церемонься и, главное, не стѣсняйся.

Кстати: балъ (съ курсистками) будетъ у Маріи Павловны [1]) не въ понедѣльникъ, а во вторникъ, о чемъ сообщи Макару [2]). Ты же забѣги и въ понедѣльникъ чайку попить. Притащи и Макара. Это не въ счетъ абонемента. *А. Чеховъ*. Нину разсказъ.

[1]) Сестра Антона Павловича была на курсахъ Герье.

[2]) В. П. Зембулатовъ, другъ А. П. Прозвище «Макаръ» онъ получилъ еще въ гимназіи, гдѣ вмѣстѣ учился съ А. П., благодаря поразительному сходству съ тѣмъ древнимъ Макаромъ, на котораго всѣ шишки валятся. Это была свѣтлая, но тихая, скромная личность. Прозвище «Макаръ» не покинуло его до послѣднихъ дней его жизни; въ письмѣ отъ 4 авг. 1903 г. А. П. называетъ его «Макаромъ». Умеръ Вас. Ив. недавно.

Ему же.

1884 г. Январь. Москва.

Любезный другъ, Дмитрій Тимоѳеевичъ! Сейчасъ пріѣхалъ. Если бы ты не прислалъ, то я самъ бы вечеромъ притащилъ тебѣ твой восхитительный сюртукъ [1]).

Спасибо тебѣ восьмиэтажное (съ чердакомъ и погребомъ). Не будь твоего сюртука, я погибъ бы отъ равнодушія женщинъ!!! Впрочемъ, ты человѣкъ женатый и не понимаешь насъ, холостяковъ (вздыхаю). Посылаю тебѣ Зернова и Лесгафта [2]). Физику Га (.) по вручи Макару [3]). На-дняхъ забѣгу къ тебѣ. Утомленъ до безобразія. Пишу фельетонъ.

Еще разъ спасибо за сюртукъ. Желаю, чтобы онъ у тебя женился и народилъ множество маленькихъ сюртучковъ. И Макаръ пусть женится. Ты же будь вѣренъ своей женѣ, иначе я донесу жандармскому генералу. Съ почтеніемъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) У Д. Т. Савельева былъ хорошій сюртукъ, пріобрѣтенный по случаю. Онъ давалъ его, въ случаѣ надобности, товарищамъ.

[2]) Учебники по медицинѣ.

[3]) В. И. Зембулатовъ.

Е. І. Савельевой [1]).

24 февраля 1884 г. Москва.

Многоуважаемая Евгенія Іасоновна!

Покорный Вашему *«поскорѣе и всю правду»* берусь за перо тотчасъ же по полученіи Вашего письма и, прежде чѣмъ поставить первую точку, даю слово, что напишу одну только желаемую правду.

Вашъ долговязый супругъ, а мой другъ Дмитрій Тимоѳеевичъ живъ и здоровъ. Видѣлъ я его третьяго дня (до обѣда и вечеромъ). Видѣлъ и раньше много разъ. Вѣрую также, что увижусь съ нимъ завтра или послѣзавтра. Онъ здоровъ тѣлесно, но не духовно. Настроеніе его духа, насколько я-смыслю, нельзя назвать хорошимъ: опечаленъ смертью матери, тоскуетъ за Вами и изо дня въ день ждетъ того блаженнаго часа, когда обстоятельства позволятъ ему выбраться изъ Москвы. Тоска по матери съ каждымъ днемъ дѣлается все меньше и меньше, что есть естественно и понятно: тяжелыя обстоятельства сглаживаютъ, стушевываютъ эту тоску. Ему и тосковать некогда. Обстоятельства, одно другого хуже, враждебнѣе и, что хуже всего, неожиданнѣе, громоздятся, какъ льдины весной, тѣснятъ Митю и не пускаютъ его къ Вамъ. Онъ геройски борется съ ними и даже рѣдко жалуется. Приходится прочитывать все на его вытянутой физіономіи. Въ чемъ дѣло—онъ самъ разскажетъ Вамъ. Описывать же я не стану: длинно да и

---

[1]) Жена Д. Т. Савельева.

подробностей не знаю. Скажу только, что самое тяжелое прошло... Остались одни только финансовыя дѣла. Покончивъ съ финансами, онъ немедленно покатитъ къ Вамъ. Но никакіе финансы, никакія обстоятельства не терзаютъ его такъ, какъ разлука съ Вами. Онъ говоритъ только о Васъ, думаетъ только о поѣздкѣ къ Вамъ. Будь Вы около него, мнѣ кажется, онъ претерпѣлъ бы на половину менѣе терзаній, чѣмъ претерпѣвалъ ихъ въ послѣдній мѣсяцъ.

Судьба очень глупо сострила, поставивъ между Вами тысячеверстное разстояніе. Вообще, судьба держитъ себя мерзко по отношенію къ Вашему мужу, и онъ умно дѣлаетъ, что держитъ себя героемъ. Я уважаю въ немъ эту выносливость. Скоро онъ дастъ Вамъ отвѣтъ на всѣ Ваши письма. Ѣдетъ онъ завтра или послѣзавтра. Лишняго дня онъ не просидитъ въ Москвѣ—за это ручаюсь головой.

Такой нервной, впечатлительной натурѣ, какъ онъ, трудно усидѣть въ Москвѣ даже лишній часъ, въ особенности же, если эта натура женатая. Вообще не безпокойтесь. Тяжелое прошло.

Если это письмо покажется Вамъ короткимъ, мало отвѣчающимъ на Ваше письмо, то не сѣтуйте.

Не пишу Вамъ подробностей, потому, что увѣренъ въ томъ, что вслѣдъ за этимъ письмомъ ѣдетъ къ Вамъ и самъ виновникъ нашей переписки.

А за довѣріе спасибо.

Въ заключеніе прошу принять нижайшій поклонъ отъ меня и сестры. Прошу также не забывать, что у Васъ есть покорнѣйшій слуга, уважающій *А. Чеховъ*.

P. S. Пріѣду въ Таганрогъ въ концѣ іюня въ полной надеждѣ, что у меня уже есть невѣста, Вами мнѣ обѣщанная. Мои условія: красота, грація и... увы! тысченокъ хоть 20. Нынѣшняя молодежь ужасно меркантиль-

на. Кромѣ невѣсты, я долженъ еще получить съ Васъ (по московскому обычаю) на-чай: я за все время Вашего пребыванія въ Таганрогѣ еще ни разу не совратилъ съ пути истины Вашего супруга.

Поклонитесь ему, когда онъ пріѣдетъ.

Д. Т. Савельеву [1]).

30 или 31 марта 1884 г.

Голубчикъ, Дмитрій Тимоѳеевичъ!

Посылаю тебѣ 15 рублей. Извини, что не могъ больше достать. Отдай ихъ іереямъ и діаконамъ, на счетъ же гробовщика потолкуемъ сегодня за обѣдомъ. Какъ-нибудь устроимъ дѣло.

Обязательно приходи обѣдать. Тащи обѣдать и Макара [2]). Наварю для Васъ солонины съ хрѣномъ. Чѣмъ раньше прійдете оба, тѣмъ пріятнѣе будетъ моей семьѣ и

А. Чехову

[1]) На конвертѣ приписка: «Благопріятный отвѣтъ».

[2]) В. И. Зембулатовъ.

Ему же.

1884 г. 1 сентября. Москва.

Любезный другъ, Дмитрій Тимоѳеевичъ!

Письмо твое получилъ я только вчера (3-го), по пріѣздѣ изъ Воскресенска. Порученія твои исполню съ готовностью, ибо досуга у меня много. Лекціи начнутся не ранѣе 10—15 сентября, такъ какъ Ек.[1]) больница ремонтируется. Проценты въ ссуду уплачу тотчасъ же по полученіи отъ тебя квитанціи. Если, посылая мнѣ квитанціи, не пришлешь мнѣ денегъ, то этимъ окажешь для меня великую услугу: ты знаешь, какъ жутко ходить въ почтамтъ за полученіемъ! Уплачу свои, а потомъ расквитаемся.

Чтобы не быть у меня въ долгу по части порученій, исполни мою маленькую просьбу: поклонись своей женѣ 100 разъ за ея память о моей персонѣ. Но это не все. Если у тебя есть свободное время, то забѣги какъ-нибудь въ городскую управу и спроси тамъ, какъ поживаетъ моя стипендія?[2]) Я не получалъ еще за послѣднюю треть. Если управа намѣрена выслать мнѣ, то пусть поспѣшитъ высылкой. Все имѣвшееся у меня я ухлопалъ на семью[3]) и теперь сижу на бобахъ, ощущая

---

[1]) Екатерининская больница.

[2]) Будучи студентомъ, А. П. получалъ денежную помощь отъ Таганрогской городской управы.

[3]) Въ 1884 г. А. П. перевезъ изъ Таганрога въ Москву всю семью, устроилъ сестру на курсахъ, а отцу досталъ съ помощью товарища Коробова мѣсто у родственниковъ послѣдняго.

всѣми своими нервами отсутствіе въ карманѣ всякаго присутствія. Живу пока въ кредитъ, получки [4]) же мои начнутся только въ октябрѣ.

О причинахъ, не пустившихъ меня на югъ [5]), сообщу при свиданіи. Приписка твоей супруги повергла меня въ печаль [6]). Я почувствовалъ наклонность къ семейной жизни, пожелалъ быть отцомъ и вдругъ! Мнѣ пишутъ, что невѣста еще не нашлась! А ты, скотъ безчувственный, не могъ употребить власти и прикрикнуть на жену, чтобы пристроила твоего друга! Я отказалъ многимъ богатымъ невѣстамъ, надѣясь на обѣщаніе твоей жены,—можешь, стало-быть, понять теперь мое положеніе! Опять придется ходить всю зиму въ Salon [7]). Книжку вышлю, когда схожу въ складъ изданія.

Кланяюсь.

Твой *Чехонте*.

---

[4]) Литературные гонорары.

[5]) «Причины» — чисто матеріальныя обстоятельства и семейныя хлопоты.

[6]) При разставаніи съ А. П. въ Москвѣ Е. І. Савельева обѣщала найти ему невѣсту. Обѣщаніе это вызвано было поведеніемъ А. П.; въ это время онъ всѣ ночи проводилъ гдѣ-то не дома, въ компаніи литераторовъ, рецензентовъ и проч.

[7]) Salon «de-Variétés»—кафешантанъ на Б. Дмитровкѣ.

П. А. Сергѣенко.

84-го года, XII/17.

Любезный другъ Петръ Алексѣевичъ!

Получилъ вырѣзку изъ невѣдомаго органа и работы невѣдомаго автора [1]). Шлю «невѣдомому Богу» благодарность, кусочекъ коей можешь себѣ присвоить не столько за вырѣзку, сколько за память. Давно собирался нацарапать тебѣ и вотъ по какому поводу. Мѣсяцъ тому назадъ я послалъ въ «Стрекозу» разсказъ, посвященный «недавно судившемуся другу моему Эмилю Пупу» [2]). Заглавія не помню. Память до того подлая, что скоро забуду, гдѣ верхъ, гдѣ низъ. Кажется, «Ночь передъ судомъ», но не ручаюсь. Подъ заглавіемъ курсивная строка: «Случай изъ моей медицинско-шарлатанской практики». Подпись: «Дяденька».

Было ли до сегодня напечатано что-либо подобное въ «Стрекозѣ»? [3]). Этого журнала я не вижу и не читаю: то боленъ, то занятъ и нигдѣ не бываю. Написать въ «Стрекозу» справку не хочется. Разсказъ нѣсколько неценсу-

---

[1]) Въ 1884 г. П. А. Сергѣенко прочиталъ подаренныя ему Чеховымъ «Сказки Мельпомены» и, придя отъ нихъ въ восхищеніе, написалъ въ одной изъ южныхъ газетъ горячую рецензію, съ предсказаніемъ автору блестящей будущности. Эту рецензію, вырѣзанную изъ газеты, и получилъ А. П.

[2]) «Эмиль Пупъ»—юмористическій псевдонимъ П. А. Сергѣенко.

[3]) Разсказъ этотъ не былъ напечатанъ въ «Стрекозѣ», а появился уже въ «Осколкахъ» въ № 5 за 1886 г., стр. 3—4, за подписью А. Чехонте.

ренъ: либераленъ, саленъ и проч. Если будешь писать въ Питеръ, то справься о судьбѣ чеховскаго разсказа. Впрочемъ, справка эта не имѣетъ особой важности, и я мало потеряю, если ты забудешь. Пишу же тебѣ о семъ съ тою цѣлью, чтобы выдать тебѣ съ головою автора, дерзнувшаго украсить свой разсказъ твоимъ эмилепупствомъ. Ну, какъ живешь? Чай, на южномъ просторѣ [4]) плодишься и размножаешься и стишки пописываешь? Счастливчикъ. Я же скорблю. Работы—пропасть, денегъ мало, зима скверная, здоровье негодное. Поемъ «Фрере-Жаки»,—слѣдъ, тобою оставленный. Мечталъ къ празднику побывать въ Питерѣ, но задержало кровохарканье (не чахоточное). Читаю твои произведенія и браню тебя за неприлежаніе: мало пишешь. Не увидимся ли гдѣ-нибудь лѣтомъ? А? Напиши-ка? На югѣ лѣтомъ я буду. Вчера снился мнѣ почему-то Крамсаковъ [5])? Избираю его фамилію своимъ фельетоннымъ псевдонимомъ. Прощай. Жму тебѣ руку и желаю тебѣ кушно съ твоей семьей всѣхъ благъ.

Твой *А. Чехонте.*

Срѣтенка, Головинъ пер., д. Елецкаго.

---

[4]) Въ Одессѣ.

[5]) Учитель географіи и ариѳметики таганрогской гимназіи.

Е. І. Савельевой.

2 января 1887 г. Москва.

Уважаемая Евгенія Іосифовна.

На поздравленіе съ Новымъ годомъ отвѣчаю тѣмъ же и прошу прощенія, что не предупредилъ Васъ и не поздравилъ раньше. Ужасный я невѣжа! На Рождество послалъ я множество поздравительныхъ писемъ и карточекъ... Почему не послалъ Вамъ, сказать опредѣленно не могу: вѣроятно, по разсѣянности... А что забвеніе тутъ ни при чемъ, можетъ засвидѣтельствовать Вамъ Вашъ супругъ, обѣдавшій у насъ на Ваши именины и слышавшій, какъ я произносилъ тостъ за здоровье «отсутствующихъ женъ»... За Ваше здоровье было выпито два раза.

За Ваше сочувствіе по поводу усиленныхъ занятій и нездоровья большое спасибо. Тронутъ и вниманіемъ, и памятью, и искренностью. То, другое и третье не заслужено. Дѣло въ томъ, что толки объ «усиленныхъ занятіяхъ» преувеличены. Работаю, какъ и всѣ... Ночи сплю, часто шатаюсь безъ дѣла, не отказываю себѣ въ увеселеніяхъ... гдѣ же тутъ усиленныя занятія? Я вовсе не скромничаю. Вашъ «самъ», воспѣвающій больше всѣхъ мое трудолюбіе, можетъ засвидѣтельствовать, что я встаю не раньше 10-ти и ложусь не позже 12-ти... Истые труженики не спятъ такъ долго.

Нездоровье мое немножко напугало меня и въ то же время (бываютъ же такіе фокусы!) доставило мнѣ не ма-

ле хорошихъ, почти счастливыхъ минутъ. Я получилъ столько сочувствій искреннихъ, дружескихъ, столько, что могъ воображать себя аркадскимъ принцемъ, у котораго много царедворцевъ. До болѣзни я не зналъ, что у меня столько друзей... Развѣ не лестно получать такія письма, какъ Ваше? Ради него не грѣшно покапнять линіей денекъ...

Вашъ тиранъ сидитъ у меня. Узналъ, что я получилъ отъ Васъ письмо, онъ пришелъ въ ярость и чуть не побилъ меня... Отелло... какихъ мало... Поведеніе его похвалить, конечно, не могу... Деморализовалъ всю мою семью: устроилъ въ моемъ домѣ опереточный театръ, заставляетъ всѣхъ жениться и проч. Въ ожиданіи его исправленія и въ надеждѣ, что все у Васъ обстоитъ благополучно, кланяюсь Вамъ и остаюсь уважающимъ, готовымъ къ услугамъ *А. Чеховымъ*.

Семья Вамъ кланяется.

Дозволено цензурою. 2 января 1885 г. Цензоръ *Дмитрій Савельевъ*.

Н. П. Чехову.

(1885 г.).

Воспитанные люди, по моему мнѣнію, должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) Они уважаютъ человѣческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вѣжливы, уступчивы... Живя съ кѣмъ-нибудь, они не дѣлаютъ изъ этого одолженія, а уходя не говорятъ: «Съ вами жить нельзя!» Они прощаютъ и шумъ, и холодъ, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствіе въ ихъ жильѣ посторонних.

2) Они сострадательны не къ однимъ только нищимъ и кошкамъ. Они болѣютъ душой и отъ того, чего не увидишь простымъ глазомъ. Они ночей не спятъ, чтобы помогать П., платить за братьевъ-студентовъ, одѣвать мать.

3) Они уважаютъ чужую собственность, а потому и платятъ долги.

4) Они чистосердечны и боятся лжи какъ огня. Не лгутъ они даже въ пустякахъ. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляетъ въ его глазахъ говорящаго. Они не рисуются, держатъ себя на улицѣ такъ же, какъ дома, не пускаютъ пыли въ глаза меньшей братіи... Они не болтливы и не лѣзутъ съ откровенностями, когда ихъ не спрашиваютъ... Изъ уваженія къ чужимъ ушамъ они чаще молчатъ...

5) Они не уничтожаютъ себя съ той цѣлью, чтобы вызвать въ другомъ сочувствіе. Они не играютъ на струнахъ чужихъ душъ, чтобы въ отвѣтъ имъ вздыхали и пяньчились съ ними. Они не говорятъ: «Меня не понимаютъ!» или: «Я размѣнялся на мелкую монету», потому что все это бьетъ на дешевый эффектъ, пошло, старо, фальшиво.

6) Они не суетны. Ихъ не занимаютъ такіе фальшивые брилліанты, какъ знакомство съ знаменитостями, рукопожатія пьянаго П., восторгъ встрѣчнаго въ salon'ѣ, извѣстность по портернымъ. Они смѣются надъ фразой: «Я представитель печати!!» Дѣлая на грошъ, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастаютъ тѣмъ, что ихъ пустили туда, куда другихъ не пустили. Истинные таланты всегда сидятъ въ потемкахъ, въ толпѣ, подальше отъ выставки... Даже Крыловъ сказалъ, что пустую бочку слышнѣе, чѣмъ полную.

7) Если они имѣютъ въ себѣ талантъ, то уважаютъ его. Они жертвуютъ для него покоемъ, женщинами, виномъ, суетой... Они горды своимъ талантомъ, сознавая, что они призваны воспитывающе вліять. Къ тому же они брезгливы..

8) Они не воспитываютъ въ себѣ эстетику. Они не могутъ уснуть въ одеждѣ, видѣть на стѣнѣ щели съ клопами, дышать дряннымъ воздухомъ, шагать по оплеванному полу, питаться изъ керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинктъ. Имъ нужны отъ женщины не постель, не лошадиный потъ, не умъ, выражающійся въ умѣньѣ лгать безъ устали... Имъ, особливо художникамъ, нужны свѣжесть, изящество, человѣчность, способность быть матерью. Они не трескаютъ походя водку, не понюхаютъ шкафовъ, ибо они знаютъ, что они не свиньи. Пьютъ они только, когда свободны, при случаѣ... Ибо имъ нужны *mens sana in corpore sano*.

И т. д. Таковы воспитанные. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, въ которую попалъ, недостаточно прочесть только «Пикквика» и вызубрить монологъ изъ «Фауста»... Тутъ нужны безпрерывный дневной и ночной трудъ, вѣчное чтеніе, штудировка, воля... Тутъ дорогъ каждый часъ...

М. П. Чехову.

Медицинское свидѣтельство.

Дано сіе студенту Императорскаго Московскаго университета Михаилу Павловичу Чехову, православнаго вѣроисповѣданія, въ удостовѣреніе, что онъ состоитъ съ 1865 года моимъ роднымъ братомъ и уполномоченъ мною брать въ редакціяхъ, въ коихъ я работаю, денегъ, сколько ему потребно, что подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣрию. Врачъ *А. П. Чехов*.

Москва 1886 г., января 15-го дня.

На свидѣтельствѣ семъ наварена сургучная печать [1].

[1] За свой романъ «Драма на охотѣ», помѣщенный А. П. въ «Новостяхъ Дня», которыя тогда очень скупились, онъ получалъ всего только по 3 рубли въ недѣлю. «Драма на охотѣ» печатное произведеніе «Новости Дня» №№ 212, 213, 218, 219, 226, 233, 241, 247, 253, 254, 261, 275, 282, 289, 296, 303, 310, 317, 331, 338, 345, 353 1884 г. и продолженіе: №№ 26, 45, 62, 75, 80, 95, 98, 102, 107 и 111—1885 г. подпись: Антоша Чехонте.) Мих. Павл. тогда былъ студентомъ и ходилъ по редакціямъ за гонораромъ, на что и имѣлъ отъ А. П. приводимое здѣсь удостовѣреніе.

«Бывало,—вспоминаетъ Мих. Павл.,—придешь съ этимъ документомъ въ «Новости Дня» за полученіемъ 3-хъ рублей и ждешь—ждешь, когда газетчики принесутъ выручку... Сидятъ сотрудники... Тутъ же дѣвочка разучиваетъ гаммы на роялѣ. И почему-то ужасно хочется чаю.

Чего вы ждете?—спроситъ наконецъ издатель, которому станетъ жалко ожидающихъ.

—Да вотъ получить три рубля. . .

— У меня ихъ нѣтъ... Гдѣ же я ихъ возьму? Можетъ-быть, вы билетъ въ театръ хотите? Или брюки новыя? Такъ сходите къ портному такому то и возьмите у него брюки на мой счетъ!

И у него дѣйствительно не было денегъ. И нужно только удивляться, на какой тонкой ниточкѣ держалось тогда журнально-газетное дѣло въ Россіи.»

Ему же.

(1886 г.)

«Питеръ великолѣпенъ. Я чувствую себя на седьмомъ небѣ. Улицы, извозчики, провизія—все это отлично, а умныхъ и порядочныхъ людей столько, что хоть выбирай. Каждый день знакомлюсь. Вчера, напр., съ $10^1/_2$ часовъ утра до трехъ я сидѣлъ у Михайловскаго въ компаніи Глѣба Успенскаго и Короленка: ѣли, пили и дружески болтали. Ежедневно видаюсь съ Суворинымъ, Бурениным и проч. Всѣ наперерывъ приглашаютъ меня и курятъ мнѣ ѳміамъ. Я за три дня пополнѣлъ. Какъ я жалѣю, что не могу всегда жить здѣсь! Воспоминаніе о предстоящемъ возвращеніи въ Москву, кишащую NN и ZZ, портитъ мнѣ кровь. Знакомлюсь съ дамами. Получилъ отъ нѣкоторыхъ приглашенія. Пойду, хотя въ каждой фразѣ ихъ хвалебныхъ рѣчей слышится психопатія... Предубѣжденіе къ Петербургу—вещь довольно не похвальная въ интеллигентномъ человѣкѣ».

Ф. О. Шехтелю.

(1886 г.)

Sire!

Я въ Питерѣ. Видѣлъ Голике.

Мой адресъ: редакція Осколковъ, Троицкій пер.

Погода великолѣпная. Если напишете, какъ Ваше здоровье и гдѣ теперь Николай, то я скажу спасибо въ квадратѣ.

Вы, кажется, ошибаетесь: Лентовскій [1]) не цыганъ, а взбаломошный человѣкъ, который самъ себя не понимаетъ. Его не понимаютъ и онъ другихъ не понимаетъ. Буду писать ему насчетъ фееріи. Онъ симпатиченъ настолько, что трудно, вѣроятно, не работать на него даромъ. На дачѣ, конечно, Вы будете жить. Вчера я былъ у Суворина и взялъ денегъ.

Очень просто!

Вашъ *А. Чеховъ.*

Насчетъ кутежа, который будетъ у меня съ Голике въ воскресенье, сообщу особо.

---

[1]) М. В. Лентовскій, извѣстный въ свое время антрепренеръ.

Ему же.

(Февраль 1886 г.).

Vive le roi!

Отъ Голике [1]) получена бумага купно съ письмомъ, которое прилагаю и прошу сохранить для потомства.

Заглавіе книги «Пестрые разсказы А. Чехонте» [2]). Ни больше, ни меньше.

Ахъ, мнѣ кажется, Николая [3]) будетъ трудно вытащить для виньетки!

Лейкинъ проситъ, чтобы на виньеткѣ было написано: «Изданіе редакціи журнала «Осколки», каковая просьба должна быть уважена.

---

[1]) Р. Р. Голике, хозяинъ типографіи, въ которой печаталась книга А. П.

[2]) «Пестрые разсказы». Изд. журн. «Осколки». СПБ. Тип. Р. Голике. 1886. 8⁰—380 стр., 2.000 экз., ц. 1 р.

Содержаніе: Мыслитель. — Пассажиръ 1-го класса. — Злоумышленникъ.—Дочь Альбіона.—На чужбинѣ.—Разъ въ годъ.—Дѣтвора.—Мертвое тѣло.—Зиночка.—Отставной рабъ.—Кухарка женится.—Шило въ мѣшкѣ.—Драма.—Произведеніе искусства.—Орденъ.—Смерть чиновника.—Капитель.—У предводительши.—Хирургія.—Винтъ.—Капитанскій мундиръ.—Живая хронологія.—Восклицательный знакъ.—Ну, публика!—Пересолилъ.—Налимъ.—Пѣвчіе—Хамелеонъ.—Клевета.—Шведская спичка—Послѣдняя могиканша.—Беззаконіе.—Актерская погибель.—Мелюзга.—Зеркало.—Старость.—Горе.—Нахлѣбники.—Устрицы.—Тоска.—Егерь.

[3]) Братъ А. П. Николай Павловичъ, художникъ. Виньетку для обложки рисовать долженъ былъ онъ, но не поспѣлъ къ сроку, поэтому, чтобы выручить А. П., обложку нарисовалъ Ф. О. Шехтель. На ней изображенъ былъ мольбертъ, а передъ нимъ—карикатурная фигура длинноволосаго художника.

Сегодня у насъ былъ Тышко.

Хорошъ попъ у Софійскаго полка! Впрочемъ, недурно и консоме...

Вашъ А. Чеховъ.

Очень просто!

Во вторникъ у насъ будетъ Бегичевъ съ Киселевыми. Пріѣзжайте. Скажите объ этомъ Николаю, если увидите его.

Д. В. Григоровичу.

28 марта 1886 г.

Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовѣститель, поразило меня, какъ молнія. Я едва не заплакалъ, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокій слѣдъ въ моей душѣ. Какъ Вы приласкали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ Вашу старость, я уже не найду ни словъ, ни дѣлъ, чтобы благодарить Васъ! Вы знаете, какими глазами обыкновенно люди глядятъ на такихъ избранниковъ, какъ Вы; можете поэтому судить, что́ составляетъ для моего самолюбія Ваше письмо. Оно выше всякаго диплома, а для начинающаго писателя оно — гонораръ за настоящее и будущее. Я какъ въ чаду. Нѣтъ у меня силъ судить, заслужена мною эта высокая награда или нѣтъ. Повторяю только, что она меня поразила. Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою Вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его. Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Чтобы быть къ себѣ несправедливымъ, крайне мнительнымъ и подозрительнымъ, для организма достаточно причинъ чисто внѣшняго свойства. А такихъ причинъ, какъ теперь припоминаю, у меня достаточно. Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно къ моему авторству и не перестали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомараніе. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня или видѣлъ во мнѣ художника.

Въ Москвѣ есть такъ-называемый «литературный кружокъ», таланты и посредственности всякихъ возрастовъ и мастей собираются разъ въ недѣлю въ кабинетѣ ресторана и прогуливаютъ здѣсь свои языки. Если пойти мнѣ туда и прочесть хотя кусочекъ изъ Вашего письма, то мнѣ засмѣются въ лицо. За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и—пошла писать! Это первая причина. Вторая—я врачъ и по уши втянулся въ свою медицину, такъ что поговорка о двухъ зайцахъ никому другому не мѣшала такъ спать, какъ мнѣ. Пишу все это для того только, чтобы хотя немного оправдаться передъ Вами въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ. Доселѣ относился я къ своей литературной работѣ крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего разсказа, надъ которымъ я работалъ бы болѣе сутокъ, а «Егеря»,[1] который Вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ. Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои разсказы: машинально, полубезсознательно, нимало не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ самомъ. Писалъ я и всячески старался не потратить на разсказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно прятал.

Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я помню, искреннее письмо Суворина. Я началъ собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки вѣры въ свою собственную литературную путевость у меня не было. Но вотъ не ждано, не гадано явилось ко мнѣ Ваше письмо. Простите за сравненіе, оно подѣйствовало на меня, какъ губернаторскій приказъ «выѣхать изъ города въ 24 часа», т.-е.

---

[1]) «Егерь» былъ напечатанъ въ № 194 «Пет. Газ.» 1885 г., за подписью А. Чехонте.

я вдругъ почувствовалъ обязательную потребность спѣшить, скорѣе выбраться оттуда, куда завязъ.

Я съ вами во всемъ согласенъ. Причины, на которыя Вы мнѣ указываете, я чувствовалъ самъ, когда увидѣлъ «Вѣдьму» [2]) въ печати. Напиши я этотъ разсказъ не въ сутки, а въ 3—4 дня, у меня бы ихъ не было.

Отъ срочной работы избавлюсь, но не скоро. Выбиться изъ колеи, въ которую я попалъ, нѣтъ возможности. Я не прочь голодать, какъ уже голодалъ, но не во мнѣ дѣло. Письму я отдаю досугъ, часа 2—3 въ день, и кусочекъ ночи, т.-е. время, годное только для мелкой работы. Лѣтомъ, когда у меня досуга больше и проживать приходится меньше, я возьмусь за серьезное дѣло. Поставить на книжкѣ мое настоящее имя нельзя, потому что уже поздно: виньетка готова и книга напечатана [3]). Мнѣ многіе петербуржцы еще до Васъ совѣтовали не портить книги псевдонимомъ [4]), но я не послушалъ, вѣроятно, изъ самолюбія. Книжка моя мнѣ очень не нравится. Это винегретъ, безпорядочный сбродъ студенческихъ работишекъ, ощипанныхъ цензурой и редакторами юмористическихъ изданій. Я вѣрю, что, прочитавъ ее, многіе разочаруются. Знай я, что меня читаютъ и что за мной слѣдите Вы, я не сталъ бы печатать этой книги. Вся надежда на будущее. Мнѣ еще только 26 лѣтъ. Можетъ-быть, успѣю что-нибудь сдѣлать, хотя время бѣжитъ быстро. Простите за длинное письмо и не вмѣняйте человѣку въ вину, что онъ первый разъ въ жизни дерзнулъ побаловать себя такимъ наслажденіемъ, какъ письмо къ Григоровичу.

---

[2]) «Вѣдьма» была напечатана въ № 3600 «Нов. Вр.» 1886 г., за подписью А. Чехонте.

[3]) Здѣсь дѣло идетъ о первой книжкѣ А. П.—«Пестрые разсказы», изд. журн. «Осколки» въ 1886 г. Первый сборникъ «Сказки Мельпомены», изд. въ 1884 г., какъ извѣстно, успѣха не имѣлъ, и Чеховъ его упорно замалчивалъ.

[1]) Книга выпущена за подписью А. Чехонте.

Пришлите мнѣ, если можно, Вашу карточку [5]). Я такъ обласканъ и взбудораженъ Вами, что, кажется, не листъ, а цѣлую стопу написалъ бы Вамъ. Дай Богъ Вамъ счастья и здоровья и вѣрьте искренности глубоко уважающаго Васъ и благодарнаго *А. Чехова.*

[5]) Д. В. Григоровичъ исполнилъ просьбу Ант. Павл. и прислалъ свою фотографическую карточку со слѣдующей надписью: «Отъ стараго писателя—молодому таланту».

Ф. О. Шехтелю.

(Апрѣль, 1886 г.)

Милый Францъ Осиповичъ!

Въ Вашихъ глазахъ я рискую пріобрѣсти репутацію дрянного человѣка.

1) Пасхальную ночь Вамъ испортилъ.
2) На Рязанскій вокзалъ не поѣхалъ.

Итого: свинство.

Но дѣло вотъ въ чемъ. Гиляровскій боленъ, Куренинъ ко мнѣ не пріѣхалъ, Николай оказался занятымъ... съ кѣмъ же ѣхать?

Во-вторыхъ, Ваша телеграмма, поданная въ часъ тридцать минутъ и приглашающая меня пріѣхать въ 11, получена мною въ 4 часа. Въ-третьихъ, мы хорошо сдѣлали, что не поѣхали, ибо вѣтеръ, дождь и холодно... Нѣтъ худа, безъ добра.

Вы сердитесь?

Что касается меня, то я вчера былъ выпивши, чего и Вамъ желаю. Не поѣхать ли намъ въ Красково въ четвергъ. Если Вы не прочь, то я стану собирать компанію.

Если у Васъ въ чемоданчикѣ есть напитки, то ради Бога не выпейте ихъ одинъ. Напрасно не разговлялись у насъ: Тютюнникъ и Антоновскій великолѣпно изобра-

жали дьяконовъ. Извозчиковъ на Якиманкѣ много, а ветчина была чертовски хороша.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Посылаю Вамъ телеграмму, дабы Вы могли убѣдиться, что я не такой свинья, какъ Вы думаете.

Какой дождь!

У насъ съ визитомъ былъ Тышко. Онъ, вѣроятно, купался въ геліотропѣ, ибо оставилъ послѣ себя такой брокарный чадъ, что у всѣхъ разболѣлись головы.

Но Вы все-таки не сердитесь.

Ему же.

4 іюнь (1886 г.).

Простите, милѣйшій другъ, что я такъ варварски опаздываю съ письмомъ, которое обѣщалъ прислать въ первую же недѣлю своего дачнаго житія. Во-первыхъ, обязательное писанье утомляло, а во-вторыхъ, какъ-то не писалось: вздумаешь сѣсть за письмо и забудешь.

Вы, который живете только чувствами, не замѣчаете холода, но мнѣ дачнику нестерпимо холодно... Бррр!.. Когда же грѣетъ солнце, мое бѣдное тѣло сожираютъ комары, мошкара и прочіе крокодилы. 10-го іюня улетаю въ Питеръ, а оттуда въ Ладожское озеро.

Получили ли Вы Вашъ чемоданъ? Я приказалъ Петру (сторожу учителя) отнести его Вамъ... Возвращаю его чахоточнымъ... Увы, южный климатъ оказывается вреднымъ для чемодановъ! Не моя тутъ вина!

... Ваша послѣдняя откровенная бесѣда со мной произвела на меня освѣжающее впечатлѣніе, ибо во-1) она удвоила мою симпатію къ Вамъ и во-2) изъ нея почерпнулъ я одно драгоцѣнное свѣдѣніе, а именно, что не я одинъ бываю мученикомъ и, какъ мнѣ казалось, тряпкой въ извѣстныхъ случаяхъ, для меня эти случаи всегда доставляли тьму непереваримыхъ волненій и тревогъ, и я былъ мученикомъ до мозга костей, пока не привыкалъ къ своему душевному состоянію; моя душевная чувствительность всякій разъ достигала такого градуса, что я становился тряпицей, которую вол-

повалъ всякій пустякъ, и не могъ глядѣть на вещи просто — въ такомъ положеніи я, конечно, съѣлъ бы..... Вообще, скучно, и скучно... Перейду къ веселому.

Въ Бабкинѣ попрежнему тараканить некого.

Работы много, такъ что ..... некогда.

Если увидите Николая, то передайте ему, что я жду его къ себѣ на дачу.

Ложусь спать. Быть-можетъ, завтра пришлете еще что-нибудь.

5-го іюня. Идетъ дождь. Бррр! Это письмо Вы получите 7-го. Если 8-го напишете мнѣ, то я успѣю получить до выѣзда въ Петербургъ. Прощайте, будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Ему же.

1886 г. VI/8.

Добрѣйшій и тяжелѣйшій на подъемъ Францъ Осиповичъ!

Письмо ваше получилъ. Отвѣтъ мой простъ: вы свой собственный врагъ. Стыдно сидѣть въ душной Москвѣ, когда есть возможность пріѣхать въ Бабкино [1]). Житье въ городѣ лѣтомъ—это хуже ..... и безнравственнѣе ..... У насъ великолѣпно: птицы поютъ, Левитанъ [2]) изображаетъ чеченца [3]), трава пахнетъ, Николай пьетъ... Въ природѣ столько воздуха и экспрессіи, что нѣтъ силъ описать... Каждый сучокъ кричитъ и просится, чтобы его написалъ Левитанъ, держащій въ «Бабкинѣ» ссудную кассу [4]). Николай обрился и помѣшался на индѣйскомъ нѣтухѣ. Высшее его наслажденіе—это свистать индюку или изображать его. Я пишу, пишу,

[1]) „Бабкино"—усадьба А. С. Киселева, въ 5-ти верстахъ отъ Воскресенска. До 1885 г. Чеховы бывали у Киселева въ «Бабкинѣ» только гостями, а съ 1885 г. три лѣта подъ-рядъ прожили въ самомъ «Бабкинѣ» на дачѣ, куда ихъ пригласили сами Киселевы (объ этомъ см. М. Чеховъ, сбор. „Памяти Чехова". Изд. Общ. Люб. Росс. Сл.

[2]) Художникъ И. И. Левитанъ—большой другъ А. П.

[3]) Объ этомъ см. М. Чеховъ сб. „Памяти А. П. Чехова". Изд. Общ. Люб. Росс. Сл.

[4]) На дачѣ, въ которой жилъ Левитанъ, И. П. Чеховъ помѣстилъ вывѣску: „Ссудная касса купца Левитана".

пишу... и лѣнюсь. Вчера пріѣхалъ Бегичевъ [5], который открылъ у насъ парикмахерскую. Пріѣзжайте не на недѣлю, а на двѣ, на три. Каяться не будете, особливо, если вы не противъ жить по-свински, т.-е. довольства исключительно только растительными процессами. Бросьте вы вашу архитектуру! Вы намъ ужасно нужны. Дѣло въ томъ, что мы (Киселевъ, Бегичевъ и мы) собираемся судить по всѣмъ правиламъ юриспруденціи, съ прокурорами и защитниками, купца Левитана, обвиняемаго: a) въ уклоненіи отъ воинской повинности. b) въ тайномъ винокуреніи... c) въ содержаніи тайной кассы ссудъ, d) въ безнравственности и проч.

Приготовьте рѣчь въ качествѣ гражданскаго истца. Ваша комната убрана этюдами. Кровать давно уже ждетъ васъ.

Напишите, когда ждать Васъ. Мы устроимъ Вамъ торжественную встрѣчу. Купанье грандіозное. Рыба ловится плохо. Жму руку. *А. Чеховъ.*

---

[5]) Вл. Нет. Бегичевъ—родственникъ Киселевыхъ, послужившій А. П—чу оригиналомъ для графа Шабельскаго („Ивановъ“) и Гаева („Вишневый садъ“).

[6]) Объ этомъ см. воспоминанія М. Чехова.

Д. Т. Савельеву.

4 февраля 1887 г. Москва.

Милый другъ, вчера я вернулся изъ Петербурга, гдѣ ставилъ свою пьесу [1]), и нашелъ у себя на столѣ твое письмо. Сегодня же былъ я въ магазинѣ Суворина и распорядился, чтобы тебѣ были высланы книги и календари. Магазинъ обѣщалъ выслать 6 февраля. Опоздалъ я, какъ видишь, не по своей винѣ: не было меня въ Москвѣ.

Пьеса моя имѣла громадный успѣхъ и я вернулся увѣнчанный лаврами. Подробности можешь узнать въ «Новомъ Времени».

Спасибо за поздравленія и пожеланія. И тебѣ того же желаю, но только въ квадратѣ $(a+b)^2$.

Аннѣ Ивановнѣ [2]) передай, что всѣхъ моихъ произведеній нельзя выслать теперь, такъ какъ двѣ книжки совершенно распроданы и печатаются новымъ изданіемъ. Когда будутъ отпечатаны, я поспѣшу исполнить ея желаніе. Въ эту весну я буду на югѣ и постараюсь воспользоваться ея приглашеніемъ, которое я давно намоталъ себѣ на усъ и держу въ запасѣ. Лѣтомъ я былъ на Кавказѣ [3]), но шатанье по Батумамъ, Тифлисамъ и Баку такъ утомило меня, что я еле добрался до Ростова.

---

[1]) «Ивановъ».

[2]) А. И. Пѣховская—помѣщица. Она знала А. П. только по разсказамъ Д. Т. Савельева, но знакома съ нимъ не была.

[3]) Лѣтомъ 1886 г. А. П. былъ на Кавказѣ и заѣзжалъ въ Таганрогъ къ Е. І. Савельевой; по поводу этого визита А. П. писалъ Савельеву, но письмо это не сохранилось.

Если соберусь ѣхать къ тебѣ, то дамъ знать телеграммой изъ Таганрога. На дачѣ я буду жить около Сумъ или въ Полтавской губ., куда приглашу тебя, буде пожелаешь.

Ну, будь здоровъ, богатъ и счастливъ. Дружески пожимаю тебѣ руку и остаюсь сердечно преданнымъ *А. Чеховымъ.*

P. S. Серьезно: не захочешь ли пожить у меня недѣльку на дачѣ? Я былъ бы радъ, а семья и подавно. Старину бы вспомнили.

Ф. О. Шехтелю.

(1887 г.).

Обманутый Человѣкъ!

Простите за обманъ. Дѣло въ томъ, что я разсчитывалъ, что Вы, потерпѣвъ крушеніе съ быками [1]), не возвратитесь къ сроку, а во-вторыхъ, я былъ позванъ къ Коршу *по дѣлу*.

Адресъ Гиляя [2]) не знаю. Онъ можетъ-быть узнанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Будьте сегодня у Корша. Дается «Холостякъ» Тургенева, гдѣ, по словамъ Корша, Давыдовъ выше критики. Я буду тамъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

[1]) Когда Ф. О. Шехтель ѣхалъ по желѣзной дор., то поѣздъ наѣхалъ на стадо быковъ.

[2]) В. А. Гиляровскій.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

Іюль 1887 г.

Пишу Вамъ на бумагѣ новѣйшаго формата[1]). Новая мода. Надо итти въ уровень.

Я Васъ жду къ себѣ и уже писалъ Билибину, чтобы онъ, Билибинъ, пригласилъ Васъ ко мнѣ. Теперь пользуюсь Вашимъ адресомъ, чтобы пригласить Васъ непосредственно...

Пріѣзжайте хоть сейчасъ. 1—2 іюля я буду въ Москвѣ и позднѣе, быть-можетъ, въ Рязанской губерніи.

Если пріѣдете сію минуту, то попадете какъ-разъ къ центру времени и пространства.

Передъ выѣздомъ за 7—8 часовъ вышлите мнѣ телеграмму по масштабу: «Воскресенскъ, Чехову. Буду вторникъ дачнымъ. Лазаревъ». Можно и безъ слова «ѣду». Если разоритесь на телеграмму, то вышлю Вамъ на станцію своего лейбъ-кучера Алексѣя съ тележкой, который беретъ за доставку юмористовъ очень дешево. Ѣхать отъ станціи 21 версту. Алексѣя узнаете по: 1) глупости, 2) растерянному взгляду и 3) № «Новаго Времени», который я велю держать ему въ рукахъ.

Будьте здоровы и остроумны, какъ всегда.

А. Чеховъ.

---

[1]) Почтовый листокъ весь оборванъ по краямъ.

А. Н. Плещееву.

3 августа 1887 г.

Милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ! Можете себѣ представить, я не за границей и не на Кавказѣ, а вотъ уже двѣ недѣли одиноко сижу въ полуторарублевомъ номерѣ, въ татарско-парикмахерскомъ городѣ Ялтѣ. Ѣхалъ я за границу, но попалъ случайно въ Одессу, прожилъ тамъ дней десять, а оттуда, проѣвъ половину своего состоянія на мороженомъ (было очень жарко), поѣхалъ въ Ялту. Поѣхалъ зря и живу въ ней зря. Утромъ купаюсь, днемъ умираю отъ жары, вечеромъ пью вино, а ночью сплю. Море великолѣпно, растительность жалкая, публика всплошную шмули или больные. Каждый день собираюсь уѣхать и все никакъ не уѣду. А уѣхать надо. Совѣсть загрызла. Немножко стыдно сибаритствовать въ то время, когда дома не ладно. Уѣзжая, я оставилъ дома унылую скуку и страхъ. Сіе письмо

---

[1]) Письма къ А. Н. Плещееву относятся къ тому времени, когда А. Н. завѣдывалъ беллетристическимъ отдѣломъ въ журналѣ «Сѣверн. Вѣстникъ», въ періодъ его изданія А. В. Сабашниковой, подъ редакціей А. М. Евреиновой (съ 1885—1889 г. Послѣдній годъ А. М. Евреинова была и издательницей журнала, который съ 90 г. перешелъ къ Б. Б. Глинскому, а черезъ годъ къ Любови Як. Гуревичъ). Вл. Г. Короленко сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ, что онъ первый отъ имени редакціи журнала вступилъ въ переговоры съ А. П. объ его сотрудничествѣ въ «Сѣверн. В.» въ началѣ 1887 г. Дальнѣйшую переписку съ Чеховымъ велъ А. Н. Плещеевъ.

имѣетъ цѣль двоякую 1): привѣтствовать Васъ и напомнить о своемъ многогрѣшномъ существованіи и 2) просить Васъ увѣдомить Анну Михайловну [2]), что разсказъ она получитъ отъ меня не позже 1-го сентября. Это уже рѣшенное дѣло, ибо разсказъ почти готовъ. Несмотря на жару и ялтинскія искушенія, я пишу. Написалъ уже на 200 цѣлковыхъ, т.-е. цѣлый печатный листъ.

У меня сегодня радость. Въ купальнѣ чуть было не убилъ меня мужикъ длиннымъ тяжелымъ шестомъ. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла отъ шеста на одинъ сантиметръ.

Въ Ялтѣ много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущихъ, но ни одного талантливаго человѣка. Много вина, но ни одной капли порядочнаго. Хороши здѣсь только море да лошади-иноходцы. Ѣдешь верхомъ на лошади и качаешься, какъ въ люлькѣ. Жизнь дешевая. Одинокій человѣкъ можетъ отлично прожить здѣсь на 100 руб. въ мѣсяцъ.

Разсказъ, по случаю жары и скверная меланхолическаго настроенія, выходитъ у меня скучноватый. Но мотивъ новый. Очень возможно, что прочтутъ съ интересомъ. Поклонитесь всѣмъ Вашимъ. Крѣпко обнимаю Васъ и пребываю, какъ всегда искренно любящимъ Литуаномъ Потемкинымъ (прозвище, данное мнѣ Жаномъ Щегловымъ [3]).

---

[2]) А. М. Евреинова—издательница журнала «Сѣверный Вѣстникъ».

[3]) Вотъ что сообщаетъ братъ А. П. Мих. Навл. въ своихъ воспоминаніяхъ относительно прозвища Потемкинъ: «Братъ былъ выше предразсудковъ, но одно совпаденіе удивляло всякій разъ и его, и другихъ, кто бывалъ въ тѣ минуты съ нимъ. Это—звонъ. Въ какую бы пору дня или ночи братъ ни проѣзжалъ мимо церкви—всегда раздавался на ней звонъ».

— Ну, вотъ слушай...—всякій разъ обращался онъ ко мнѣ, когда мы подходили или подъѣзжали къ церкви.—Сейчасъ будутъ звонить... Я—Потемкинъ. И дѣйствительно, начинался звонъ. Былъ

Кстати: что подѣлываетъ Жанъ? Все еще пасплуетъ Мельпомену? Если увидите его, то поклонитесь.

ли то благовѣстъ или ударяли часы, а то просто слышался изъ открытаго окна алтаря бой часовъ,—но звонъ все-таки раздавался. Конечно, это было совпаденіе. Мы смѣялись.

— Я — Потемкинъ!—почему-то говорилъ при этомъ братъ.

О звонѣ знаетъ и А. С. Суворинъ (М. Чеховъ «Памяти Чехова». Сборн. Люб. Росс. Сл.)

И. А. Бѣлоусову.

VIII, 3 (1887 года).

Приношу Вамъ, добрѣйшій Иванъ Алексѣевичъ, мою искреннѣйшую благодарность за присылку мнѣ Вашей симпатичной книжки [1]). Ваша любезность дала мнѣ случай поближе познакомиться съ Вашимъ талантомъ и возможность, избѣгнувъ обычные комплименты, засвидѣтельствовать съ увѣренностью Ваше право на титулъ поэта. Ваши стихи полны живого поэтическаго чувства: Вы теплы, знакомы съ вдохновеніемъ, обладаете формой и, что несомнѣнно, литературны. Самый выборъ Шевченко свидѣтельствуетъ о Вашей поэтичности, а переводъ исполненъ съ должною добросовѣстностью. Скажу Вамъ откровенно, что Ваша книжка болѣе чѣмъ какой-либо изъ новѣйшихъ стихотворныхъ сборниковъ, похожа на то, что у насъ называется «трудомъ», хотя она и безбожно мала.

Бранить Васъ, конечно, будутъ. Главный недостатокъ книжки—это ея небольшой объемъ. Поэтъ, если онъ талантливъ, беретъ не только качествомъ, но и количествомъ, а изъ Вашего сборника трудно составить себѣ понятіе ни о Вашей, ни о Шевченковской физіономіи. Ссылка же на то, что Вы еще молоды, или что Вы еще «начинающій», послужитъ Вамъ оправданіемъ не

---

[1]) Изъ «Кобзаря» Т. Г. Шевченко и Украинскіе мотивы. (Изд. въ 1887 г.).

можетъ: разъ рѣшаетесь дать книгу, такъ давайте и физіономію автора...

Въ стихѣ есть шероховатости. Наприм.:

Иль одинъ отъ скуки ради... (Стр. 27). Два предлога изъ и ради... Или: бесѣдуютъ два часовыхъ (32) Толкуютъ двое часовыхъ—было бы звучнѣе и литературнѣе. Или: Течетъ рѣчка край города (стр. 26). И слова «талана» «батька» и проч. Это ужъ не строгій переводъ и т. д.

Мнѣ кажутся прекрасными стихи «Вдова», стр. 20, стр. 23 «Украинская ночь». Я плохой критикъ, а потому простите, не могу заплатить должную дань Вашей книжкѣ. Какъ любитель и почитатель всего симпатичнаго, что изрѣдка мелькаетъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, я могу только отъ души пожелать Вамъ полнаго развитія Вашего таланта, увѣренности, силы и успѣховъ; не спѣша и работая помаленьку, Вы добьетесь своего въ этомъ я увѣренъ и заранѣе радуюсь. Пожавъ Вамъ руку, пребываю должникомъ *А. Чеховъ.*

Я. А. Корнѣеву.

Земляку [1]), домохозяину colegae majori, коллежскому совѣтнику и цѣлителю Якову Алексѣевичу Корнѣеву въ знакъ глубокаго уваженія и въ умилостивленіе домовладѣльческаго гнѣва [2]) отъ неисправнаго плательщика, colegae minoris и автора [3])

А. Чехова.

1887 г. 9 сент.

---

[1]) Д-ръ Я. А. Корнѣевъ, тоже изъ Донск. обл.

[2]) А. П. жилъ въ это время въ домѣ Я. А. Корнѣева на Кудринской-Садовой.

[3]) При этомъ была приложена только-что вышедшая книга разсказовъ А. П. «Въ сумеркахъ», изд. А. Суворина.

Ф. О. Шехтелю.

Среда *(1887 г.)*.

Простите, Sire, мнѣ удобнѣе писать на дешевой бумагѣ; моя дорогая (25 к. за пачку) промокаетъ и коробится подъ перомъ, какъ жидъ передъ судомъ правосудія.

За успокоительную вѣсть о Николаѣ merci.

Собираюсь написать ему, но не знаю его адреса.

Какія это у Васъ 22 сомнѣнія?

Я прибуду не раньше 1-го сентября. Мечтаю о зимѣ, ибо лѣто надоѣло. Вѣдь у меня лѣто началось 1-го апрѣля. Пора на покой, въ свой душный кабинетъ.

Что подѣлываютъ бр. Вернеръ?[1]) Я собираюсь послать имъ что-нибудь въ «Сверчокъ».

У насъ было затменіе. Въ 32 № «Осколковъ» я заплатилъ дань этому величественному явленію.

У меня прибавленіе семейства: откармливаемъ молодого зайца (судя по ушамъ, очень талантливаго; уши длиннѣе чѣмъ у осла).

Я отвыкъ отъ московской ѣды. Первымъ дѣломъ, какъ пріѣду, отправлюсь въ какой-нибудь кабакъ.

Найдите мнѣ невѣсту.

Не забудьте, что мнѣ поручено Вами купить у Суворина 2 экз. Пушкина. Не покупайте, а если купите,

---

[1]) М. и Е. Вернеръ—издавали юморист. жур. «Сверчокъ», въ которомъ А. П. съ 1886 года помѣстилъ нѣсколько своихъ разсказовъ за подписью А. Чехонте и Человѣкъ безъ селезенки.

то увѣдомьте. Мои братцы, пока я былъ на югѣ, прозѣвали Пушкина и теперь придется ждать 3-го изданія.

Рекомендую Вашему вниманію новую интересную книгу «Воспоминаніе гр. Соллогуба», продается у Суворина. Это рекомендуется на случай, если Вы такой же охотникъ до мемуаровъ, какъ и я. Не рекомендую моей новой книги, ибо Вы ее получите отъ меня даромъ: вообще я великодушный чкъ...

Прощайте и будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ*

Я помѣшался на грибахъ. По цѣлымъ днямъ, какъ дуракъ, блуждаю по лѣсамъ и смотрю внизъ подъ ноги. Надо бросить, ибо это удовольствіе мѣшаетъ дѣлу.

В. Г. Короленко.

17 октября (1887 г.).

Посылаю Вамъ большое спасибо, уважаемый Владиміръ Галактіоновичъ, за книгу, которую я получилъ и теперь вновь перечитываю. Такъ какъ мои книги у Васъ уже есть, то мнѣ поневолѣ приходится ограничиться посылкой одного только спасибо.

Кстати, чтобы письмо вышло не совсѣмъ коротко, скажу Вамъ, что я чрезвычайно радъ, что познакомился съ Вами. Говорю я это искренно и отъ чистаго сердца. Во-первыхъ, я глубоко цѣню и люблю Вашъ талантъ; онъ дорогъ для меня по многимъ причинамъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, что если я и Вы проживемъ на этомъ свѣтѣ еще лѣтъ 10—20, то намъ съ Вами въ будущемъ не обойтись безъ точекъ общаго схода. Изъ всѣхъ нынѣ благополучно пишущихъ россіянъ я самый легкомысленный и не серьезный; я на замѣчаніи, выражаясь языкомъ поэтовъ, свою чистую музу я любилъ, но не уважалъ, измѣнялъ ей и не разъ водилъ ее туда, гдѣ ей не подобаетъ быть. Вы же серьезны, крѣпки и вѣрны. Разница между нами, какъ видите, большая, но тѣмъ не менѣе, читая Васъ и теперь познакомившись съ Вами, я думаю, что мы другъ другу не чужды. Правъ я, или нѣтъ, я не знаю, но мнѣ пріятно такъ думать.

Кстати же посылаю Вамъ вырѣзку изъ «Новаго времени». Этого Торо, о которомъ Вы изъ нея узнаете, я буду вырѣзывать и беречь для Васъ. Первая глава

многообѣщающая; есть мысли, есть свѣжесть и оригинальность, но читать трудно. Архитектура и конструкція невозможны. Красивыя и некрасивыя, легкія и тяжеловѣсныя мысли нагромождены одна на другую, тѣснятся, выжимаютъ другъ изъ друга соки и того гляди запищатъ отъ давки.

Когда пріѣдете въ Москву, я вручу Вамъ этого Торо, а пока прощайте и будьте здоровы.

Моя пьеса [1]), вѣроятно, будетъ поставлена у Корша. Если да, то о днѣ постановки сообщу. Быть-можетъ, этотъ день совпадетъ съ днями Вашего пріѣзда въ Москву. Тогда милости просимъ. Вашъ *А. Чеховъ.*

[1]) «Ивановъ».

А. С. Лазареву-Грузинскому.

15 ноября 1887 года.

Добрѣйшій Александръ Семеновичъ!

Вы, коварный измѣнникъ, уѣхали, не простившись. Сіе письмо дѣловое. Суть въ томъ, что гг. актеры, когда я вкратцѣ разсказалъ имъ содержаніе «Гамлета, принца датскаго» [1]), изъявили горячее желаніе играть его не позже января, т.-е. возможно скорѣе. Куй желѣзо, пока горячо. Написано ли у Васъ что-нибудь? Выходитъ ли требуемое? Совладали ли съ сюжетомъ и сценическими условіями? Какъ бы тамъ ни было, посидѣните написать мнѣ подробно, что Вами придумано, написано и что имѣется въ проектѣ. Одновременно пришлите мнѣ и мою рукопись (бандеролью), оставивъ у себя копію. Я суммирую все съ Вашимъ, подумаю и не замедлю сообщить Вамъ свои намѣренія и проекты: Условія: 1) Сплошная путаница. 2) Каждая рожа должна быть характеромъ и говорить своимъ языкомъ. 3) Отсутствіе длиннотъ. 4) Непрерывное движеніе. 5) Роли должны быть написаны для Градова, Свѣтлова, Шмиттофа, Киселевскаго, Соловцова, Вязовскаго, Валентинова, Кошевой, Красов-

---

[1]) У А. П. Чехова былъ начатъ забавный водевиль «Гамлетъ, принцъ датскій», который онъ предложилъ А. С. Лазареву-Грузинскому оканчивать вмѣстѣ съ нимъ. Неуспѣхъ на сценѣ театра Корша въ Москвѣ «Иванова» заставилъ А. П. охладѣть къ водевилю: онъ остался неоконченнымъ.

ской и Бороздиной [2]). 6) Критика на театральные порядки; безъ критики нашъ водевиль не будетъ имѣть значенія.

Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[2]) Артисты театра Корша, въ Москвѣ.

И.. Л. Щеглову.

(Декабрь 1887 г. [1]).

Милый капитанъ! Сижу за своимъ столомъ и работаю, вижу передъ глазами пенатовъ, а мысли мои все еще въ Питерѣ. Прежде всего, спасибо Вамъ за то, что Вы познакомились со мной. Засимъ, спасибо за радушіе и за книги. У Васъ все хорошо и мило: и книги, и нервность, и разговоръ, и даже трагическій смѣхъ, который я теперь дома пародирую, но неудачно.

Посылаю Вамъ 2 карточки: одну оставьте себѣ, другую передайте боляршу Алексію [2].

Жду отъ Васъ карточку и письмо.

Такъ какъ это письмо, по всей вѣроятности, послѣ моей смерти будетъ напечатано въ Сборникѣ моихъ писемъ, то прошу Васъ вставить въ него нѣсколько каламбуровъ и изреченій. Прощайте и будьте здоровы. Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

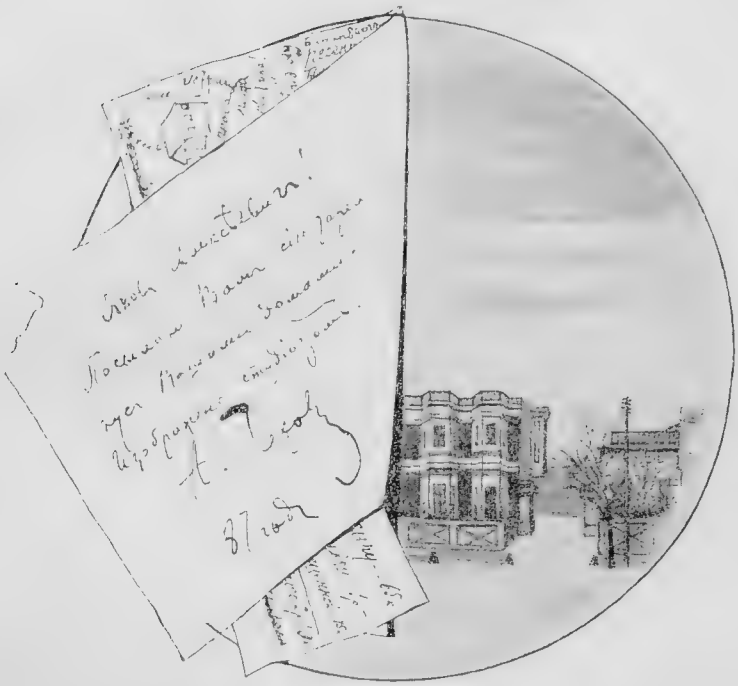
Пишите, Щегловъ: Васъ читаютъ!
Ну, что «Миньона»? [3] Кончили?

[1]) Письмо изъ Москвы; это маленькое письмо—своего рода разрѣшительная грамота для печатанія писемъ А. П.

[2]) А. Н. Плещееву.

[3]) Разсказъ Ив. Щеглова. Изданъ отдѣльно. СПБ. 1891 г.

Я. А. Корнѣеву.



Эта записка написана на фарфоровой тарелкѣ. Двухъ-этажный домъ, изображенный на рисункѣ, занимала семья Чеховыхъ. Оба этажа соединялись внутренней лѣстницей. Среди друзей А. П. этотъ домъ именовался «комодомъ», и правда, этотъ небольшой домъ ужасно похожъ на старинный комодъ о четыре ящика. Теперь этотъ домъ принадлежитъ г. Шуберту.

«Студіозъ»—это Михаилъ Павловичъ, младшій братъ А. П.

И. Л. Щеглову.

1 Январь (1888 г.).

Милый Альба! Называю Васъ такъ, потому что Вашъ трагическій почеркъ—послѣднее слово инквизиціи. Онъ, пока я прочелъ Ваше письмо, вывихнулъ мнѣ глаза.

Поздравляю Васъ съ Новымъ годомъ. Будьте здоровы, счастливы въ любви и въ литературѣ, смѣйтесь тремя октавами ниже и да спасетъ Васъ Богъ отъ нашествія сибирскихъ дядюшекъ [1]).

Отвѣчаю на Ваше письмо. Подписываться въ «Осколкахъ» Щегловымъ нельзя. Придумайте для мелочей постоянный псевдонимъ, въ родѣ «дачнаго мужа». Если Лейкинъ [2]) будетъ фордыбачиться, Вы ехидно ссылайтесь на меня и спрашивайте:

— Сэръ, отчего же это Чеховъ не подписываетъ своей фамиліи?

Познакомьтесь съ Билибинымъ и Голике [3]). Оба милые люди.

«Миньона»—прелесть. Браво! Бисъ! Щегловъ. Вы положительно талантливы! Васъ читаютъ. Пишите!

---

[1]) Намекъ на сюжетъ комедіи И. Л. Щеглова «Мамаево нашествіе», взятый изъ личной жизни.

[2]) Н. А. Лейкинъ, издавалъ юмористич. журналъ «Осколки».

[3]) Р. Р. Голике—владѣлецъ типографіи, въ которой печатались «Осколки».

Впрочемъ, если бы Вы у Максима Бѣлинскаго [4]) поучились, то еще болѣе навострились.

Передайте добрѣйшему А. Н. Плещееву, что я началъ пустячокъ для «Сѣвернаго Вѣстника» (этого литературнаго «вдовьяго дома»). Когда кончу, не знаю. Мысль, что я пишу для толстаго журнала и что на мой пустякъ взглянутъ серьезнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, толкаетъ меня подъ локоть, какъ чортъ монаха. Пишу степной разсказъ [5]). Пишу, но чувствую, что не пахнетъ сѣномъ.

Бибиковъ [6]) не присылаетъ мнѣ своихъ романовъ. Никакъ не могу забыть его обѣщанія. Напугалъ человѣкъ ни за что, ни про что...

Видѣлъ Давыдова [7]): не кланяется съ Киселевскимъ [8]) и вообще находитъ, что такъ нельзя. Прощайте и будьте здоровы.

А. Чеховъ.

P. S. Пишите. Ваше письмо такъ мило, что я даже простилъ Вамъ трагизмъ Вашего почерка. Что новаго?

Напишите драму. Судя по «Миньонѣ», Вы можете отхарить хорошую драму.

Читайте новогодніе №№ газетъ, по возможности, всѣхъ петербургскихъ. Если найдете строки, касающіяся меня, или Короленко, то вырѣжьте и пришлите.

Были ли въ академіи?

---

[4]) Максимъ Бѣлинскій—псевдонимъ писателя І. І. Ясинскаго.

[5]) «Степь».

[6]) Извѣстный въ свое время романистъ.

[7]) В. Н. Давыдовъ—артистъ Александринскаго театра въ Петербургѣ, тогда служилъ въ театрѣ Корша, въ Москвѣ.

[8]) Киселевскій—тоже артистъ театра Корша.

В. Г. Короленко.

9 января (1888 г.).

Я надулъ Васъ невольно, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ: мнѣ не удалось выручить оттискъ своей пьесы [1]); когда она отпечатается, я вышлю Вамъ, или же вручу ее при свиданіи, а пока не сердитесь.

Мнѣ пришла охота отдать переписать и послать Вамъ письмо старика Григоровича, которое я получилъ вчера. Цѣню я его по многимъ причинамъ на вѣсъ золота и боюсь прочесть во второй разъ, чтобы не потерять перваго впечатлѣнія. Изъ него Вы увидите, что литературная извѣстность и хорошій гонораръ нисколько не спасаютъ отъ такой мѣщанской прозы, какъ болѣзни, холодъ и одиночество: старикъ кончаетъ жизнь. Изъ письма Вамъ станетъ также извѣстно, что не Вы одинъ отъ чистаго сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете какъ мнѣ стыдно

Когда я прочелъ письмо Григоровича, я вспомнилъ Васъ, и мнѣ стало совѣстно. Мнѣ стало очевидно, что я не правъ. Пишу это именно Вамъ, потому что около меня нѣтъ людей, которымъ нужна моя искренность и которые имѣютъ право на нее, а съ Вами я, не спрашивая Васъ, заключилъ въ душѣ своей союзъ.

Съ Вашего дружескаго совѣта я началъ маленькую повѣстушку для «Сѣвери. Вѣстника». Для почина взялся описать степь, степныхъ людей и то, что я

---

[1]) «Ивановъ». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ Москва, литогр. театральной библіотеки Е. Разсохиной. 1888 г. 4—96 стр., 110 экз.

пережилъ въ степи [2]). Тема хорошая, пишется весело, но, къ несчастью, отъ непривычки писать длинно, отъ страха написать лишнее, я впадаю въ крайность: каждая страница выходитъ компактной, какъ маленькій разсказъ, картины громоздятся, тѣснятся и, заслоняя другъ друга, губятъ общее впечатлѣніе. Въ результатѣ получается не картина, въ которой всѣ частности, какъ звѣзды на небѣ, слились въ одно общее, а конспектъ, сухой перечень впечатлѣній. Пишущій, напримѣръ, Вы, поймете меня, читатель же соскучится и плюнетъ.

Въ Питерѣ я прожилъ $2^1/_2$ недѣли и видѣлъ многихъ. Въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, которое можно свести къ тексту: «Не надѣйтесь на князи, сыны человѣческіе...» хорошихъ людей видѣлъ много, но судей нѣтъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это къ лучшему.

Жду февральскаго «Сѣв. Вѣстника», чтобы прочесть Ваше «По пути». Плещеевъ говорилъ, что цензура сильно поцшала Васъ. Съ Новымъ годомъ! Будьте здоровы и счастливы. Искренно Вамъ преданный

А. Чеховъ.

P. S. Вашъ «Соколинецъ», мнѣ кажется, самое выдающееся произведеніе послѣдняго времени. Онъ написанъ, какъ хорошая музыкальная композиція, по всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя подсказываются художнику его инстинктомъ. Вообще въ Вашей книгѣ Вы такой здоровенный художникъ, такая силища, что Ваши даже самые крупные недостатки, которые зарѣзали бы другого художника, у Васъ проходятъ незамѣченными. Наприм., во всей Вашей книгѣ упрямо отсутствуетъ женщина и это я только недавно разнюхалъ.

---

[2]) А. П. Чеховъ послѣ приглашенія А. Н. Плещеева, а потомъ В. Г. Короленко принять участіе въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», согласился и черезъ нѣкоторое время прислалъ свой первый журнальный разсказъ «Степь». Напечатанъ былъ въ № 3 «Сѣверн. Вѣстника», 1888 г., стр. 75—167. (Объ этомъ см. воспоминанія В. Г. Короленко, въ его книгѣ «Отошедшіе», стр. 108—110.)

И. Л. Щеглову.

(Январь 1888 г.).

Милый Альба! [1]).

Такъ-таки одного слова я и не разобралъ въ Вашемъ письмѣ, хотя и глядѣлъ на него въ лупу.

Ну, почеркъ!

Возвращаю письмо Горленко вмѣстѣ съ большимъ спасибо. Оно хорошо, но въ немъ есть одинъ очень крупный недостатокъ: Васъ нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что *мало* пишете. Въ хорошенькой «Миньонѣ» я нашелъ нѣсколько промаховъ, которые объяснилъ себѣ только Вашимъ малописаніемъ. Зажгите себя! Вѣдь Вы такъ легко воспламеняетесь! «Малописаніе для пишущаго такъ же вредно, какъ для медика отсутствіе практики» (Сократъ, X, 5).

Если можно, пришлите мнѣ статью изъ 1 № «Недѣли». У меня ея нѣтъ и негдѣ достать.

Пишу повѣсть для *толстаго* журнала. Скоро кончу и пришлю. Ура-а-а!!!

Когда будете ужинать у А. И. Плещеева, то выпейте, вмѣсто меня, рюмку водки за его боярское здоровье.

Позвольте сдѣлать Вамъ маленькое замѣчаніе относительно Вашей невоспитанности. Я послалъ Вамъ

---

[1]) Шутливое прозвище, данное И. Л. Щеглову А. П. за «инквизиторскій почеркъ».

свою карточку и молчалъ, думая, что Вы догадаетесь сами отплатить мнѣ тѣмъ же. Но Вы отплатили мнѣ черною неблагодарностью. Извольте въ 24 часа выслать мнѣ Вашу карточку, иначе я черезъ полицію потребую у Васъ обратно свою.

Третьяго дня былъ у меня Давыдовъ, проспѣлъ всю ночь, и очень недурно читалъ кое-что изъ толстовской «Власти тьмы». Ему бы Акима играть.

Будьте безконечно здоровы и счастливы. Жму руку и пребываю душевно преданный.

А. Чехов.

Приписка:

1) Отчего не строчите «субботниковъ» [2]), злодѣй?

2) Знаете что? Давайте-ка лѣтомъ напишемъ по роману! Возьмемъ много денегъ и поѣдемъ куда-нибудь къ лѣшему!

12-го янв. у меня пьянство—Татьянинъ день.

17-го янв. тоже пьянство—я именинникъ.

Итого = канешьмеръ.

3) Напишите съ десятокъ такихъ прелестей, какъ «Миньона», и издайте сборникъ.

Въ мартѣ я ѣду въ Кубань. Тамъ:

Amari et non morire!.. [3]).

Какъ зовутъ по батюшкѣ Баранцевича? Я получилъ отъ него «Рабу». Хотѣлось бы поблагодарить письменно.

---

[2]) Въ «Новомъ Времени» по субботамъ появлялись разсказы беллетристовъ; разсказы назывались субботниками.

[3]) Цитата изъ разсказа И. Л. Щеглова «Миньона»

А. С. Лазареву-Грузинскому.

Январь 1888 г.

Вы напрасно поспѣшили уѣхать, добрѣйшій коллега. Во-первыхъ, у меня 17 было многолюдно и весело [1]; во-вторыхъ, я готовилъ Вамъ медицинское свидѣтельство, и, въ-третьихъ, Ваше усердіе по службѣ совершенно безполезно, насколько мнѣ извѣстно, за то, что Вы поспѣшили, Васъ не произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Лейкинъ сердитъ на Васъ. На меня тоже. (Я потребовалъ прибавки.) Чтожъ, будемъ съ покорностью сносить гнѣвъ нашихъ начальниковъ. Нѣсть власти, аще не отъ Бога... Посылаю еще разъ упрекъ за Ваше усердіе [2] по службѣ. Пребываю уважающимъ

А. Чеховъ.

Пишу Вамъ на бумагѣ новѣйшаго формата. Новая мода. Надо итти въ уровень.

---

[1] 17-го января—день именинъ А. П.

[2] Вѣдь на Вашу долю была закуплена провизія рим. А. П. Чехова).

И. Л. Щеглову.

22 января (1888 г.).

Милый Альба! Получилъ я и письмо, и Вашу физіономію, и «Недѣлю». За все, за все благодарю! Статья въ «Недѣлѣ», дѣйствительно, не плоха. Кое-какія мысли о нашемъ безсиліи, которое деликатный авторъ назвалъ безвластіемъ, приходили и мнѣ въ голову. Въ нашихъ талантахъ много фосфора, но нѣтъ желѣза. Мы, пожалуй, красивыя птицы и поемъ хорошо, но мы не орлы.

Впрочемъ, все это вздоръ. Покуксимъ объ этомъ при свиданіи, когда будемъ рикикикать у Палкина, а теперь успокоимся на увѣреніи статьи «Недѣли», что мы—виртуозы... Да, виртуозы, но играющіе свое. Дѣлаемъ, что можемъ, а если человѣчеству не угодна наша служба, то ну его къ ляху.

Вамъ, о маловѣръ, интересно знать, какіе промахи нашелъ я въ Вашей «Миньонѣ» [2]). Прежде чѣмъ указать на нихъ, предупреждаю, что они имѣютъ скорѣе «трагическій» интересъ, чѣмъ критико-литературный. Уловить ихъ можетъ только пишущій, но никакъ не читатель. Вотъ они... Мнѣ кажется, что Вы, какъ мнительный и маловѣрный авторъ, изъ страха, что лица и характеры будутъ недостаточно ясны, дали слишкомъ

---

[1]) Разсказъ И. Л. Щеглова, первоначально былъ напечатанъ въ «Нов. Вр.»

большое мѣсто тщательной детальной обрисовкѣ. Получилась отъ этого излишняя пестрота, дурно вліяющая на общее впечатлѣніе. Боясь, что читатель Вамъ не повѣритъ, Вы, въ доказательство того, какъ можетъ иногда сильно вліять музыка, занялись усердно психикой Вашего фендрика; психика Вамъ удалась, но зато разстояніе между такими моментами, какъ «amari, moriге» и выстрѣломъ, у Васъ получилось длинное, и читатель прежде чѣмъ дойти до «самоубійства», отдыхаетъ отъ боли, причиненной ему «amari, moriге». А нельзя давать ему отдыхать; нужно держать его напряженнымъ. Эти указанія не имѣли бы мѣста, если бы «Миньона» была большой повѣстью. У большихъ, толстыхъ произведеній свои цѣли, требующія исполненія самаго тщательнаго, независимо отъ общаго впечатлѣнія. Въ маленькихъ же разсказахъ лучше не досказать, чѣмъ пересказать, потому что... потому что... не знаю почему... Во всякомъ случаѣ, помните, что Ваши промахи только я одинъ считаю промахами (весьма неважными, «трагическими»), а я очень часто ошибаюсь. Быть-можетъ, Вы правы, а не я... Я, надо замѣтить, очень часто ошибался и говорилъ не то, что думаю теперь. Стало-быть моя критика ничего не стоитъ.

Ахъ, какъ мнѣ хочется въ Питеръ!

Получилъ сегодня отъ А. Н. Плещеева очень милое «дѣдушкино» письмо. Жалуется, что вы рѣдко съ нимъ видаетесь. Я оканчиваю рукопись для «Сѣвери. Вѣстника». Какъ это трудно! [2])

Поклонитесь Баранцевичу.

Весной я ѣду въ Кубань, а лѣтомъ буду жить съ семьей въ Славянскѣ [3]). Не хотите ли жить вмѣстѣ? Прожить въ Славянскѣ стоитъ въ 3 раза дешевле, чѣмъ въ Питерѣ.

---

[2]) Повѣсть «Огни».

[3]) Курортъ близъ Харькова.

Будетъ не скучно.

Моя повѣсть [4]) появится въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Странная она какая-то, но есть отдѣльныя мѣста, которыми я доволенъ. Меня бѣситъ то, что въ ней нѣтъ романа. Безъ женщины повѣсть—что безъ паровъ машина. Впрочемъ, женщины у меня есть, но не жены и не любовницы.

А я не могу безъ женщинъ!!!

Напишите мнѣ письмо подлиннѣй, а я Вамъ отвѣчу тѣмъ же. Прощайте, Альба. Дай Богъ Вамъ здоровья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[4]) «Степь».

Ф. О. Шехтелю.

10 февраля (1888 г.).

Милый Францъ Осиповичъ!

Посылаю Вамъ свой долгъ съ извиненіемъ, что такъ долго не возвращалъ его. Въ медлительности виноватъ не я, а человѣчество, которое не платитъ долговъ за своихъ геніевъ.

Теперь я почти богатъ. Вчера получилъ 500 рублей задатку за повѣсть [1]), которая будетъ помѣщена въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника». Если Вы не прочтете этой повѣсти, то не много потеряете.

Извините также за то, что я злюсь на Васъ, какъ Пастеровскій кроликъ. Вы меня совсѣмъ забыли. Вы сердитесь? Вѣроятно—да, потому, что не были у меня уже 19 мѣсяцевъ, хотя обѣщали побывать вмѣстѣ съ Натальей Тимоѳеевной.

Каждый вечеръ я дома. Будьте здоровы и счастливы. Кланяйтесь Дервизу [2]) и напомните ему, что я не прочь былъ бы взять у него въ займы $^1/_2$ милліона. Очень просто!

Antoin Чеховъ.

---

[1]) «Степь».

[2]) Извѣстный богачъ-желѣзнодорожникъ, съ которымъ тогда у Ф. О. Шехтеля были дѣла.

И. Л. Щеглову.

22 февраля (1888) г.

Милый капитанъ! Я прочиталъ всѣ Ваши книги, которыя до сихъ поръ читывалъ только урывками. Если хотите моей критики, то вотъ она. Прежде всего мнѣ кажется, что Васъ нельзя сравнить ни съ Гоголемъ, ни съ Толстымъ, ни съ Достоевскимъ, какъ дѣлаютъ всѣ ваши рецензенты. Вы писака sui generis и самостоятельны какъ орелъ въ поднебесьѣ. Если сравненія необходимы, то я скорѣе всего сравнилъ бы Васъ съ Помяловскимъ постольку, поскольку онъ и Вы—мѣщанскіе писатели. Называю Васъ мѣщанскимъ не потому, что во всѣхъ Вашихъ книгахъ сквозитъ чисто мѣщанская ненависть къ адъютантамъ и журфикснымъ людямъ, а потому, что Вы, какъ и Помяловскій, тяготѣете къ идеализаціи сѣренькой мѣщанской среды и ея счастья. Вкусные кабачки у Цышочки, любовь Горича къ Настѣ, солдатская газета, превосходно схваченный разговорный языкъ названной среды, потомъ замѣтное напряженіе и субъективность въ описаніи журфикса у «ma tante»—все это, вмѣстѣ взятое, поддерживаетъ мое положеніе о Вашемъ мѣщанствѣ.

Если хотите, то я, пожалуй, сравнилъ бы Васъ еще съ Додэ. Ваши милые, хорошіе «лошадники» тронуты слегка, но пока они попадались мнѣ на глаза, мнѣ все казалось, что я читаю Додэ.

Вообще надо быть осторожнымъ въ сравненіяхъ, которыя, какъ бы они ни были невинны, всегда неволь-

но вызываютъ подозрѣнія и обвиненія въ подражаніи и поддѣлкѣ. Вы, ради Создателя, не вѣрьте Вашимъ прокурорамъ и продолжайте работать такъ, какъ и доселѣ работали. И языкъ, и манера, и характеры, и длинныя описанія, и мелкія картинки—все это у Васъ свое собственное, оригинальное и хорошее.

Лучшее изъ вашихъ дѣтищъ—это «Гордіевъ узелъ». Это—трудъ капитальный. Какая масса лицъ и какое изобиліе положеній! Номерная жизнь, «Щураки», Голощапова съ опухшимъ отъ пива рыломъ, дождь. Лелька, ея бар....къ, сонъ Горича, особливо описаніе маскарада въ клубѣ,—все это великолѣпно сдѣлано. Въ этомъ романѣ Вы не плотникъ, а токарь.

За «Узломъ» по достоинству слѣдуетъ «Поспѣловъ». Лицо новое и оригинально задуманное. Во всей повѣствшкѣ чувствуется тургеневскій помибъ, и я не знаю, почему это критики прозѣвали и не обвинили Васъ въ подражаніи Тургеневу. Поспѣловъ трогателенъ; онъ идейный человѣкъ и герой. Но, къ сожалѣнію, Вы субъективны до чортиковъ. Вамъ не слѣдовало бы описывать себя. Право, было бы лучше, если бы Вы подсунули ему на дорогѣ женщину и свои чувства вложили въ нее...

«Идиллію» я ставлю въ концѣ всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конецъ прекрасны, строго выдержаны, въ серединѣ же чувствуется большая распущенность. Начать хоть съ того, что всю музыку Вы испортили провинціализмами, которыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, говбритъ и проч.,—за все это не скажетъ Вамъ спасибо великороссъ... Языкъ щедро попорченъ. Бомбочка часто попадается на глаза. Агишевъ блѣдноватъ... Лучше всего описаніе мазурки... Въ общемъ, по прочтеніи всѣхъ Вашихъ книгъ получается весьма опредѣленное впечатлѣніе, сильно говорящее въ пользу Вашей будущности. Теперь если къ книгамъ прибавить еще Ваши пьесы, «Дачнаго мужа», «Миньону»,

«Гремучую змѣю», если къ тому еще принять во вниманіе Вашу «аристократическую медлительность» и наклонность къ кабинетному труду («Русскій мыслитель»), то придется остановиться на рѣшеніи, что Вы—величина. Вы, не говоря уже о талантѣ, разнообразны, какъ актеръ старой школы, играющій одинаково хорошо и въ трагедіи, и въ водевилѣ, и въ опереткѣ, и въ мелодрамѣ. Это разнообразіе, котораго нѣтъ ни у Альбова, ни у Баранц. [1]), ни у Ясинскаго, ни даже у Короленко, можетъ служить симптомомъ не распущенности, какъ думаютъ иные критики, а внутренняго богатства. Салютую Вамъ отъ души.

Теперь просьба. Умираетъ отъ чахотки одинъ москов. литераторъ. Три гроша денегъ. Есть у него богатая сестра, живущая въ Питерѣ. Адресъ ея неизвѣстенъ. Не можете ли Вы, голубчикъ, узнать въ адресномъ столѣ ея адресъ? зовутъ ее такъ: жена врача Ольга Аполлоновна Митрофанова. Мужъ ея Дмитрій Васильевичъ. Жива-ли она? Узнайте, будьте отцомъ роднымъ.

Ничего не дѣлаю. Отъ нечего дѣлать написалъ водевиль «Медвѣдь». Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Баранцевича.

Ему же.

(Мартъ 1888 г.).

Отвѣчаю на Ваше письмо, храбрый капитанъ! До поѣздки на югъ или на Волгу (у меня два проекта) я непремѣнно долженъ быть въ Питерѣ. Пріѣду, вѣроятно, въ началѣ В. поста. Теперь насчетъ снимания. Короленко будетъ въ Петербургѣ не раньше апрѣля, а меня въ апрѣлѣ съ собаками не сыщете. Если моя физіомордія непремѣнно нужна, то ужъ я не знаю, какъ быть. Поговоримъ объ этомъ при свиданіи; пока могу предложить только два выхода изъ безвыходнаго положенія: отложить сниманье до осени или сняться не группой, а медаліонами. Послѣднее удобнѣе, ибо пріѣздъ не обязателенъ, а снять портретъ можно съ карточки, которую вышлемъ и Короленко, и я. Не забудьте написать мнѣ, кто будетъ сниматься? Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Фофановъ, Ясинскій, Гаршинъ, Короленко, Чеховъ... Еще кто? Простите за самоуправство! Попавъ вчера въ компанію «Русскихъ Вѣдомостей», я, не заручившись позволеніемъ, сосваталъ Васъ и Баранцевича съ музою «Русскихъ Вѣдомостей». Очень рады будутъ, если Вы согласитесь работать въ этой честносухой газетѣ; по соблюденіи кое-какихъ формальностей, мнѣ будетъ прислано редакціей письмо, въ которомъ меня попросятъ пригласить Васъ. Платятъ хорошо (и аккуратно).

Откуда Вы знаете, что моя повѣсть—великолѣпная? [1]) Говори «гопъ», когда перескочишь... Не критикуйте, не читая.

Будьте здоровы. Короленко говоритъ, что побываетъ у Васъ.

Погода хорошая. Черезъ 1—2 недѣли прилетаютъ грачи, а черезъ 2—3 скворцы. Понимаете ли Вы, капитанъ, что это значитъ?

Vôtre à tous

А. Чеховъ.

P. S. Появленіе Яснискаго въ «Новомъ Времени»... большое недоразумѣніе. Но его «Пожаръ»—превосходная вещица!

[1]) «Степь».

В. А. Тихонову [1]).

(1888 г.).

Милостивый государь, Владиміръ Алексѣевичъ! Приношу Вамъ мою сердечную благодарность за книгу [2]) и за лестную надпись на ней. Мнѣ хочется отплатить Вамъ тѣмъ же, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время у меня дома нѣтъ ни одной моей книги. Пришлите мнѣ Вашъ адресъ, и я постараюсь возможно скорѣе поквитаться съ Вами [3]).

Если будете въ Москвѣ, то убѣдительно прошу Васъ пожаловать ко мнѣ. Застать меня можно во всѣ времена года, кромѣ лѣта. Мой лѣтній адресъ: г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой. Днемъ до 2-хъ часовъ и вечеромъ отъ шести до двѣнадцати. Я былъ бы очень радъ познакомиться и поблагодарить Васъ словесно. Позвольте пожелать Вамъ успѣха и здоровья, и пребыть искренно уважающимъ—*А. Чеховъ*. Кудринская-Садовая, д. Корнѣева.

---

[1]) Владиміръ Алексѣевичъ Тихоновъ—беллетристъ и драматургъ. В. А. познакомился съ А. П. осенью 1888 г. въ Москвѣ, придя къ нему домой.

[2]) Еще не будучи знакомымъ, В. А. послалъ А. П. только что вышедшую книгу, т. I своихъ комедій.

[3]) Въ Страстную субботу В. А. получилъ отъ А. П. книгу «Въ сумеркахъ».

Т. С. Савельеву [1]).

1 апрѣля 1888 г. Москва.

Уважаемый Тимоѳей Савельевичъ!

Благодарю Васъ за память и за письмо. Въ Ростовѣ я буду не раньше іюня и, конечно, постараюсь побывать у Васъ. Думалъ я ѣхать къ Митѣ [2]) въ апрѣлѣ, но планы мои измѣнились. Семья моя благодаритъ Васъ за поклоны, и въ свою очередь, кланяется Вамъ. Будьте здоровы и благополучны. Уважающій Васъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Т. С. Савельевъ—отецъ друга А. П.—Д. Т. Савельева.

[2]) Д. Т. Савельевъ.

Я. А. Корнѣеву.

Якову Алексѣевичу Корнѣеву.

Антонъ Павловичъ

Чеховъ

поздравляетъ съ причастниками и отъ души желаетъ всего хорошаго. Затѣваемъ на праздникахъ олимпійскія игры въ нашемъ дворѣ и, между прочимъ, хотимъ играть въ бабки. Гдѣ ихъ можно достать и имѣются ли въ Москвѣ въ продажѣ свинчатки? [1]).

---

[1]) Записка эта написана на визитной карточкѣ А. П. и относится къ 1888 г. Апрѣль.

В. Г. Короленко.

9 апрѣля (1888 г.).

Посылаю Вамъ, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, разсказъ про самоубійцу. Я прочелъ его и не нашелъ въ немъ ничего такого, что могло бы показаться Вамъ интереснымъ—онъ плохъ,—но все-таки посылаю, ибо обѣщалъ.

Будьте здоровы и Богомъ хранимы на многія лѣта. Поклонитесь Волгѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Семья моя кланяется.

Вчера далъ прочесть одной дѣвицѣ разсказъ [1]), который готовлю для «Сѣв. Вѣсти.». Она прочла и сказала: «Ахъ, какъ скучно!»

Въ самомъ дѣлѣ, выходитъ очень скучно. Пускаюсь на всякіе фокусы, сокращаю, шлифую, а все-таки скучно. Срамъ на всю губернію!

---

[1]) Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ о повѣсти «Степь», напеч. въ «Сѣверн. Вѣсти.» № 3. 1888 г., стр. 75—167.

И. Л. Щеглову.

12 апрѣля (1888 г.).

Здравствуйте, капитанъ! Моя мать сказала, что и «Дачный мужъ» и «Предложеніе» провалятся непремѣнно, такъ какъ Вы ставите ихъ подъ 13 число. Но я убѣжденъ, что Вашъ режиссерскій геній побѣдитъ примѣту и что Вы выйдете побѣдителемъ. Только, душа моя, какой Вы дятелъ! Вы чуть ли не съ самаго октября долбите во всѣхъ газетахъ ежедневно про мое «Предложеніе». Зачѣмъ это? Про маленькое нельзя писать много, надо быть скромнымъ и не давать своему имени мелькать, какъ пузыри въ лужѣ.

Значитъ, мое «Предложеніе» на казенной сценѣ ужъ не пойдетъ. Дѣлайте съ нимъ что хотите. Чѣмъ чаще будете ставить, тѣмъ, конечно, лучше, ибо прибыльнѣе. Для казны [1]) придется написать что-нибудь другое. Если новый водевиль (для казны) удастся, то посвящу его Вамъ.

Что Вы теперь пишете? Пишите, голубчикъ, не лѣнитесь и не унывайте.

Билибинъ писалъ мнѣ, что Вы часто видаетесь съ нимъ. Онъ милый человѣкъ, но немножко сухарь и немножко чиновникъ. Онъ очень порядоченъ и, въ чемъ я убѣжденъ уже давно, талантливъ. Талантъ у него большой, но знанія жизни ни на грошъ, а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ нѣтъ и смѣлости. Держу пари на бутылку

---

[1]) Императорскій театръ.

шампанскаго, что Вы уже пророчили ему, что изъ него выйдетъ первый русскій водевилистъ. Вы очень добрый и щедрый человѣкъ, но не желайте ему этого и своимъ театрально-писательскимъ авторитетомъ не укрѣпляйте въ немъ его водевильныхъ надеждъ. Онъ хорошій фельетонистъ; его слабость—французисто-водевильный, иногда даже б.....й тонъ. Если же онъ примется родить цитварныхъ ребятъ [2]), то ужъ ему во вѣки вѣковъ не отдѣлаться отъ этого тона, и фельетонисту придется нѣть вѣчную память. Внушайте ему стиль строгій и чувства возвышенныя, а водевиль не уйдетъ.

Мой братъ [3]), художникъ, боленъ серьезно. Мой горизонтъ заволоченъ очень нехорошими тучами.

Суворинъ писалъ мнѣ, что Вы были у него и вели рѣчь о театрѣ и объ облавѣ на недерастію. Молодецъ Питеръ, старается! Гдѣ нѣтъ чистоты душъ, тамъ не ищите ея у тѣлъ.

Напишите мнѣ. Будьте здоровы и веселы. За поздравленіе семья благодаритъ Васъ и платитъ тѣмъ же.

Вашъ *А. Чехов*.

P. S. Отчего бы Вамъ не написать драму? Повѣсть лучше драмы, но ужъ коли театральный зудъ въ рукахъ, то лучше написать одну драму, чѣмъ три трехъактныя комедійки. Работа веселѣй и выгоднѣе.

---

[2]) «Цитварный ребенокъ»—водевиль В. В. Билибина.
[3]) Николай Павловичъ.

А. Н. Плещееву.

(25 апрѣля 1888 г.)

Христосъ Воскресъ», мой будущій жилецъ. Поздравляю Васъ съ праздникомъ и желаю всего, всего хорошаго.

Вчера я получилъ письмо отъ брата, посланнаго осмотрѣть нанятую дачу. Природа, пишетъ онъ, чудная, рѣка шире и глубже Москвы-рѣки, садъ старый-престарый, запущенный, дворъ съ грязной, не высыхающей лужей, двѣ эмансипированныя барышни и проч. Удобствъ никакихъ. Комфорта, котораго Вы боитесь, нѣтъ и въ зародышѣ. Крыльцо обвалилось и вся усадьба представляетъ изъ себя не поэтическую руину. Мебель, по выраженію письма, паскудная. Вотъ въ какое гнѣздышко я хочу затянуть Васъ. Какъ оно ни плохо, но, думаю, оно здоровѣе и просторнѣе питерской тундры. Пріѣзжайте непремѣнно. Вы боитесь, чтобы мы не отдали Вамъ лучшую комнату. Лучшей комнаты на нашей дачѣ нѣтъ: всѣ худшія. Кромѣ кровати и стула, Вы ничего не получите... Пожалуй расщедримся и дадимъ Вамъ еще столъ, но не ломберный, а какой-нибудь трехногій и хромой... Зато ѣсть, пить и гулять будемъ здорово, безъ мѣры и безсовѣстно.

Въ Пслѣ водятся, между прочимъ, судаки и карпіи. Жалко, что Вы не рыболовъ. Поймать судака—это выше и слаще любви. Не забудьте изъ Курска послать телеграмму. Изъ Москвы Вы выѣдете въ 3 часа дня, въ Курскѣ будете въ $11^1/_2$ час., въ Ворожбѣ (тутъ пересадка) въ 8 час. вечера, въ Сумахъ въ $11^1/_2$ час. вечера, у меня на дачѣ въ 12 час. ночи.

Ему же.

(1888 г.)

Милый Алексѣй Николаевичъ! На дворѣ идетъ дождь, въ комнатѣ у меня сумеречно, на душѣ грустно, работать лѣнь—вообще я выбился изъ колеи и чувствую себя не въ своей тарелкѣ. Но тѣмъ не менѣе, это письмо не должно быть грустнымъ. Пока я пишу его, меня волнуетъ веселая мысль, что черезъ 30—35 дней я буду уже далеко отъ Москвы. Я уже нанялъ себѣ дачу въ усадьбѣ на рѣкѣ Ислѣ (притокъ Днѣпра), въ Сумскомъ уѣздѣ, недалече отъ Полтавы и отъ маленькихъ уютныхъ и грязненькихъ городовъ, въ которыхъ свирѣпствовалъ нѣкогда Ноздревъ и ссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Третьяго дня я послалъ задатокъ. Пселъ—рѣка глубокая, широкая, богатая рыбой и раками. Кромѣ его, на моей дачѣ имѣется еще прудъ съ карасями, отдѣленный отъ рѣки плотиной. Дачи расположены у подошвы горы, покрытой садомъ. Кругомъ лѣсъ, изобиліе барышень. Вы такъ не рѣшительно говорили о Волгѣ, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что путешествіе наше не состоится.

Если Вы не поѣдете на Волгу, то пріѣзжайте ко мнѣ на Пселъ. Отъ Москвы туда сутки ѣзды и III классъ стоитъ 10 р. 30 коп. Мѣсто, увѣряю Васъ, восхитительное. Тамъ:

Все тихо... тополи спящими водами
Какъ призраки стоятъ луной озарены...
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки...

Даю Вамъ честное слово, что мы не будемъ дѣлать ничего, окунемся въ бездѣлье, которое для Васъ такъ здорово. Мы будемъ ѣсть, пить, рано вставать, рано ложиться, ловить рыбу, ѣздить по ярмаркамъ, музицировать и больше ничего... Отъ такого режима Вы загорѣете, повеселѣете и переживете время когда

И сердце спитъ и умъ въ оцепенѣньи...

Вся моя команда будетъ состоять всплошную изъ молодежи, а гдѣ молодежь, тамъ Ваше присутствіе, что Вы уже не разъ испытали, имѣетъ свою особую прелесть.

Вотъ юность пылкая тѣснится
Вокругъ сѣдого старика...

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня—вообще, когда хотите—укладывайте чемоданъ, берите денегъ только на проѣздъ. Запасайтесь сигарами, которыхъ Вы на югѣ, пожалуй, не найдете и

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья...

Теперь объ Украйнѣ. На лошадяхъ Вамъ придется ѣхать только двѣ версты. Самое лучшее время—май, самое же веселое—іюнь; самое сытое и разнообразное по наслажденіямъ—іюль; августъ хорошъ арбузами и дынями. Совѣтую Вамъ ѣхать въ маѣ. Мнѣ хочется, чтобы Вы понюхали украйнскій сѣнокосъ.

В. Г. Короленко.

2 мая (1888 г.).

Въ четвергъ я ѣду, добрѣйшій Владиміръ Галактіоновичъ, въ Украйну. Напоминаю Вамъ о Вашемъ обѣщаніи побывать у меня въ концѣ іюля или августа. Адресъ такой: «Г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтвареьой». Маршрутъ: Москва, Курскъ, Ворожба, Сумы, извозчикъ...

Послалъ въ «Сѣвер. Вѣстн.» разсказъ и получилъ авансъ (500 р.).

Я хотѣлъ поѣхать въ Ярославль и сѣсть на Охотника, но 19 число оказалось неудобнымъ. Если бы я выѣхалъ къ этому числу, а не раньше, то не вернулся бы въ Москву къ Пасхѣ, отсутствіе же кого-нибудь въ Свѣтлый праздникъ у моихъ домочадцевъ считается смертнымъ грѣхомъ.

Посылали ли Вы Баранцевичу разсказъ? Онъ теперь требуетъ разсказъ, который не былъ бы нигдѣ напечатанъ.

Я почему-то не въ духѣ и пишу всѣмъ ругательныя письма. Отвѣтилъ ругательно Баранцевичу на одно его письмо. Отвѣтилъ ругательно А. Леману [1]), который прислалъ мнѣ предложеніе—печатать въ своихъ книгахъ общее объявленіе о книгахъ тѣхъ изъ молодыхъ писателей, «которые болѣе или менѣе *солидарны* съ нами». Я отвѣ-

[1]) А. И. Леманъ—писатель.

тилъ ему согласіемъ и фразой: «Откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Вообще замѣчаю, что мой характеръ начинаетъ измѣняться, и къ худшему. Мѣняется и моя манера писать—тоже къ худшему. Мнѣ сдается, что я утомился, а впрочемъ чортъ его знаетъ...

Моя семья Вамъ кланяется.

Дорогой буду читать Вашего «Слѣпого музыканта» и изучать Вашу манеру.

Везу съ собой медикаменты и мечтаю о гнойникахъ, отекахъ, фонаряхъ, поносахъ, соринкахъ въ глазу и о прочей благодати. Лѣтомъ обыкновенно я полдня принимаю разслабленныхъ, а моя сестрица ассистентируетъ мнѣ, это работа веселая. Будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Вашъ *А. Чеховъ*.

И. Л. Щеглову.

3 мая (1888 г.).

Милый Альба! Наконецъ, Вы можете меня поздравить: послѣ завтра, т.-е. 5-го мая, я уѣзжаю dahin... Стало-быть, отвѣтъ на сіе письмо Вы будете адресовать такъ: «Г. Сумы, Харьковск. губ., усадьба А. В. Линтваревой». Послѣ 10-го мая ко мнѣ пріѣдетъ А. Н. Плещеевъ... Отчего бы и Вамъ не пріѣхать? Эхъ вы! Во всякомъ случаѣ буду ожидать Васъ въ теченіе всего лѣта. Авось, надумаете и пріѣдете! Впрочемъ, я не буду ждать Васъ въ іюнѣ. Весь этотъ мѣсяцъ я буду путешествовать. Если пріѣдете, то привезите 3 ф. хорошей ветчинной колбасы самой дорогой (въ мой счетъ).

Послалъ въ «Сѣв. Вѣстникъ» разсказъ [1]). Мнѣ немножко стыдно за него. Скучища и такъ много ..... что приторно. Непріятно, но нельзя было не послать, ибо деньги нужны, какъ воздухъ. Завтра кончаю разсказъ для «Новаго Времени». Лѣтомъ буду писать только мелочи.

Получилъ я отъ Лемана письмо; онъ извѣщаетъ, что «мы (т.-е. всѣ Вы, литерцы) согласились печатать объявленія другъ о другѣ въ своихъ книгахъ, приглашаетъ меня согласиться и предостерегаетъ, что можно въ

---

[1]) Повѣсть «Огни», не вошедшая въ собраніе сочиненій Чехова въ изданіи Маркса, напечатана была въ «Сѣверн. Вѣстн.» въ № 6, 1888 г., стр. 1—36.

число избранныхъ «включить лишь лицъ, болѣе или менѣе солидарныхъ съ нами». Въ отвѣтъ я послалъ согласіе и вопросъ: «откуда Вамъ извѣстно, съ кѣмъ я солидаренъ и съ кѣмъ не солидаренъ?» Какъ у Васъ въ Питерѣ любятъ духоту! Неужели Вамъ всѣмъ не душно отъ такихъ словъ, какъ солидарность, единеніе молодыхъ писателей, общность интересовъ и проч.? Солидарность и прочія штуки я понимаю на биржѣ, въ политикѣ, въ дѣлахъ религіозныхъ (секта) и т. п., солидарность же молодыхъ литераторовъ невозможна и не нужна... Думать и чувствовать одинаково мы не можемъ, цѣли у насъ различныя, или ихъ нѣтъ вовсе, знаемъ мы другъ друга мало, или вовсе не знаемъ, и, стало-быть, нѣтъ ничего такого, къ чему могла бы прочно прицѣпиться солидарность... А нужна она? Нѣтъ. Чтобы помочь своему коллегѣ, уважать его личность и трудъ, чтобы не сплетничать на него и не завистничать, чтобы не лгать ему и не лицемѣрить передъ нимъ—для всего этого нужно быть не столько молодымъ литераторомъ, сколько вообще человѣкомъ... Будемъ обыкновенными людьми, будемъ относиться одинаково ко всѣмъ, не понадобится тогда и искусственно взвинченной солидарости. Настойчивое же стремленіе къ частной профессіональной, кружковой солидарности, какой хотятъ у Васъ, породитъ нездоровое шпіонство другъ за другомъ, подозрительность, контроль, и мы, сами того не желая, сдѣлаемся чѣмъ-то въ родѣ іезуитскихъ соціусовъ другъ у друга... Я, милый Жанъ, не солидаренъ съ Вами, но обѣщаю Вамъ по гробъ жизни полную свободу, какъ литератору: то-есть Вы можете писать, гдѣ и какъ угодно, мыслить хотя бы на манеръ Корейши [2]), измѣнять 1,000 разъ убѣ-

[2]) Корейша, Иванъ Яковлевичъ, извѣстный въ свое время юродивый и прорицатель (ум. въ 1861 г.). Имя Корейши было очень популярно и въ полемической литературѣ 1860 гг. Для того, чтобъ охарактеризовать нелѣпость взглядовъ противника, его часто сравнивали съ Корейшей.

жденіямъ и направленіямъ и проч. и проч. и человѣческія отношенія мои къ Вамъ не измѣнятся ни на одинъ гранъ и я всегда буду на своихъ обложкахъ печатать объявленія о Вашихъ книгахъ. То же самое я могу пообѣщать и прочимъ моимъ коллегамъ, того же хотѣлъ бы и для себя. По-моему, это самыя нормальныя отношенія. Только при нихъ возможно и уваженіе и даже дружба, и сочувствіе въ тяжелыя минуты жизни.

Однако, я заболтался. Да хранп Васъ небо!

Вашъ *А. Чеховъ.*

В. Г. Короленко.

(Май или іюнь 1888 г.)

Г. Сумы, усадьба А. В. Линтваревой.

Посылаю Вамъ, милый Владиміръ Галактіоновичъ, свою книжицу[1]) и напоминаю Вамъ кстати о Вашемъ обѣщаніи побывать на Пслѣ. Ужъ очень у меня хорошо, такъ хорошо, что и описать нельзя! Природа великолѣпна; всюду красиво, простора пропасть, люди хорошіе, воздухъ теплый, тоны тоже теплые, мягкіе. Вечерами не бываетъ сырости, ночи теплыя... Однимъ словомъ, Вы не раскаетесь, если пріѣдете. Жду Васъ въ концѣ іюля или въ августѣ, и надѣюсь, что Вы не откажете мнѣ съѣздить со мной на Сорочинскую ярмарку.

У меня гоститъ А. Н. Плещеевъ, который Вамъ кланяется «очень даже» (его слова).

Семья тоже шлетъ свой привѣтъ. Будьте здоровы и да хранятъ Васъ небесные ангелы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Разсказы» изд. А. С. Суворина.

И. Л. Щеглову.

9 іюня Сумы, усадьба А. В. Линтваревой (1888 г.).

Кланяюсь Вамъ, милый мой драматургъ, купно съ дѣдомъ А. Н. Плещеевымъ, который вотъ уже мѣсяцъ какъ гоститъ у меня. Оба мы читаемъ газеты и слѣдимъ за Вашими успѣхами. Я радуюсь и завидую, хотя въ то же время и ненавижу Васъ за то, что Вашъ успѣхъ мѣшаетъ Вамъ пріѣхать ко мнѣ на Пселъ [1]). Конечно, о вкусахъ не спорятъ, но на мой вкусъ жить на Слѣ и ничего не дѣлать, гораздо душеспасительнѣе, чѣмъ работать и имѣть успѣхъ. Сонтіе съ музами вкусно только зимой.

Вы человѣкъ, несомнѣнно, талантливый, литературный, испытанный въ буряхъ боевыхъ, остроумный, не угнетенный предвзятыми идеями и системами, а потому можете быть убѣждены въ томъ, что изъ вашей пьесопекарни выйдетъ большой толкъ. Благословляю Васъ обѣими руками и шлю тысячу душевныхъ пожеланій. Вы хотите посвятить себя всецѣло сценѣ—это хорошо и стоитъ тутъ овчинка выдѣлки и игра свѣчъ; но... хватитъ ли у Васъ силъ? Нужно много нервной энергіи и устойчивости, чтобы нести бремя россійскаго драмописца. Я боюсь, что Вы измочалитесь не достигнувъ и сорока лѣтъ. Вѣдь у каждаго драматурга (профессіональнаго, какимъ Вы хотите быть) на 10 пьесъ приходится 8 неудачныхъ, каждому приходится переживать неуспѣхъ, и неуспѣхъ иногда тянется годами, а хва-

тить ли у Васъ силъ мириться съ этимъ. Вы по своей нервности склонны ставить каждое лыко въ строку и малѣйшая неудача причиняетъ Вамъ боль, а для драматурга это не годится. Засимъ я боюсь, что изъ Васъ выйдетъ не русскій драматургъ, а петербургскій. Писать для сцены и имѣть успѣхъ во всей Россіи можетъ только тотъ, кто бываетъ въ Питерѣ только гостемъ и наблюдаетъ жизнь не съ Тучкова моста. Вамъ надо уѣхать, а Вы едва ли рѣшитесь когда-нибудь разстаться съ тундрой и баронессой [1]. «Въ горахъ Кавказа» Вы написали потому, что были на Кавказѣ; повѣсти изъ военнаго быта написаны, благодаря тому, что Вы скитались по Россіи. Петербургъ же далъ Вамъ только «дачнаго мужа»... Если Вы скажете, что и «Гордіевъ узелъ» есть продуктъ петербургскаго созерцанія, то я не поверю Вамъ. Ищу все сіе опять-таки съ злою вредною цѣлью заманить Васъ къ себѣ хотя на одну минутку. Пріѣзжайте! Обѣщаю Вамъ дюжину сюжетовъ и сотню характеровъ.

Относительно конца моихъ «Огней» я позволю себѣ согласиться съ Вами. Не дѣло психолога понимать то, что онъ не понимаетъ. Паче сего, не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего не понимаетъ никто. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны. Однако будьте здоровы и счастливы. Пишите мнѣ, голубчикъ, и не скупитесь. Я начинаю привыкать къ Вашему почерку и разбираю его уже превосходно.

Вашъ *Эгмонтъ* [2].

---

[1] Покойная бабушка И. Л. Щеглова—баронесса М. И. Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ.

[2] Такъ иногда въ шутку подписывался А. П. въ письмахъ къ И. Л. Щеглову.

Вышла моя книжка. Если братъ не выдалъ Вамъ ее, то напомните ему, буде встрѣтитесь.

Не брезгуйте водевилемъ. Пишите ихъ дюжинами. Водевиль хорошая штука. Имъ кормится пока вся провинція.

А. С. Лазареву-Грузинскому.

26 іюня 1888 г.

Завидую Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ! Завидую, что Вы женитесь и что Вы не утонули по уши въ суету и не разучились еще писать, какъ азъ многогрѣшный. Поздравляю Васъ, женише, съ поступленіемъ въ ряды несчастныхъ, осмѣянныхъ Вашими афоризмами и желаю Вамъ отъ души, чтобы Вашъ медовый мѣсяцъ тянулся десятки лѣтъ, чтобы теща бывала у Васъ не чаще одного раза въ годъ и чтобы дѣти Ваши не знались ни съ музами, ни съ нечистыми духами, ни съ Н. А. Лейкинымъ.

Если счастливую семейную жизнь съ ея чадами, восторгами и ежедневнымъ поломойствомъ можно сочетать съ выдающимися литературными успѣхами, то желаю Вамъ и сихъ послѣднихъ, желаю отъ души и чистаго сердца, ибо Вы, какъ мнѣ казалось и кажется, имѣете всѣ данныя для этихъ успѣховъ.

Если увидите Ежова, то передайте ему мое сердечное поздравленіе. Вы и Ежовъ женитесь одновременно—въ этомъ я усматриваю стачку, противозаконную демонстрацію, направленную противъ моей холостой персоны. По моему мнѣнію, Вы, какъ младшіе литераторы, не имѣете никакого права жениться раньше тѣхъ, кто старше (я началъ писать въ 1880 году), ибо еще въ писаніи сказано: «впередъ батьки въ петлю не суйся».

Недавно я путешествовалъ по Полтавской губерніи. Былъ въ Сорочинцахъ. Все то, что я видѣлъ и слышалъ,

такъ плѣнительно и ново, что Вы позволите мнѣ не описывать здѣсь въ письмѣ этого путешествія. Тихія, благоухающій отъ свѣжаго сѣна ночи, звуки далекой, далекой хохлатской скрипки, вечерній бликъ рѣкъ и прудовъ, хохлы, дѣвки,—все это такъ широколиственно, какъ хохлацкая зелень, и помѣститься въ короткомъ письмѣ не сумѣетъ. Когда увидимся, разскажу все, а пока простите.

У меня гостилъ три недѣли старикъ Плещеевъ. Теперь гоститъ Баранцевичъ.

Дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ. Пселъ вообразилъ себя моремъ, разбушевался и вздымаетъ одинъ за другимъ девятые валы. Дождь. Погода свирѣпствуетъ. Въ общемъ погода стоитъ хорошая, и я ею доволенъ.

Когда Вы рѣшитесь написать «субботникъ»?

Пора, увѣряю Васъ. Я боюсь, чтобы Вы не опоздали. Впрочемъ, простите... Я забылъ, что Вы теперь женихъ, и пристаю къ Вамъ съ прозой. Будьте счастливы, глядите почаще на луну, нюхайте цвѣты, глубоко вздыхайте и говорите возвышеннымъ языкомъ—таковъ удѣлъ всѣхъ женховъ.

А мнѣ позвольте пребыть попрежнему одинокимъ, старымъ, заржавленнымъ холостякомъ.

А. Чеховъ.

Я жалѣю, что я не женатъ, или, по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ дѣтей.

А. Н. Плещееву.

(Іюнь 1888 г.)

Во-первыхъ, милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ, большое и сердечное спасибо Вамъ за то, что побывали у меня[1]); искренно Вамъ говорю, что 3 недѣли, проведенныя мною въ Вашемъ незамѣнимомъ обществѣ, составляютъ одну изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ страни-

---

[1]) А. Н. Плещеевъ былъ у А. П. въ имѣніи «Лука» Линтваревыхъ, возлѣ гор. Сумъ, на Нслѣ. Объ этомъ пребываніи у Чеховыхъ А. Н. Плещеевъ написалъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное А. П. Чехову:

Цвѣтущій, мирный уголокъ,
Гдѣ отдыхалъ я отъ тревогъ
И суеты столицы шумной,
Я буду долго вспоминать,
Когда вернусь въ нее опять,
Судьбы велѣніямъ послушный.
Отрадно будетъ мнѣ мечтой
Перенестись сюда порой,—
Перенестись къ семьѣ радушной,
Гдѣ милый, дружескій привѣтъ
Нежданно встрѣтилъ я, гдѣ нѣтъ
Ни свѣтской чопорности скучной,
Ни картъ, ни пошлой болтовни,
Съ пустою жизнью неразлучной,
Но гдѣ въ трудахъ проходятъ дни.
И чистый, безкорыстный трудъ
На благо края своего
Цѣнить умѣетъ темный людъ.
Платя любовью за него...
Не разъ мечта перенесетъ
Меня въ уютный домикъ тотъ,
Гдѣ вечеромъ, подъ звукъ рояли,
Въ душѣ усталой оживали
Волненья давнихъ, прошлыхъ дней
Весны умчавшейся моей
Ея восторги и печали!..
Спасибо, добрые друзья,
За теплый, ласковый привѣтъ,
Которымъ былъ и здѣсь согрѣтъ!
Спасибо вамъ! И если снова
Не встрѣчусь съ вами въ жизни я,
То вспомяните добрымъ словомъ
Въ бесѣдѣ дружеской меня.

Усадьба Лука. 1888 г. 6/VI.

чекъ моей біографіи. Во-вторыхъ, Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ досадно, что Вы уѣхали, и какъ всѣ мы стали грустны и кислы, когда посадили Васъ въ вагонъ. Дамы едва удерживались отъ слезъ, а я мысленно далъ небу обѣтъ, что и на будущій годъ постараюсь увлечь Васъ въ обѣтованную землю.

Едва Вы уѣхали, какъ мы вернулись на вокзалъ и выпили одинъ кувшинъ крюшону за Ваше здоровье. Напившись, мы послали телеграмму и только черезъ 2—3 часа послѣ этого сообразили, что она, т.-е. телеграмма, обезпокоитъ Васъ. Я думаю, что она Васъ разбудила. Обратный путь изъ Воронѣжы совершили мы въ 3 классѣ: шумѣли, галдѣли и слушали, какъ пѣли въ вагонѣ хохлы. Дома мы еще разъ выпили за Ваше здоровье и уснули съ грустной мыслью, что завтра мы уже не увидимъ Васъ.

Сегодня въ Сумахъ ярмарка. Купилъ я двѣ свистульки, 8 никому ненужныхъ ложекъ, 4 чашечки, пахнущія лакомъ, и серьги за 10 коп., которыя подарилъ уважаемому товарищу, кушилъ, между прочимъ, и портсигаръ съ дѣвицей за 15 коп.

Наняли четверку лошадей, чтобы ѣхать завтра къ С—гинымъ[2] и въ Сорочинцы. У С—гиныхъ я напишу Вамъ письмо. Всѣ Чеховы и Л—ревы[3] шлютъ Вамъ привѣтъ. Симпатичный Жукъ, добродушный Барбосъ, фатоватый Пулька и ingénue—Розка[4] здравствуютъ и попрежнему хватаютъ свиней за уши и лѣзутъ къ намъ въ столовую.

Артеменко[5] поймалъ сегодня щуку, а я вынулъ изъ вентерей 6 карасей.

Ѣдемъ мы завтра въ громаднѣйшей дѣдовской коля-

---

[2] Къ Смагиным, въ Миргородскій уѣздъ, село «Бакумовка».
[3] Линтваревы, у которыхъ жилъ А. П.
[4] Собаки А. П.
[5] Знакомый А. П. былъ большой любитель до рыбной ловли.

скѣ, въ тон самой, которая перешла въ наслѣдство Ли-вымъ*) отъ тетушки Ивана Федоровича Шпоньки.

Ну, будьте здоровы, покойны, счастливы и не забывайте насъ многогрѣшныхъ. Поклоніе всѣмъ Вашимъ. Ложусь спать.

Вашъ *Чоховъ.*

Прекрасная ночь. На небѣ ни облачка, а луна свѣтитъ во всю ивановскую.

---

*) Лнитварезымъ.

Ему же.

(28 іюня. 1888 г.).

Были мы въ Полтавской губ. Были и у С—гиныхъ [1]) и въ Сорочинцахъ. Ѣздили мы на четверикѣ, въ дѣдовской, очень удобной коляскѣ. Смѣху, приключеній, остановокъ, встрѣчъ по дорогѣ было многое множество. Все время навстрѣчу попадались такіе чудные, за душу хватающіе пейзажи и жанры, которые поддаются описанію только въ романѣ или въ повѣсти, но никакъ не въ короткомъ письмѣ. Ахъ если бы Вы были съ нами и видѣли нашего сердитаго-сердитаго ямщика Романа, на котораго нельзя было глядѣть безъ смѣха, если бы Вы видѣли мѣста, гдѣ мы ночевали, восьми-и десятиверстныя села, которыми мы проѣзжали, если бы пили съ нами поганую водку, отъ которой отрыгается, какъ послѣ сельтерской воды. Какія свадьбы намъ попадались по пути, какая чудная музыка слышалась въ вечерней тишинѣ и какъ густо пахло свѣжимъ сѣномъ. То-есть, душу можно отдать нечистому за удовольствіе поглядѣть на теплое вечернее небо, на рѣчки и лужицы, отражающія въ себѣ томный, грустный закатъ... Жаль, что Васъ не было. Въ коляскѣ Вы чувствовали бы себя, какъ въ постели. Ѣли мы и пили каждые полчаса, не отказывали себѣ ни въ чемъ, смѣялись до колики...

Имѣніе С—гиныхъ велико и обильно, но старо, запущено и мертво, какъ прошлогодняя паутина. Домъ

---

[1]) Смагины.

сѣлъ, двери не затворяются, изразцы на печкѣ выпираютъ другъ друга и образуютъ углы, изъ щелей половъ выглядываютъ молодые побѣги вишенъ и сливъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я спалъ, между окномъ и ставнемъ, соловей свилъ себѣ гнѣздо и при мнѣ вывелись изъ яицъ маленькіе соловейчики, похожіе на раздѣтыхъ жиденятъ. На рѣкѣ живутъ солидные аисты. На насѣкѣ обитаетъ дѣдъ, помнящій царя Гороха и Клеопатру Египетскую. Все ветхо и гнило, но зато поэтично, грустно и красиво въ высшей степени.

Погостили мы у С—гиныхъ 5 дней и уѣхали, давши имъ слово, что побываемъ у нихъ еще разъ въ этомъ году и сто разъ въ будущемъ.

Тополи у нихъ удивительные.

И. Л. Щеглову.

Ѳеодосія 18 іюля (1888 г.).

Пишу Вамъ, милый капитанъ, съ береговъ Чернаго моря. Живу въ Ѳеодосіи у генерала Суворина. Жарища и духота невозможныя, вѣтеръ сухой и жесткій какъ переплетъ, просто хоть караулъ кричи. Деревьевъ и травы въ Ѳеодосіи нѣтъ, спрятаться некуда. Остается одно—купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нѣжное, какъ волосы невинной дѣвушки. На берегу его можно жить 1000 лѣтъ и не соскучиться.

Цѣлый день проводимъ въ разговорахъ. Ночь тоже. И мало-по-малу я обращаюсь въ разговорную машину. Рѣшили мы уже всѣ вопросы и наѣтили тьму новыхъ, еще никѣмъ не приподнятыхъ вопросовъ. Говоримъ, говоримъ, говоримъ, и по всей вѣроятности кончимъ тѣмъ, что умремъ отъ воспаленія языка и голосовыхъ связокъ. Быть съ Суворинымъ и молчать такъ же не легко, какъ сидѣть у Палкина и не пить. Дѣйствительно, Суворинъ представляетъ изъ себя воплощенную чуткость. Это большой человѣкъ. Въ искусствѣ онъ изображаетъ изъ себя то же самое, что сеттеръ въ охотѣ на бекасовъ, т.-е. работаетъ чертовскимъ чутьемъ и всегда горитъ страстью. Онъ плохой теоретикъ, наукъ не проходилъ, многаго не знаетъ, во всемъ онъ самоучка—отсюда его чисто собачья неиспорченность и цѣльность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи бѣденъ теоріями, онъ поневолѣ долженъ былъ развить въ себѣ то, чѣмъ богато надѣлила его природа, поневолѣ онъ

развилъ свой инстинктъ до размѣровъ большого ума. Говорить съ нимъ пріятно. А когда поймешь его разговорный пріемъ, его искренность, которой нѣтъ у большинства разговорщиковъ, то болтовня съ нимъ становится почти наслажденіемъ. Ваше «Суворинъ-нмерцъ» я отлично понимаю.

Пришлите мнѣ «Театральнаго воробья» [1]). Если Вы въ самомъ дѣлѣ написали комедію, то Вы молодецъ и умница. Пишите во всѣ лопатки и такъ, какъ Вамъ въ данную минуту писать хочется. Хотите писать трагедію—пишите, хотите писать пустой водевиль—пишите. У Васъ не такая натура, чтобы Вы могли соображаться съ чужими взглядами и приговорами. Вы должны слѣдовать своему внутреннему чувству, которое у людей нервныхъ и чувствительныхъ составляетъ лучшій барометръ. И чѣмъ больше напишете пьесъ, тѣмъ лучше. Ахъ, я опять впадаю въ мораль! Простите, голубчикъ. Это не мораль, а разговоръ съ Вами. Когда я пишу къ Вамъ, я вижу Ваше лицо.

Ѣду въ городъ на почту. Прощайте. Да хранитъ Васъ Аллахъ.

Вашъ *А. Чехов*ъ.

---

[1]) «Театральный воробей», ком.-шут. въ 2 д. И. Л. Щеглова.

М. П. Чехову.

28 іюля (1888 г.).

Паршивенькій трузовой пароходъ «Диръ» мчится на всѣхъ парусахъ (8 узловъ въ 1 часъ) отъ Сухума до Поти. Двѣнадцатый часъ ночи. Въ маленькой каюткѣ, единственной на пароходѣ и похожей на в.-к., нестерпимо душно и жарко. Воняетъ гарью, канатомъ, рыбой и моремъ. Слышно, какъ работаетъ машина: «бумъ, бумъ, бумъ»... Надъ головой и подъ поломъ скрипитъ нечистая сила... Темнота качается въ каюткѣ, а кровать то поднимается, то опускается... Все вниманіе желудка устремлено на кровать, и онъ, словно невиллируя, то подкатываетъ выпитую сельтерскую воду къ самому горлу, то опускаетъ ее къ пяткамъ. Чтобы не обливать въ потемкахъ одежи, быстро одѣваюсь и выхожу. Темно... Ноги мои спотыкаются о какія-то невидимыя желѣзныя шпалы, о канатъ; куда ни ступишь, всюду бочки, мѣшки, тряпье... Подъ подошвами угольный муссоръ... Наталкиваюсь въ потемкахъ на что-то рѣшетчатое: это клѣтка съ козулями, которыхъ я видѣлъ днемъ; онѣ не спятъ и съ тревогой прислушиваются къ качкѣ... Около клѣтки сидятъ два турка и тоже не спятъ... Ощупью взбираюсь по лѣстничкѣ на капитанскую рубку... Теплый, но рѣзкій и противный вѣтеръ хочетъ сорвать съ меня фуражку... Качаетъ... Мачта впереди рубки качается мѣрно и не спѣша, какъ метрономъ; стараюсь отвести отъ нея глаза, но глаза не слушаются и вмѣстѣ съ желудкомъ слѣдятъ только за тѣмъ, что движется.

Море и небо темны, береговъ не видно, палуба представляется чернымъ пятномъ... Ни огонька.

Сзади меня окно. Гляжу въ него и вижу человѣка съ лицомъ Павла Михайловича. Онъ внимательно глядитъ на что-то и вертитъ колесо съ такимъ видомъ, какъ будто исполняетъ девятую симфонію... Рядомъ со мной стоитъ маленькій, толстенькій капитанъ въ желтыхъ башмакахъ. Онъ разговариваетъ со мной о кавказскихъ переселенцахъ, о духотѣ, о зимнихъ бурянъ и въ то же время напряженно вглядывается въ темную даль и въ сторону берега.

— А ты, кажется, опять забираешь влѣво!—говоритъ онъ, между прочимъ, кому-то; или:—Тутъ должны быть видны огоньки... Видишь?

— Никакъ нѣтъ!—отвѣчаетъ кто-то изъ потемокъ.

— Полѣзай на верхнюю площадку и погляди!

Темная фигура выростаетъ на рубкѣ и не спѣша лѣзетъ куда-то вверхъ. Черезъ минуту слышно:

— Есть.

Всматриваюсь влѣво, гдѣ должны быть огоньки маяка, беру у капитана бинокль и ничего не вижу... Проходитъ полчаса, часъ... Мачта мѣрно качается, нечистая сила скрипитъ, вѣтеръ покушается на фуражку... Тошноты нѣтъ, но жутко...

Вдругъ капитанъ срывается съ мѣста и со словами: «Черрртова кукла!» бѣжитъ куда-то назадъ.

— Влѣво!—кричитъ онъ съ тревогой и во все горло.—Влѣво... вправо! Аря... ва... а—а!..

Слышится непонятная команда; пароходъ вздрагиваетъ, нечистая сила взвизгиваетъ... «А-ва-а-ва!»—кричитъ капитанъ. У самаго носа звонятъ въ колоколъ, на черной палубѣ бѣготня, стукъ, тревожные крики... «Диръ» еще разъ вздрагиваетъ, напряженно пыхтитъ и, кажется, хочетъ дать задній ходъ.

— Что такое?—спрашиваю я и чувствую, что-то въ родѣ маленькаго ужаса. Отвѣта нѣтъ.

— Столкнуться хочетъ, чорртова кукла!—слышится рѣзкій крикъ капитана.

— Въ-ѣ-ва-а!

У носа показываются какіе-то красные огни. И вдругъ раздается среди шума свистъ не «Дира», а какого-то другого парохода... Теперь понятно: мы столкнемся! «Диръ» пыхтитъ, дрожитъ и какъ-будто не движется, ожидая, когда ему итти ко дну... (Тутъ со мной происходитъ маленькое недоразумѣніе, продолжавшееся не болѣе полуминуты, но доставившее мнѣ не мало мученій... Полминуты я былъ убѣжденъ въ томъ, что я погубилъ пароходъ. О недоразумѣніи разскажу при свиданіи[1], писать же о немъ длинно нѣтъ мочи).

Но вотъ, когда по моему мнѣнію все уже погибло, слѣва показываются красные огни и начинаетъ вырисовываться силуэтъ парохода... Длинное, черное тѣло плыветъ мимо, виновато мигаетъ красными глазами и виновато свиститъ.

— Уфъ! Какой это пароходъ?—спрашиваю я капитана.

Капитанъ смотритъ въ бинокль на силуэтъ и говоритъ:

— Это «Твиди».

Послѣ нѣкотораго молчанія заводимъ рѣчь о «Вестѣ», которая столкнулась съ двумя пароходами и погибла. Подъ вліяніемъ этого разговора море, ночь, вѣтеръ начинаютъ казаться отвратительными, созданными на по-

---

[1]) По возвращеніи братъ разсказывалъ мнѣ, вспоминаетъ М. П. Чеховъ, почему именно онъ считалъ себя причиной возможнаго столкновенія «Дира» и «Твиди». Въ суматохѣ, во время качки, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и, чтобы не упасть, ухватился за что-то, что тоже подалось въ сторону. Это оказался телеграфъ машины. Братъ хотѣлъ поставить его на прежнее мѣсто, но не сумѣлъ. Предсказаніе брата относительно капитана оправдалось отчасти: въ ту же осень «Диръ» погибъ у береговъ Олуппи. (См. Воспом. М. П. Чехова).

гибель человѣка, и глядя на толстенькаго капитана, я чувствую жалость. Мнѣ что-то шепчетъ, что этотъ бѣднякъ рано или поздно тоже пойдетъ ко дну и захлебнется соленой водой.

Иду къ себѣ въ каюту... Душно и воняетъ кухней. Раздѣваюсь донага и ложусь... Темнота колеблется, кровать словно дышитъ... Бумъ, бумъ, бумъ... Обливаюсь потомъ; задыхаясь и чувствуя во всемъ тѣлѣ тяжесть отъ качки, я спрашиваю себя: «Зачѣмъ я здѣсь?»

Просыпаюсь... Уже не темно... Весь мокрый, съ противнымъ вкусомъ во рту, одѣваюсь и выхожу... Все покрыто росой... Козули глядятъ по-человѣчески сквозь рѣшетку и, кажется, хотятъ спросить: «Зачѣмъ мы здѣсь?» Капитанъ попрежнему сидитъ неподвижно и всматривается вдаль.

Налѣво тянется гористый берегъ... Виденъ Эльборусъ изъ-за горъ. Восходитъ мутное солнце... Видна зеленая Ріонская долина, а возлѣ нея Потійская бухта...

Неизвѣстному лицу.

По рукописи, сообщенной М. П. Чеховымъ.

(1888 г.).

Я въ Абхазіи! Ночь провелъ въ монастырѣ «Новый Аѳонъ», а сегодня съ утра сижу въ Сухумѣ. Природа удивительная до бѣшенства и отчаянія. Все ново, сказочно, глупо и поэтично. Эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, кедры, пальмы, ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли, а главное—горы, горы и горы безъ конца и краю. Сижу я сейчасъ на балконѣ, а мимо лѣниво прохаживаются абхазцы въ костюмахъ маскарадныхъ капуциновъ; черезъ дорогу бульваръ съ маслинами, кедрами и кипарисами, за бульваромъ темносинее море.

Жарко невыносимо! Варюсь въ собственномъ потѣ. Мой красный шнурокъ на сорочкѣ раскисъ отъ пота и пустилъ красный сокъ; рубаха, лобъ и подмышки хоть выжми. Кое-какъ спасаюсь купаньемъ... Вечеръетъ... Скоро поѣду на пароходъ. Вы не повѣрите, голубчикъ, до какой степени вкусны здѣсь персики! Величиной съ большое яблоко, бархатистые, сочные... Ѣшь, а нутро такъ и ползетъ по пальцамъ.

Изъ Ѳеодосіи выѣхалъ на «Юноѣ», сегодня ѣхалъ на «Дирѣ», завтра поѣду на бабушкѣ... Много я перепробовалъ пароходовъ, но еще ни разу не рвалъ.

На Аѳонѣ познакомился съ архіереемъ Геннадіемъ, епископомъ Сухумскимъ, ѣздящимъ по епархіи верхомъ

на лошади. Любопытная личность.— Купилъ матери образокъ, который привезу.

Если бы я пожилъ въ Абхазіи хотя мѣсяцъ, то думаю, написалъ бы съ полсотни обольстительныхъ сказокъ. Изъ каждаго пустяка, со всѣхъ тѣней и полутѣней на горахъ, съ моря и съ неба глядятъ тысячи сюжетовъ. Подлецъ я за то, что не умѣю рисовать.

Ну, оставайтесь живы и здоровы. Да хранятъ Васъ ангелы небесные.

Поклонъ всѣмъ.

Вашъ А. Чехонте.

Не подумайте, что я ѣду въ Персію.

А. Н. Плещееву.

13 августа (1888 г.)

Здравствуйте, милый Алексѣй Николаевичъ! Я вернулся во-свояси. Былъ въ Крыму, въ Новомъ Аѳонѣ, въ Сухумѣ, въ Батумѣ, въ Тифлисѣ, въ Баку; хотѣлъ съѣздить въ Бухару и въ Персію, но судьбѣ угодно было повернуть мои оглобли назадъ. Впечатлѣнія новыя, рѣзкія, до того рѣзкія, что все пережитое представляется мнѣ теперь сновидѣніемъ.

Писать Вамъ съ дороги не было возможности, ибо было нестерпимо жарко, я чувствовалъ себя гоняемымъ на кордѣ, и впечатлѣній было такъ много, что я рѣшительно обалдѣлъ и не зналъ, о чемъ писать. Въ Ѳеодосіи я получилъ Ваше письмо; отвѣтить толкомъ и пространно, когда кружится голова отъ крымскаго и во рту пересохло отъ длинныхъ разговоровъ, когда впечатлѣнія смѣшались въ окрошку, трудно.

О своемъ путешествіи разскажу Вамъ въ Питерѣ. Буду разсказывать часа два, а описывать его на бумагѣ не буду, ибо описаніе выйдетъ кратко и блѣдно.

Статья Мережковскаго, если смотрѣть на нее какъ на желаніе серьезно заняться критикой, весьма симпатичное явленіе. Главный ея недостатокъ—отсутствіе простоты. Второй недостатокъ—авторъ не уяснилъ себѣ вопроса и недостаточно убѣжденъ; это видно изъ того, что по-

---

[1] Д. С. Мережковскій. «Старый вопросъ по поводу новаго таланта». «Сѣвер. Вѣстн.», кн. IX. 1888 г., стр. 77—99.

чти на каждой страницѣ онъ дѣлаетъ уступки и смѣшиваетъ различныя понятія; кое-гдѣ кричащія натяжки и туманности. Третій недостатокъ—это примѣчанія редакціи, которое я, хоть убейте, рѣшительно не понимаю. Про какихъ тамъ сотрудниковъ говорится? Такъ извольте же подъ каждой статьей дѣлать примѣчаніе, что «сія статья хотя и не нравится Чехову, но мы ее помѣщаемъ»... Редакція отвѣчаетъ за каждую строчку вмѣстѣ съ авторомъ; виноваты она и авторъ, третьи лица тутъ лишнія. Кто не согласенъ, тотъ можетъ писать особую статью, а дѣлать вылазку изъ оврага не подобаетъ. Редакція, какова бы она ни была, должна быть безусловно самостоятельна, по крайней мѣрѣ въ глазахъ публики; на то она и редакція.

Вы сильно огорчите меня, если не пріѣдете въ Украйну. Что я долженъ пообѣщать вамъ, чтобы вы тронулись изъ Питера?

Погода чудная. Работать совсѣмъ не хочется. Кланяйтесь Вашимъ и редакціи [2].

Будьте здоровы и живите такъ, чтобы каждую минуту чувствовать весну.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Прочиталъ я это письмо и нахожу, что оно написано очень не литературно.

---

[2]) «Сѣверный Вѣстникъ».

Ему же.

27 августа (1888 г.).

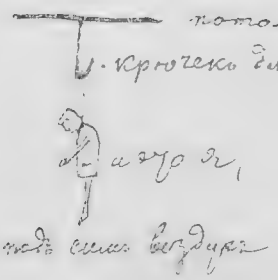
Отвѣчаю Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ, на Ваше послѣднее письмо.

Разсказъ для октябрьской книжки «Сѣвернаго Вѣстника» непремѣнно будетъ. Размѣръ 1—2 листа. Авансъ едва ли понадобится; денегъ у меня нѣтъ, буду жить впроголодь, но постараюсь не брать денегъ впередъ, ибо авансы понадобятся лѣтомъ, когда я бездѣльничаю и нуждаюсь въ лишнихъ пальныхъ деньгахъ. Ради весенникъ и лѣтнихъ дебоширствъ стоитъ поголодать зимою.

5-го сентября буду уже въ Москвѣ. Тяжело туда ѣхать. Будь деньги, поѣхалъ бы въ Питеръ. Поклонъ Фаусека передалъ по назначенію. Будьте здоровы.

Вашъ душевно *А. Чехонте*.

Ф. О. Шехтелю.



(1888 г.)

Если не трогаетъ Васъ это художественное изображеніе моей судьбы, то у Васъ нѣтъ сердца, Францъ Осиповичъ!

Дѣло въ томъ, что фирма „Докторъ А. П. Чеховъ и Ко“ переживаетъ теперь финансовый кризисъ... Если Вы не дадите мнѣ до 1-го числа 25—50 р. въ займы, то Вы безжалостный крокодилъ... Впрочемъ, если Вы мнѣ не вѣрите, то я дамъ Вамъ вексель, который Вы можете дисконтировать у Николая. Если Вы уѣдете въ Петербургъ, то и тогда у Васъ не пропала надежда получить съ меня долгъ: Вы получите его по телефону... Если же къ тому времени не устроятъ телефона, то я дамъ Вамъ чекъ, по которому Вы получите во всякое время дня и ночи... Въ случаѣ моей смерти, долгъ мой уплатитъ Вамъ, конечно, Николай, который, какъ Вы знаете, большой мастеръ платить долги.

Завтра (20-го) къ 11—12 часамъ явится къ Вамъ мой младшій кондиломчикъ Миша. Онъ запоемъ не пьетъ, а потому можно довѣриться ему вполнѣ.

Въ общемъ—извините за безпокойство. Когда, Богъ дастъ, у Васъ не будетъ денегъ, я дамъ Вамъ въ займы... адресъ богатаго жида.

Я кончилъ. Пріѣзжайте къ намъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ему же.

17 октября (1888 г.).

Милый Алексѣй Николаевичъ, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой. На сихъ дняхъ Жанъ Щегловъ притащилъ къ Вамъ мою одноактную пьесу «Калхасъ» или «Лебединая пѣсня». Нельзя ли прочесть ее въ Литературномъ Комитетѣ и пропустить. Достоинства въ пьесѣ отсутствуютъ; значенія ей я не придаю никакого, но дѣло въ томъ, что Ленскому [1]) хочется во что бы то ни стало сыграть ее на Малой сценѣ. Прошу не столько я, сколько Ленскій. Если же не пропустите, то на томъ свѣтѣ Вамъ достанется отъ Люцифера и ангеловъ его, я же лично ничего не буду имѣть противъ. Если когда-нибудь я буду членомъ комитета, то буду налагать veto безжалостно.

Безденежье одолѣло, вою волкомъ, но что дѣлать. На нѣтъ и суда нѣтъ. Попросите Анну Михайловну [2]), чтобы она не безпокоилась. Жоржъ уже былъ у Васъ.

Въ Москвѣ нѣтъ ничего новаго. Скучно и грустно, и сѣро и свинцово... Будьте здоровехоньки и поклонитесь Вашимъ. Моя фамилія шлетъ Вамъ свой привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) А. П. Ленскій—артистъ Императорскаго Московскаго Малаго театра.

[2]) А. М. Евреинова—издательница журнала «Сѣв. Вѣстникъ».

А. С. Лазареву-Грузинскому.

20 октября 1888 года.

Спасибо Вамъ, добрѣйшій Александръ Семеновичъ, за поздравленіе [1]). Насколько помню, льстецомъ я Васъ никогда не обзывалъ и Васъ не оспаривалъ; я говорилъ Вамъ только, что и великіе писатели бываютъ подвержены риску испишаться, надоѣсть, сбиться съ пониталыку и попасть въ тиражъ. Я лично подверженъ этому риску въ сильнѣйшей степени, чего Вы, какъ умный человѣкъ, надѣюсь, отрицать не станете. Во-первыхъ, я «счастья баловень безродный», въ литературѣ я Потемкинъ, выскочившій изъ нѣдръ «Развлеченія» и «Волны», я мѣщанинъ въ дворянствѣ, а такіе люди недолго выдерживаютъ, какъ не выдерживаетъ струна, которую торопятся натянуть. Во-вторыхъ, наибольшему риску сойти съ рельсовъ подверженъ тотъ поѣздъ, который ѣдетъ ежедневно, безъ остановокъ, невзирая ни на погоду, ни на количество топлива...

Конечно, премія — большая штука и не для меня одного. Я счастливъ, что указалъ многимъ путь къ толстымъ журналамъ, и теперь не менѣе счастливъ, что по моей милости тѣ же самые многіе могутъ разсчитывать на академическіе лавры. Все мною написанное забудется черезъ 5—10 лѣтъ; но пути, мною проло-

---

[1]) А. С. Лазаревъ-Грузинскій поздравилъ А. П. Чехова съ полученіемъ имъ пушкинской преміи.

женные, будутъ цѣлы и невредимы — въ этомъ моя единственная заслуга.

Ежовъ молодецъ. Онъ послалъ уже другой «субботникъ». Вашъ «субботникъ» мнѣ симпатиченъ, особенно середка, гдѣ мать учитъ дѣвочку.

Напрасно Вы приложили марки. Вашъ «субботникъ» вручилъ я Суворину—фису [2]), который пребываетъ теперь въ Москвѣ.

Отчего Вы раздумали подписаться Лазаревымъ?

Мнѣ Ваши разсказы нравятся; съ каждымъ годомъ Вы пишете все лучше и лучше, то-есть, талантливѣе и умнѣе. Но Вы рискуете опоздать. Надо торопиться. Если Вы не пойдете форсированнымъ маршемъ, то прозѣваете: Ваше мѣсто займутъ другіе.

Вы хорошо дѣлаете, что боитесь мелочности и казенщины. Но опять-таки Вы не даете воли своему темпераменту. Женщинъ нужно описывать такъ, чтобы читатель чувствовалъ, что Вы въ разстегнутой жилеткѣ и безъ галстука, природу—тоже самое. Дайте себѣ свободы.

Будьте здоровы. Поклонъ Вашей женѣ. Я живъ и здоровъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[2]) Сынъ А. С. Суворина—Михаилъ Алексѣевичъ.

И. Л. Щеглову.

7 ноября (1888 г.).

Милый Жанчикъ! Если ужъ Вы такъ великодушно соглашаетесь брать на себя каторжный трудъ—возиться съ пріятельскими порученіями, то пеняйте на себя. Въ четвергъ, въ 3 часа пополудни, Вы получите 2 экз. «Медвѣдя», которые прошу вручить дѣдусѣ[1]). Въ субботу Вы вообразите, что Вамъ хочется прогуляться, и поѣзжайте въ комитетъ[2]). Если пьесу одобрятъ, то свободный экземпляръ возьмите и вручите актеру или актрисѣ, по своему усмотрѣнію. Вы рекомендуете Савину и Сазонова? Хорошо. Тихоновъ[3]) рекомендуетъ Далматова и Васильеву. И это хорошо: то-есть мнѣ рѣшительно все равно, такъ какъ питерской труппы я не знаю. Дѣлайте, что хотите, а если не будете дѣлать, то въ претензіи не буду. Мнѣ стыдно злоупотреблять пріятельскими отношеніями и сѣдлать ни за что ни про что Жана Щеглова—невиннѣйшаго изъ людей и драматурговъ!..

Если одно порученіе недостаточно ошеломило Васъ, то вотъ другое, похуже и помельче. Я нацарапалъ спеціально для провинціи паршивенькій водевильчикъ «Предложеніе» и послалъ его въ цензурію. Просилъ въ прошеніи выслать въ библіотеку Разсохина. Если, ангелъ,

---

[1]) А. И. Плещееву.
[2]) Литературно-театральный комитетъ.
[3]) В. А. Тихоновъ, драматургъ.

будете въ цензурѣ, то скажите Крюковскому[4]), что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій и что я кулно съ Разсохинымъ слезно молимъ цензурную гидру не задерживать водевиля въ карантинѣ. Водевильчикъ пошловатенькій и скучноватенькій, но въ провинціи пойдетъ: двѣ мужскія роли и одна женская. «Предложеніе» ставить въ столицѣ не буду.

Скажите сэру Базарову, что я просилъ Разсохина послать ему 5 экз. моего «Медвѣдя». Разсохинъ сказалъ: «Хорошо!»... Творецъ «Милашкина»[5]) очень любезенъ со мной. На все соглашается.

Вашего дачнаго мужа отдавайте венеціанскимъ дожамъ[6]), но не раньше будущаго сезона. Не спѣшите. Время не уйдетъ. Почему и не отдавать теперь? Скажу при свиданіи, а теперь мѣста въ письмѣ нѣтъ. «Театральнаго воробья» ставьте и дайте мнѣ власть вязати и рѣшить. Позвольте мнѣ назначить роли, присутствовать на одной репетиціи и быть руководителемъ при вычеркиваніяхъ. Я сдѣлаю не хуже, чѣмъ Вы и мычащій Соловцовъ. У меня будетъ дисциплины больше.

Начали писать что-нибудь крупное?

«Севильскій обольститель» Бѣжецкаго — недурная пьеса. Она стоитъ того, чтобы ее поставили.

Глама-Мещерская поссорилась и уходитъ отъ Корша. Незамѣнимая потеря. Кто будетъ играть больныхъ кошекъ въ психопатическихъ пьесахъ[7])?

Жанчикъ, Вы ужъ старѣете и становитесь солидны. Вы женаты, капитанъ, литераторъ, у Васъ есть имя. Умоляю Васъ, разлюбите Вы, пожалуйста, сцену! Право, въ ней очень мало хорошаго. Хорошее преувеличено

---

[4]) Членъ цензурнаго комитета.

[5]) Милашкинъ—герой передѣлки Разсохина: «На маневрахъ».

[6]) Члены литературно-театральнаго комитета.

[7]) Намекъ на собственную пьесу «Ивановъ»—Глама играла въ ней чахоточную Сарру.

до небесъ, а гнусное маскируется. Я думаю, что В. Крыловъ[8]) всей душой ненавидитъ кулисы, раекъ, актеровъ, актрисъ, и потому имѣетъ такой успѣхъ. Онъ холоденъ, жестокъ, жестко стелетъ... Но глубоко правъ, что просто и равнодушно глядитъ на дѣло и на людей, живущихъ около этого дѣла. Современный театръ—это сыпь, дурная болѣзнь городовъ. Надо гнать эту болѣзнь метлой, но любить ее—это нездорово. Вы станете спорить со мной и говорить старую фразу: театръ—школа, онъ воспитываетъ и проч... А я Вамъ на это скажу то, что вижу: теперешній театръ не выше толпы, а наоборотъ, жизнь толпы выше и умнѣе театра; значитъ—онъ не школа, а что-то другое...

Увидимся не раньше декабря. Безденежье абсолютное. Никто не шлетъ денегъ, живу въ кредитъ.

«Шампанское»[9]) я утерялъ. Что же послать? Я разъ послалъ Баранцевичу разсказъ, но мнѣ возвратили въ чаяніи, что я пришлю что-нибудь еще ненапечатанное. Дайте Баранцевичу мой адресъ. Я былъ бы радъ получить отъ него письмо.

Будьте живы.

Вашъ Antoine.

---

[8]) В. Крыловъ, извѣстный драматургъ.

[9]) Старый разсказъ А. П. «Шампанское» (мысли съ новогодняго похмелья) былъ первый разъ напечатанъ въ № 1 «Осколокъ» въ 1886 г. за подписью «Человѣкъ безъ селезенки» (въ собраніе сочиненій вошелъ: т. VII, изд. А. Маркса, 1903 г.).

Ему же.

11 ноября 1888 г.

Mein lieber Iohan! О желаніи Савиной играть «Медвѣдя» я узналъ двумя днями раньше, чѣмъ о желаніи Абариновой, поэтому, по полученіи Вашего письма, я уже успѣлъ послать свое согласіе высокоталантливой и божественной Маріи Гавриловнѣ [1]). Произошла, помимо нашей воли, путаница. Боюсь, чтобы она не поставила кого-нибудь въ неловкое положеніе. Если Ваше наблюдательное око замѣтитъ въ чьей-нибудь душѣ (въ своей или актерской) смущеніе, то поспѣшно дѣлайте операцію: берите моего «Медвѣдя» назадъ, мотивируя сіе моимъ нежеланіемъ дебютировать на казенной сценѣ водевилемъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Операціи этой я не боюсь. Ставить-же кого бы то ни было въ непріятное положеніе изъ-за чортъ знаетъ чего мнѣ не хочется.

Вы хотите спорить со мной о театрѣ. Сдѣлайте Ваше одолженіе, но Вамъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. Современный театръ —это міръ безтолочи, К—хъ, тупости и пустозвонства. На-дняхъ мнѣ К—въ [2]) похвасталъ, что въ своихъ бездарнѣйшихъ «крокодиловыхъ слезахъ» [3]) онъ пробралъ «желторотыхъ либераловъ», и что потому-то его пьеса не понравилась и была обругана. Послѣ этого я еще боль-

[1]) М. Г. Савина.

[2]) Е. П. Карповъ.

[3]) «Крокодиловы слезы». Ком. въ 5 д. Е. П. Карпова (1888 г.) М.

ше возненавидѣлъ театръ и возлюбилъ тѣхъ фанатиковъ-мучениковъ, которые пытаются сдѣлать изъ него что-нибудь путное и безвредное.

Вы говорите, что Вы «поневолѣ, нужды ради, пишете плохія повѣсти». Какъ Вы смѣете говорить это? Ни одна Ваша пьеса не возвышалась до «Гордіева узла» и военныхъ очерковъ! Чортъ Васъ возьми! Впрочемъ, если по Вашему мнѣнію Ваши пьесы лучше повѣстей, то не будемъ спорить и возбуждать спора.

Будьте здоровехоньки и покойны. Поудержите свои щегляные нервы и не забывайте, что Вы бравый капитанъ.

Вашъ Antonio.

О «Театральномъ воробьѣ» буду писать. Воробей, Сѣренькій козликъ, Крокодиловы слезы, Мышенокъ, Медвѣдь, Вольная пташка—какой звѣринецъ!

А. Н. Плещееву.

27 ноября (1888 г.)

Здравствуйте, дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ. Простите, что такъ долго не писалъ Вамъ. Въ лѣности житіе мое ижднхъ, опихся, безъ ума смѣяхся, объѣдохся, или, выражаясь болѣе выспрянно, былъ малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта, ничего не дѣлалъ и никому не писалъ.

Съ чего начать. Начну съ Лѣшаго. Попасть въ толстый журналъ для пьесы—честь превеликая [1]); я благодарю, но прошу позволенія уклониться отъ этой чести, ибо пьеса моя пока ее не дадутъ на сценѣ и не изругаютъ въ рецензіяхъ, для журнала не представляетъ цѣннаго матеріала и въ напечатаніи ея многіе справедливо узрятъ пристрастіе «Сѣв. Вѣстн.» къ Чехову. Скажутъ: пьеса Чехова нигдѣ не шла и напечатана, почему же не печатаютъ тѣхъ пьесъ, которыя шли на сценѣ и имѣли успѣхъ. Это разъ. Во-вторыхъ, я не считаю ту пьесу готовою для печати, которая еще не была исправлена на репетиціяхъ. Погодите, голубчикъ, время еще не ушло. Когда пьеса будетъ исправлена на репетиціяхъ, я обращусь къ Вашей любезности, не дожидаясь приглашенія. Что «Сѣв. Вѣстникъ»? Въ Москвѣ упорно держится слухъ, что онъ переходитъ къ Чуйко. Я, конечно, не вѣрю этому. Толстыхъ журналовъ въ Россіи меньше, чѣмъ театровъ и университетовъ, судьбою

---

[1]) А. Н. пишетъ о «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

ихъ заинтересована вся читающая и мыслящая масса: за ними слѣдятъ, отъ нихъ ждутъ и проч. и проч., ихъ поэтому надо всячески оберегать отъ разрушенія — въ этомъ наша прямая обязанность. Вы писали мнѣ: будемъ держаться. Отвѣчаю: будемъ.

Мнѣ ужасно хочется поѣхать въ Питеръ; хочется повидаться съ Вами, съ Суворинымъ, съ Жаномъ [2]), но меня пугаетъ тотъ милліонъ визитовъ, который я долженъ буду сдѣлать. Хорошо бы поѣхать incognito. Суворинъ писалъ мнѣ, что онъ скоро будетъ въ Москвѣ. Если это вѣрно, то вернется онъ въ Петербургъ вмѣстѣ со мной.

У меня три недѣли гостила Наташа Линтварева. Стѣны нашего комодообразнаго дома дрожали отъ ея раскатистаго смѣха. Завидное здоровье и завидное настроеніе. Пока она у насъ жила, въ нашей квартирѣ даже въ воздухѣ чувствовалось присутствіе чего-то здороваго и жизнерадостнаго.

Вы перевели пьесу Додэ и ставите ее у Абрамовой [3])? Говорятъ, что Абрамова уже не завѣдуетъ театромъ и что актеры составили изъ себя товарищество. Насколько это вѣрно, не знаю. Пьеса Додэ идетъ также у Горевой и у Корша.

Немировичъ Владиміръ говорилъ, что видѣлся съ Вами. Мнѣ кажется, что сей Немировичъ очень милый человѣкъ и что со временемъ изъ него выработается настоящій драматургъ. По крайней мѣрѣ, съ каждымъ годомъ онъ пишетъ все лучше и лучше. Нравится онъ мнѣ и съ внѣшней стороны: прилично держится и старается быть тактичнымъ. Повидимому, работаетъ надъ собой [4]). У меня въ головѣ скопленіе сюжетовъ. Столько

---

[2]) П. Л. Щегловъ.

[3]) Частный театръ въ Москвѣ.

[4]) Вл. И. Немировичъ-Данченко—впослѣдствіи большой другъ А. П.

накопилось всякой чепухи, что можно ожидать въ скоромъ времени обвала.

Какъ Ваше здоровье? Миновала ли Васъ всеобщая influenza? Всѣ мои любятъ Васъ попрежнему и каждый день вспоминаютъ, какъ Вы гостили у насъ на Лукѣ. Они кланяются. Сестра велитъ кланяться и Еленѣ Алексѣевнѣ.

Я тоже кланяюсь, крѣпко обнимаю Васъ и, въ ожиданіи отъ Васъ письмеца, пребываю душевно преданнымъ. *А. Чеховъ.*

И. Л. Щеглову.

31 декабря (1888 г.).

Съ новымъ годомъ и съ новымъ счастьемъ, милый Жанъ! Дай Вамъ Создатель здоровія, хорошихъ нервовъ и успѣха во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Желаю, чтобы въ 1889 году Вы написали 8 повѣстей, 120 субботниковъ, 1 романъ и четверть пьесы. Желаю, чтобы Вы возненавидѣли театральное дѣло и отдались бы всей душой тому, что прилично такому штабъ-офицеру въ литературѣ, какъ Вы.

Былъ у меня Соловцовъ [1]) и просидѣлъ около 1 1½ часа. Говорили о Вашей пьесѣ. Онъ получилъ и хочетъ поставить.

Режиссеръ Вашего театра Ѳедоровъ-Юрковскій [2]) изъявилъ желаніе поставить въ свой бенефисъ [3]) моего «Иванова» со Стрепетовой и съ Савиной. Это, конечно, лестно для меня и я польщенъ и радъ. Повидимому, и Потѣхинъ [4]) желаетъ сдѣлать мнѣ пріятное и доказать Вамъ въ 1001-й разъ, что я не Чеховъ, а Потемкинъ [5]). Роли

---

[1]) Извѣстный артистъ И. И. Соловцовъ, создатель въ Кіевѣ «театра Соловцова». Для него А. П. Чеховъ спеціально написалъ свой водевиль «Медвѣдь», который и посвятилъ ему.

[2]) Режиссеръ Александринскаго театра въ СПБ.

[3]) Бенефисъ за 25-лѣтнюю службу.

[4]) А. А. Потѣхинъ былъ завѣдующимъ репертуаромъ Императорскихъ театровъ въ СПБ.

[5]) «Потемкинъ»—товарищеское прозвище, данное И. Л. Щегловымъ А. П.

уже распредѣлены, но... но постановка едва ли состоится. Меня такъ пугаютъ недостатки въ моей пьесѣ и такъ важны эти недостатки, что я по совѣсти не могу быть равнодушнымъ. Сегодня я послалъ письмо, въ которомъ перечислилъ нѣкоторыя условія; если, по мнѣнію тѣхъ, кому я писалъ, моя пьеса не удовлетворяетъ хотя одному изъ этихъ условій, то я серьезно прошлъ взять мою пьесу обратно. Согласитесь, голубчикъ, что пьеса, которой на глазахъ всего Питера отдается преимущество передъ пьесами Мея и Виктора Гюго («Эрнани»), должна быть отличной; согласитесь, и вы поймете, что я не ломаюсь и не кокетничаю. Я дѣлаю то, что на моемъ мѣстѣ сдѣлали бы и Вы, и Суворинъ, и всякій мало-мальски самолюбивый человѣкъ, пишущій пьесы не часто.

А недостатки въ моей пьесѣ непоправимы. Вижу ихъ не я одинъ, но также и люди, которымъ я вполнѣ довѣряю и компетенцію которыхъ ставлю выше своей. Ждите, когда напишу другую пьесу, а на «Иванова» начихайте![6])

Пріѣзжайте въ Москву, если будутъ ставить вашихъ Театраловъ»[7]). У насъ морозы.

Послалъ Мишу[8]) за виномъ, хочу новый годъ встрѣчать. Будьте здоровы и счастливы! Вашъ *А. Чеховъ*.

---

[6]) Какъ извѣстно, «Ивановъ» былъ встрѣченъ овaціями... Публика принимала пьесу чутко и шумно съ перваго акта, а по окончаніи третьяго, послѣ заключительной драматической сцены между Ивановымъ и больной «Саррой», съ увлеченіемъ разыгранной В. Н. Давыдовымъ и П. Я. Стрепетовой, устроила автору, совмѣстно съ юбиляромъ-режиссеромъ, восторженную овацію. (См. воспом. Ив. Щеглова. Ежемѣсяч. лит. прил. къ «Нивѣ», № 6 (іюнь) 1905. Стр. 244—249.)

[7]) «Господа театралы». Сцены въ 2 д. Ив. Щеглова.

[8]) Мих. Павл., братъ Ант. Павл.

В. А. Тихонову.

10 февраля (1889 г.)

Милый драматургъ, при всемъ моемъ желаніи достойно привѣтствовать дебютъ критика Тихонова [1], я не могу сказать Вамъ ни единаго теплаго слова, такъ какъ «Недѣля» [2] въ Москвѣ составляетъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые слоны. Я нигдѣ не могъ найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мнѣ тотъ №, гдѣ помѣщена Ваша рецензія? Я прочту и присовокуплю ее къ кучѣ рецензій, составляющихъ въ моемъ архивѣ объемистое «дѣло объ Ивановѣ» [3].

---

[1]) Въ 1889 г. П. А. Гайдебуровъ пригласилъ В. А. вести театральный отдѣлъ въ газетѣ «Недѣля», и первая его статья была объ «Ивановѣ», появившаяся черезъ нѣсколько дней послѣ постановки.

[2]) Газета «Недѣля» выходила ежедневно съ 1866 г. въ Петербургѣ. Нѣсколько разъ пріостанавливалось изданіе за неимѣніемъ подписчиковъ или административнымъ порядкомъ. Газета посвящена по преимуществу интересамъ провинціи. Съ осени 1877 г. стала давать ежемѣсячныя приложенія «Книжки Недѣли». Послѣднимъ редакторомъ былъ Вас. П. Гайдебуровъ. Въ 70-хъ годахъ въ газетѣ сотрудничалъ Н. В. Шелгуновъ; въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ «Недѣля» была главнымъ органомъ того «народничества», представителемъ котораго является Каблицъ-Юзовъ.

[3]) В. А. Тихоновъ немедленно послалъ №№ «Недѣли» съ его рецензіей, сопровождая ее письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, умолялъ А. П. писать для театра, такъ какъ по мнѣнію В. А. Тихонова «Ивановъ» является первымъ шагомъ для обновленія русской драматической литературы и что ему, Чехову, суждено, какъ кажется В. А. Тихонову, дать намъ новыя формы драмы и комедіи.

Насколько могу судить по тѣмъ Вашимъ пьесамъ, которыя я видѣлъ на сценѣ, изъ Васъ едва ли можетъ выработаться театральный критикъ. Вы человѣкъ рыхлый, чувствительный, уступчивый, наклонный къ пришадкамъ лѣни, впечатлительный, а всѣ сіи качества не годятся для строгаго, безпристрастнаго судьи. Чтобы умѣть писать критику, нужно быть въ душѣ немножко тою рябой бабой, которая безъ милосердія будетъ бить Васъ. Когда С—нъ [4]) видитъ плохую пьесу, то онъ *ненавидитъ* автора, а мы съ Вами только раздражаемся и ноемъ; изъ сего я заключаю, что С. годится въ судьи и гончія, а насъ (меня, Васъ, Щеглова и пр.) природа сработала такъ, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь лунѣ, едина солнцу...

Напишите-ка лучше рефератъ и прочтите его на Гороховой [5]). Сюжетовъ много.

Оттого, что я въ Питерѣ пилъ, не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморой, отъ котораго я теряю не мало крови. Увы, лавры и опьяненіе не даются даромъ!

Ну, будьте здоровы и веселы. Поклонъ Вашему брату [6]) и общимъ знакомымъ. Вашъ *А. Чеховъ*.

Нѣтъ почтовой бумаги! [7])

---

[4]) А. С. Суворинъ.

[5]) На Гороховой помѣщается СПБ. Литературное общество.

[6]) Братъ Вл. Ал. Тихонова—Алексѣй Алексѣевичъ, извѣстный беллетристъ, пишущій подъ псевдонимомъ Луговой.

[7]) Письмо это было написано на полулисточкѣ почтовой бумаги и не хватило мѣста, чтобы еще написать.

Н. А. Хлопову.

13 февраля (1889 г.).

Уважаемый Николай Аѳанасьевичъ!

Я прочелъ Вашъ разсказъ; онъ хорошъ и, вѣроятно, пойдетъ въ дѣло, а потому считаю не лишнимъ заранѣе и возможно скорѣе заявить Вамъ нижеслѣдующее: если Вы разсчитываете на него, какъ на серьезный шагъ, и дебютируете имъ, то въ этомъ смыслѣ, по моему мнѣнію, онъ успѣха имѣть не будетъ. Причина не въ сюжетѣ, не въ исполненіи, а въ поправимыхъ пустякахъ—въ чисто московской небрежности въ отдѣлкѣ и въ кое-какихъ деталяхъ, не важныхъ по существу, но рѣжущихъ глаза.

Начать хоть съ того, что то и дѣло попадаются фразы, тяжелыя какъ булыжникъ. Напримѣръ, на стр. 2 фраза: «онъ заходилъ ко мнѣ два раза въ продолженіе получаса». Или: «на губахъ Іоны появилась долгая, нѣсколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брызнулъ продолжительный дождь», такъ, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка». Впрочемъ, это пустяки... Но вотъ что не совсѣмъ мелочно: гдѣ Вы видѣли *церковнаго попечителя* Сидоркина? Правда, существуютъ церковные старосты, или ктиторы, но никакіе старосты и попечители, будь они хоть разнаивліятельнѣйшіе кущы, не имѣютъ права и власти переводить дьячка съ одного мѣста на другое... это дѣло архіерейское... Походило бы болѣе на правду, если бы Вашъ Іона попросту былъ переведенъ изъ города въ деревню за пьянство. Мѣсто, гдѣ Іона возится съ двумя десятинами, какъ наукъ съ мухой, прекрасно, но зачѣмъ Вы губите его прелесть опи-

саніемъ невозможной и маловѣроятной забавы съ сохой? Развѣ это необходимо? Вы знаете, что кто пашетъ первый разъ въ жизни, тотъ не сдвинетъ плуга съ мѣста—это разъ; дьячку выгоднѣе отдать свою землю подъ скопчину—это два; воробьевъ никакимъ колачомъ не заманишь изъ деревни въ поле—это три...

«Сижу я верхомъ на перекладинѣ, вотъ что хату съ чуланомъ соединяетъ» (стр. 16). Какая это перекладина? Фигура писаря въ пиджачкѣ и съ клочками сѣна въ волосахъ шаблонна и къ тому же сочинена юморист. журналами. Писаря умнѣе и несчастнѣе, чѣмъ принято думать о нихъ, и т. д.

Въ концѣ разсказа дьячокъ (это очень мило и кстати) поетъ: «Благослови» (,) душе моя, Господи, и возрадуется...» Такой молитвы нѣтъ. Есть же такая: «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое его...»

Послѣднее сказаніе: знаки препинанія, служащіе нотами при чтеніи, разставлены у Васъ, какъ пуговицы на мундирѣ гоголевскаго городничаго. Изобиліе многоточій и отсутствіе точекъ.

Эти пустяки, по моему мнѣнію, испортятъ Вамъ музыку. Не будь ихъ, разсказъ пошелъ бы за образцовый. Вы, конечно, не разсердитесь на меня за «мораль» и поймете, что пишу я это, какъ Вашъ повѣренный, съ цѣлью: не найдете ли Вы нужнымъ въ виду всего выше сказаннаго сдѣлать въ разсказѣ поправки? На шлифовку и переписку вновь понадобятся 2 часа, не больше, но зато разсказъ не проиграетъ.

Повторяю: и безъ поправокъ Іона хоронъ и пойдетъ въ дѣло, но если Вы намѣрены серьезно дебютировать имъ, то, насколько я знаю петербургскихъ судей, успѣха онъ имѣть не будетъ.

Жду Вашего отвѣта и прошу прощенія за непрошенное вмѣшательство.

Будьте здоровы. Вашъ *А. Чеховъ.*

И. Л. Щеглову.

18 февраля (1889 г.) [1].

Милый Жанъ, спасибо Вамъ за «Господъ театраловъ», которыхъ я получилъ. Одинъ экземпляръ отдалъ брату-педагогу [2]), другой присовокупилъ къ своей публичной библіотекѣ (называю ее публичной, потому что она окрадывается публикой очень усердно).

Вы въ письмѣ утѣшаете меня на-счетъ «Иванова». Спасибо Вамъ, но увѣряю Васъ честнымъ словомъ, я спокоенъ и совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что сдѣлалъ и что получилъ. Я сдѣлалъ то, что могъ и умѣлъ—стало-быть правъ: глаза выше лба не растутъ; получилъ же я не по заслугамъ, больше, чѣмъ нужно. И Шекспиру не приходилось слышать тѣхъ рѣчей, какія прослышалъ я [3]). Какого же лѣшаго мнѣ еще нужно? А если въ Питерѣ найдется сотня человѣкъ, которая пожимаетъ плечами,

---

[1]) Писано изъ Москвы вскорѣ послѣ представленія «Иванова» на Александрінск. сценѣ.

[2]) Иванъ Павловичъ, преподаватель въ одномъ изъ Московскихъ городскихъ училищъ.

[3]) На другой день послѣ перваго представленія въ СПБ. «Иванова» былъ веселый банкетъ, устроенный въ честь А. П. однимъ помѣщикомъ, восторженнѣйшимъ поклонникомъ Чехова. «Обѣдъ вышелъ на славу, при чемъ славили Чехова, что называется, во всю ивановскую, а самъ хозяинъ, поднимая бокалъ шампанскаго въ честь Чехова, въ заключеніе тоста торжественно приравнялъ чеховскаго «Иванова» къ Грибоѣдовскому «Горе отъ ума» (Ив. Щегловъ. «Воспоминанія»).

презрительно ухмыляется, кивает, брызжет пѣной или лицемѣрно врет, то вѣдь я всего этого не вижу и безпокоить меня все это не можетъ. Въ Москвѣ даже не пахнетъ Петербургомъ. Видаю я ежедневно сотню человѣкъ, но не слышу ни одного слова объ «Ивановѣ», точно я и не писалъ этой пьесы, а питерскія овацiи и успѣхи представляются мнѣ безпокойнымъ сномъ, отъ котораго я отлично очнулся.

Кстати, объ успѣхѣ и овацiяхъ. Все это такъ шумно и такъ мало удовлетворяетъ, что въ результатѣ не получается ничего, кромѣ утомленiя и желанiя бѣжать, бѣжать...

Голова моя занята мыслями о лѣтѣ и дачѣ. Денно и нощно мечтаю о хуторѣ. Я не Потемкинъ, а Цинцинната. Лежанье на сѣнѣ и пойманный на удочку окунь удовлетворяютъ мое чувство гораздо осязательнѣе, чѣмъ рецензiи и аплодирующая галлерея. Я, очевидно, уродъ и плебей.

Пишу докторскую диссертацiю на тему: «О способахъ прививки Ивану Щеглову ненависти къ театру»...

Вы пишете, что Бур—нъ[4]) дѣйствуетъ на Васъ угнетающе. Пусть такъ, но, ради Создателя, не поддавайтесь этому чувству и не пасуйте передъ великимъ критикомъ. Чтобы онъ ни мололъ авторитетно о безполезности нашего брата, о пишущихъ ради куска хлѣба, онъ никогда не будетъ правъ. На этомъ свѣтѣ не тѣсно, для всѣхъ найдется мѣсто; мы не мѣшаемъ Бур—ну жить, и онъ намъ не мѣшаетъ. Вопросъ же о томъ, кто на землѣ полезенъ и безполезенъ, не Бур—ну рѣшать и не намъ. Не расходуйте Вашихъ нервовъ и душевной энергiи на чортъ знаетъ что!

Занимайтесь беллетристикой. Она Ваша законная жена, театръ — это напудренная любовница. Или становитесь Островскимъ, или же бросайте театръ. Середины

---

[4]) В. Буренинъ, литературный критикъ «Новаго Времени».

нѣтъ для Васъ. Середина занята драматургами, а беллетристамъ такимъ, какъ я, Вы, Масловъ, Короленко, Баранцевичъ и Альбовъ, т.-е. литературнымъ штабъ-офицерамъ не къ лицу вести борьбу за существованіе съ оберъ-офицерами драматическими. Беллетристъ долженъ итти въ толпу драматурговъ-спеціалистовъ или генераломъ или же никакъ.

Захотите пошалить—другое дѣло. Отчего не пошалить? Но шаля, не слѣдуетъ дѣлать очень серьезнаго лица и угнетать себя очень серьезными мыслями.

Видите, какимъ я моралистомъ становлюсь. Мнѣ даже капитаны пипочемъ и ихъ отчитываю.

А вѣдь я не имѣющій чина!

Собираюсь на балъ. Будьте здоровы. Да благословитъ Васъ Богъ! Вашъ *А. Чеховъ.*

А. Н. Плещееву.

(23 февраля 1889 г.)

Посылаемая рукопись принадлежитъ перу московскаго литератора, И. А. Хлопова, автора нѣсколькихъ пьесъ («На лонѣ природы» и проч.). Это талантливый, хорошій и робкій человѣчекъ, затертый льдами московскаго равнодушія. Ему страстно хочется выскочить, и онъ просилъ меня протежировать въ Питерѣ. Не найдете ли Вы возможнымъ помѣстить его разсказикъ въ «Сѣверный Вѣстн.»? Разсказъ маленькій, безъ претензій и написанъ достаточно талантливо. Почеркъ безобразный, противно читать, но это не суть важно. Въ случаѣ, если найдете, что разсказъ для «С. В.» не удобенъ, то будьте добры, вручите его при свиданіи Щеглову, чтобы сей послѣдній передалъ его въ «Новое Время» Буренину съ просьбой отъ моего имени—не бросать въ корзину, а прочесть.

А. Н. Плещееву.

6 марта 1889 г.

Сегодня, дорогой Алексѣй Николаевичъ, я прочелъ двѣ критики, касающіяся моей «Степи», фельетонъ Буренина и *письмо* П. Н. [1]). Послѣднее въ высшей степени симпатично, доброжелательно и умно. Помимо теплаго участія, составляющаго сущность его и цѣль, оно имѣетъ много достоинствъ, даже чисто внѣшнихъ: 1) оно, если смотрѣть на него какъ на критическую статейку, написано съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой, какъ хорошій дѣльный рапортъ; въ немъ я не нашелъ ни одного жалкаго слова, чѣмъ оно рѣзко отличается отъ обычныхъ критическихъ фельетоновъ, всегда поросшихъ предисловіями и жалкими словами, какъ заброшенный прудъ водорослями; 2) оно до крайности понятно; сразу видно, чего хочетъ человѣкъ; 3) оно свободно отъ мудрствованій объ атавизмѣ, паки бытіи и проч.; просто и холодно трактуетъ объ элементарныхъ вещахъ, какъ хорошій учебникъ, старается быть умнымъ, точнымъ, и т. д., и т. д., всего не сочтешь... Я прочелъ письмо П. Н. три раза и жалѣю теперь, что онъ прячется отъ публики. Среди журнальныхъ работниковъ онъ былъ бы очень не лишнимъ. Важно не то, что у него есть опредѣленные взгляды, убѣжденіе, міровоз-

---

[1]) Петръ Николаевичъ Островскій, родной братъ знаменитаго драматурга.

зрѣніе,—все это въ данную минуту есть у каждаго человѣка,—но важно, что онъ обладаетъ методомъ; для аналитика, будь онъ ученый или критикъ, методъ составляетъ половину таланта.

Завтра я поѣду къ П. Н. и предложу ему одну штуку. Я напомню ему двѣнадцатый годъ и партизанскую войну, когда бить француза могъ всякій желающій, не надѣвая военнаго мундира; быть-можетъ, ему понравится моя мысль, что въ наше время, когда литература попала въ плѣнъ двунадесяти тысячъ лжеученій, партизанская иррегулярная критика была бы далеко не лишней. Не захочетъ ли онъ, минуя журналы и газеты, выскочить изъ засады и налетѣть наскокомъ по-казацки? Это вполнѣ исполнимо, если вспомнить о брошюровочномъ способѣ. Брошюра теперь въ модѣ; она не дорога и легко читается. . . . . .

П. Н. мнѣ очень и очень понравился. Съ нимъ не только не скучно, но даже весело... Да, онъ годился бы въ критики. Онъ имѣетъ хорошее чутье, массу читаетъ, повидимому, очень любитъ литературу и оригиналенъ. Я уловилъ нѣсколько оброненныхъ имъ опредѣленій, которыя цѣликомъ можно было бы напечатать въ учебникѣ «Теоріи словесности». Послѣ того, какъ я поговорилъ съ нимъ о моемъ выкидышѣ «Ивановѣ», я узналъ цѣну, какую имѣютъ для нашего брата такіе люди.

Н. А. Хлопову.

(22 марта 1889 г.)

Уважаемый Николай Ѳанасьевичъ! Я прочелъ Вашъ разсказъ [1]) вчера, когда получилъ: за 1—2 часа до отхода поѣзда. Двухъ послѣднихъ строчекъ я не прочелъ — было некогда,—но нахожу, что онъ лучше [2]) «Одиннадцатаго». Я отдалъ его въ собственныя руки Суворина. Сей послѣдній обѣщалъ прочесть его въ самомъ скоромъ времени.

Теперь объ «Одиннадцатомъ». Вотъ Вамъ выписка изъ письма старика Плещеева: «Это разсказецъ, написанный не безъ юмора и который бы можно напечатать въ «Сѣверн. Вѣстн.», но тамъ столько маленькихъ разсказовъ лежитъ—цѣлый ворохъ,—что не извѣстно, когда бы онъ пошелъ. Можетъ-быть, черезъ полгода, черезъ годъ, а автору это, вѣроятно, было бы не на руку?

«Одиннадцатый» теперь у Буренина.

Вотъ и все, что мнѣ извѣстно. Вашему желанію работать въ Питерѣ я радуюсь и въ свою очередь искренно желаю успѣха и побольше настойчивости въ этомъ направленіи... Былъ бы упрямство и настойчивость, поменьше малодушія передъ неудачами и дѣло Ваше пойдетъ на ладъ—готовъ ручаться, ибо Вы талантливы.

Простите за мораль Вашего доброжелателя

А. Чеховъ.

---

[1]) «Березовый сокъ».

[2]) Т.-е. написанъ лучше (примѣч. А. П. Чехова).

Ф. О. Шехтелю.

19 апрѣля 1889 г. Москва.

Милый Францъ Осиповичъ! Буде Вы не перемѣнили своего намѣренія повидаться съ Николкой, то вѣдайте, что въ субботу на этой недѣлѣ онъ и я уѣзжаемъ на югъ.

Теперь онъ ходитъ по комнатамъ.

Тифъ давно уже прошелъ, но легкія шалятъ по-прежнему. Будьте здоровехоньки. Не встрѣтимся ли мы съ Вами на Кавказѣ? Я буду тамъ въ іюнѣ—іюлѣ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

В. А. Тихонову.

31 мая (1889 г.)

Живу я, милый россійскій Сарду, не въ Парижѣ и не въ Константинополѣ, а, какъ Вы вѣрно изволили замѣтить на конвертѣ Вашего письма, въ г. Сумахъ, въ усадьбѣ г-жи Липтаревой. Радъ бы удрать въ Парижъ и взглянуть съ высоты Эйфелевой башни на вселенную; но—увы!—я скованъ по рукамъ и ногамъ и не имѣю права двинуться съ мѣста ни на одинъ шагъ. У меня боленъ чахоткою мой братъ [1]), художникъ, который живетъ теперь со мной.

Погода великолѣпная. Тепло, птицы поютъ, крокодилы квакаютъ. Пселъ [2]) широкъ и величественъ, какъ генеральскій кучеръ. Но, благодаря вышеописанному обстоятельству, живется скучно и сѣро. Спасибо добрымъ людямъ—навѣщаютъ меня и дѣлятъ со мной скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостилъ у меня дней шесть С. [3]), сегодня пріѣдетъ Свободинъ [4]), бываютъ сосѣди—день идетъ за днемъ, разговоръ за разговоромъ, анъ, глядь—ужъ и весны нѣтъ, іюнь на носу.

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріі-

---

[1]) Братъ А. П., Николай Павловичъ.

[2]) Рѣка Пселъ—лѣвый притокъ Днѣпра.

[3]) А. С. Суворинъ.

[4]) Артистъ Александрійскаго театра.

ѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое-что какъ-будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я не такой великій человѣкъ, какъ вѣщалъ за обѣдомъ Сок—инъ? Кончу я романъ черезъ два—три года.

Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходитъ. Нѣтъ ничего скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить.

Ваше томленіе я понимаю. Оно пройдетъ и пьеса будетъ написана Вами во благовременіи. Ваше «Безъ коромысла и утюга» [5]) шло недавно въ Одессѣ. Стало-быть, напрасно вы отзываетесь презрительно о сей пьесѣ. Все хорошо. Поймите разъ навсегда, что драматургія—Ваша профессія, что Вамъ приходится писать ежегодно, по одной—по двѣ пьесы, что поэтому поневолѣ Вы не можете писать одни только шедевры. На десятокъ пьесъ должно приходиться семь неважныхъ,—таковъ удѣлъ всякой профессіи. Поймите сіе, и Вамъ станетъ понятно, что все хорошо и все слава Богу.

Вы хотите, чтобы я повліялъ на Жана Щеглова и вернулъ его на путь беллетристики. Въ своихъ письмахъ я всякій разъ усердно журю его, но всѣ мои жидкія сентенціи, какъ волны объ утесъ, разбиваются только страстью, а сентенціей да логикой ничего не подѣлаешь. Самое лучшее—оставить Жана въ покоѣ и ждать, когда въ немъ перекипитъ театральная бурда, и самъ онъ естественнымъ порядкомъ придетъ къ нормѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы засѣдалъ я, какъ новоиспеченный членъ, въ Комитетѣ общества драмат. писателей. Вынесъ такое впечатлѣніе: дѣла Общества идутъ превосходно.

---

[5]) Такъ въ шутку называлъ А. П. пьесу Тихонова «Безъ кормила весла», пьеса въ 4 д. (М. 1889 г.)

Если вѣрить газетамъ, то у Васъ, на сѣверѣ, теперь холодно, а у насъ жарко.

Если не лѣнь и если Вы еще не женились на рябой бабѣ, бьющей Васъ и мѣшающей Вамъ писать, то пишите мнѣ.

Какъ Вы насчетъ спиритуозовъ? Придерживаетесь или отрицаете? Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилія благодаритъ Васъ за поклонъ и тоже кланяется. Вашъ *А. Чеховъ*.

Если брату станетъ полегче, то уѣду на Кавказъ.

Ф. О. Шехтелю.

1889 г. 18 іюня, г. Сумы.

Вчера, 17 іюня, умеръ отъ чахотки Николай. Лежитъ теперь въ гробу съ прекраснѣйшимъ выраженіемъ лица. Царствія ему небеснаго, а Вамъ, его другу, здоровья и счастья.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. Н. Плещееву.

(26 іюня 1889 г.)

Здравствуйте, мой милый и дорогой Алексѣй Николаевичъ! Ваше письмо пришло на девятый день послѣ смерти Николая, т.-е. когда мы всѣ уже начали входить въ норму жизни; теперь отвѣчаю Вамъ и чувствую, что норма въ самомъ дѣлѣ настала и что теперь ничто не мѣшаетъ мнѣ аккуратно переписываться съ Вами.

Бѣдняга художникъ умеръ. На Лукѣ онъ таялъ, какъ воскъ, и для меня не было ни одной минуты, когда бы я могъ отдѣлаться отъ сознанія близости катастрофы... Нельзя было сказать, когда умретъ Николай, но что онъ умретъ скоро—для меня было ясно. Развязка произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гостилъ у меня Свободинъ. Воспользовавшись пріѣздомъ старшаго брата [1]), который могъ смѣнить меня, я захотѣлъ отдохнуть, дней пять, подышать другимъ воздухомъ; уговорилъ Свободина и Линтваревыхъ и поѣхалъ съ ними въ Полтавскую губ. къ Смагинымъ. Въ наказаніе за то, что я уѣхалъ, всю дорогу дулъ такой холодный вѣтеръ и небо было такое хмурое, что хоть тундрамъ въ пору. На половинѣ дороги полилъ дождь. Пріѣхали къ Смагинымъ ночью, мокрые, холодные, легли спать въ холодныя постели, уснули подъ шумъ холоднаго дождя. Утромъ была все та же возмутительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мнѣ ни грязной дороги, ни сѣраго неба, ни слезъ на деревьяхъ; говорю не забыть, потому что утромъ пріѣхалъ изъ Миргорода

---

[1]) Александръ Павловичъ.

мужичонко и привезъ мокрую телеграмму: «Коля скончался».

Можете представить мое настроеніе. Пришлось скакать обратно на лошадяхъ до станціи, потомъ по желѣзной дорогѣ и ждать на станціяхъ по 8 часовъ... Въ Ромнахъ ждалъ я съ 7 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Отъ скуки пошелъ шататься по городу. Помню, сижу въ саду, темно, холодище страшный, скука аспидская, а за бурою стѣною, около которой я сижу, актеры репетируютъ какую-то мелодраму. Дома я засталъ горе. Наша семья еще не знала смерти, и гробъ пришлось видѣть у себя впервые.

Похороны устроили мы художнику отличныя. Несли его на рукахъ, съ хоругвями и проч. Похоронили на деревенскомъ кладбищѣ подъ медовой травой; крестъ виденъ далеко съ поля. Кажется, что лежать ему очень уютно.

Вѣроятно, я уѣду куда-нибудь. Куда? Не вѣмъ... Суворинъ зоветъ за границу. Очень возможно, что поѣду и за границу, хотя меня туда вовсе не тянетъ. Я не расположенъ теперь къ физическому труду, хочу отдыха, а вѣдь шатанье по музеямъ и Эйфелевымъ башнямъ, прыганье съ поѣзда на поѣздъ, ежедневныя встрѣчи съ велерѣчивымъ Дмитріемъ Васильевичемъ [2]), обѣды впроголодь, винопійство и погоня за сильными ощущеніями,—все это тяжелый физическій трудъ. Я бы охотнѣе пожилъ гдѣ-нибудь въ Крыму, на одномъ мѣстѣ, чтобы можно было работать.

---

[2]) Д. В. Григоровичъ.

Ему же.

15 сентября (1889 г.)

Милый Алексѣй Николаевичъ, не велите казнить, велите слово вымолвить. Теперь вижу, что когда я обѣщалъ Вамъ разсказъ для октябрьской книжки, въ моей головѣ перепуталась вся ариѳметика. Ѣдучи въ Москву, я рѣшилъ въ сентябрѣ писать для «Сѣв. Вѣстника», кончить 1—2 октября и послать не позже 5-го октября. Вотъ это-то канальское «октября» и перетуталось въ моей башкѣ съ «октябрьской» книжкой. Начавъ писать въ началѣ октября, я никоимъ образомъ не могъ бы поспѣть къ той книжкѣ, которая печатается въ сентябрѣ. Прошу убѣдительно Васъ и Анну Михайловну простить меня за разсѣянность. Въ ноябрьской книжкѣ разсказъ мой будетъ [1]) это внѣ всякаго сомнѣнія (если не забракуете его). Я пишу его помаленьку, и выходитъ онъ у меня сердитый, потому что я самъ сердитъ ужасно. Сегодня я написалъ Аннѣ Михайловнѣ, что разсказъ для «Сѣв. Вѣстника» уже готовъ, и просилъ у нея позволенія подержать его у себя дома и не высылать ей до слѣдующей книжки.

Я хочу кое-что поншлифовать и полакировать, а главное подумать надъ нимъ. Ничего подобнаго отродясь я не писалъ, мотивы совершенно для меня новые, и я боюсь, какъ бы не подкузьмила меня моя неопытность. Вѣрнѣе, боюсь написать глупость.

---

[1]) «Скучная Исторія».

Ему же.

(1889 г.).

По-моему, въ массѣ всего того, что теперь пишется у насъ и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красотѣ исполненія «Крейцеровой сонатѣ» (Толстого). Не говоря ужъ о художественныхъ достоинствахъ, которыя мѣстами поразительны, спасибо повѣсти за одно то, что она до крайности возбуждаетъ мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «это нелѣпо!» Правда, у нея есть очень досадные недостатки. Кромѣ всего того, что Вы перечислили, въ ней есть еще одно, чего не хочется простить ея автору, а именно—смѣлость, съ какой Толстой трактуетъ о томъ, чего онъ не знаетъ и чего изъ упрямства не хочетъ понять. Такъ его сужденія о сифилисѣ, воспитательныхъ домахъ, объ отвращеніи женщины къ совокупленію и проч. не только могутъ быть оспариваемы, но и прямо изобличаютъ человѣка, не потрудившагося въ продолженіе своей долгой жизни прочесть двѣ-три книжки, написанныя спеціалистами. Но все-таки эти недостатки разлетаются, какъ перья отъ вѣтра; въ виду достоинствъ повѣсти ихъ просто не замѣчаешь, а если и замѣтишь, то только подосадуешь, что повѣсть не избѣгла участи всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, которыя всѣ не совершенны и не свободны отъ пятенъ!

Что касается Гаршинскаго сборника, то не знаю, что и сказать Вамъ. Не дать разсказа—не хочется. Во-

первыхъ, такихъ людей, какъ покойный Гаршинъ, я люблю всей душой и считаю своимъ долгомъ публично расписываться въ симпатіи къ нимъ; во-вторыхъ, Гаршинъ въ послѣдніе дни своей жизни много занимался моей особой, чего я забыть не могу; въ-третьихъ, отказаться отъ участія въ сборникѣ, значитъ, поступить не по-товарищески, спрѣчь по-свински. Все это я чувствую до мозга костей, но представьте мое нелѣпое положеніе. У меня рѣшительно нѣтъ темъ, сколько-нибудь годныхъ для сборника. Все, что есть или очень пошло, или очень весело, или очень длинно. Былъ одинъ неважный сюжетецъ, да и тотъ я уже пустилъ въ дѣло и въ образѣ небольшого очерка послалъ въ «Новое Время», гдѣ я по уши залѣзъ въ долги, есть у меня еще одна тема. Быть-можетъ, мнѣ удастся написать разсказъ такъ, что онъ произведетъ, какъ я хотѣлъ, гнетущее впечатлѣніе; быть-можетъ, онъ выйдетъ хорошъ и сгодится для сборника, но поручитесь ли Вы, милый, что цензура или сама редакція не выхватятъ изъ него то, что въ немъ я считаю за важное? Если поручитесь, что ни одно слово не будетъ вычеркнуто, то я напишу разсказъ въ два вечера; если же ручаться нельзя, то погодите недѣльку, я дамъ Вамъ окончательный отвѣтъ: авось надумаю сюжетъ.

Ему же.

13 ноября (1889 г.).

Уфъ! Кончилъ, наконецъ, переписывать разсказъ [1]), запаковалъ и послалъ Вамъ, дорогой Алексѣй Николаевичъ! Получили? Прочли? Небось, сердитесь? Разсказъ совсѣмъ не подходящій для альманашносемейнаго чтенія, не граціозный и отдаетъ сыростью водосточныхъ трубъ. Но совѣсть моя, по крайней мѣрѣ, покойна: во-первыхъ, обѣщаніе сдержалъ, во-вторыхъ, воздалъ покойному Гаршину ту дань, какую хотѣлъ и умѣлъ.— Мнѣ, какъ медику, кажется, что душевную боль я описалъ правильно, по всѣмъ правиламъ психіатрической науки.

О полученіи разсказа, пожалуйста, увѣдомьте; если онъ не сгодится у Васъ, то я пущу его въ другое мѣсто, съ надписью «Памяти Гаршина». Не дай Богъ, если не сгодится. Я съ нимъ долго возился.

Литературныя дѣла идутъ вообще тихо, но жизнь проходитъ шумно. Очень много разговора насчетъ голода и много работы, вытекающей изъ сихъ разговоровъ. Въ театрахъ пусто. Погода плохая: совсѣмъ нѣтъ морозовъ. Щегловъ Жанъ увлеченъ толстовцами. Мережковскій попрежнему сидитъ въ домѣ Мурузи и путается въ пресыщенныхъ исканіяхъ и попрежнему онъ симпати-

---

[1]) «Припадокъ». Разсказъ этотъ былъ написанъ для сборника «Памяти В. М. Гаршина», изданный въ 1889 г.

ченъ; Фаусекъ получилъ магистра; про Чехова говорятъ, что онъ женился на N. и взялъ 5 милліоновъ приданаго. Объ этомъ говоритъ весь Петербургъ. Кому и для чего нужна эта сплетня, положительно не могу понять. Даже противно читать петербургскія письма.

Если бы я женился на N, то купилъ бы громадное имѣніе, которое отдалъ бы въ распоряженіе тѣхъ десяти человѣкъ, которыхъ я люблю. Но такъ какъ на N я не женюсь и 200 тысячъ никогда не выиграю, то и приходится мириться со своей судьбой и жить мечтами.

Ему же.

25 декабря (1889 г.)

Здравствуйте; милый Алексѣй Николаевичъ, поздравляю Васъ съ Рождествомъ и съ наступающимъ новымъ годомъ.

Впрочемъ, начну съ самаго начала. Былъ я какъ-то въ редакціи «Артиста» [1]) и засталъ тамъ редактора [2]), перелистывающаго Вашъ переводъ «Борьбы за существованіе [3]). Около редактора сидѣлъ еще кто-то, какой-то иксъ на манеръ редакціоннаго секретаря или Г—ва [4]). Оба сидѣли и разсуждали о томъ, что переводъ не будетъ напечатанъ. Боясь, чтобы они не наврали Вамъ чего-нибудь, я попросилъ позволенія сѣсть и написать Вамъ о судьбѣ Вашего перевода; будетъ напечатанъ переводъ Маттерна, которому давно уже было обѣщано, и меня удивляетъ эта безшабашная редакція, утруждавшая Васъ и знавшая навѣрно, что Вашъ переводъ не можетъ пойти. Я ихъ обругалъ. Теперь о театрѣ Абрамовой. Насколько я могу понять Соловцова съ братіей, «Борьбу» они вовсе не будутъ ставить, хотя и врутъ, что поставятъ послѣ праздниковъ. Короче говоря, лучшій

---

[1]) Журналъ «Артистъ» издавался въ Москвѣ съ сентября 1889 г. Ф. А. Куманинымъ.

[2]) А. Р. Гиппіусъ.

[3]) «Борьба за существованіе», пьеса въ 5 д. и 6 карт. А. Додэ, перев. А. Н. Плещеева.

[4]) В. А. Гольцевъ.

переводъ «Борьбы» останется при пиковомъ интересѣ, что страшно возмущаетъ меня. Кромѣ Вашего, мнѣ извѣстны еще три перевода [5]), которые уже дѣлаютъ свое дѣло въ провинціи; переводы плохіе, языкъ драповый... Говорятъ, что переводъ, идущій у Корша, плохъ до смѣшного. Порядки, чортъ бы ихъ взялъ.

Получилъ я «Струэнзе» [6]). Сердечно благодарю. Я прочелъ. Пьеса хорошая, но много въ ней красокъ, напоминающихъ нѣмецкую подносную живопись. Напримѣръ, сцены съ пасторомъ. Конецъ меня не удовлетворилъ. Но въ общемъ пьеса мнѣ понравилась. Россіи тоже нуженъ свой Струэнзе, какъ былъ когда-то нуженъ Сперанскій. Господа въ родѣ Ранцау попадаются у насъ изрѣдка среди предводителей дворянства, въ земствѣ, въ арміи, но въ Петербургѣ ихъ нѣтъ. Зато много Келлеровъ и придворныхъ дамъ, которыя одинаково вредны и безцвѣтны во всѣхъ дворахъ и во всѣхъ пьесахъ.

Я рвусь къ Вамъ въ Петербургъ, но не могу выѣхать раньше собранія членовъ общества драматическихъ писателей, на которомъ я обязанъ присутствовать, какъ членъ комитета. Когда будетъ это собраніе, пока еще неизвѣстно. Должно быть, въ началѣ января. Ваше петербургское собраніе многаго не поняло и много напутало, такъ что и распутать трудно. Я жалѣлъ, что не поѣхалъ тогда въ Петербургъ; слѣдовало бы кому-нибудь изъ членовъ комитета присутствовать у Васъ на собраніи и дать разъясненія. При свиданіи, я разскажу Вамъ, въ чемъ дѣло.

Мой «Лѣшій» идетъ въ театрѣ Абрамовой 27 декабря. Былъ я на репетиціи. Мужчины мнѣ понравились въ общемъ, а дамъ я еще не разглядѣлъ. Идетъ, повидимому,

---

[5]) a) Ѳ. Корша и М. Аграмова; b) С. Ковалевской и А. А. Лефевра, и c) Э. Маттерна.

[6]) Трагедія М. Бера—перев. А. Н. Плещеева.

бойко. Актерамъ пьеса нравится. О печатаніи ея поговоримъ тоже при свиданіи. Насколько можно судить по репетиціи, пьеса шибко пойдетъ въ провинціи, ибо комическаго элемента достаточно и люди все живые, знакомые провинціи.

Зима въ Москвѣ плохая, хоть плюнь. Снѣгу нѣтъ. Всѣ мои здоровы, я тоже. Инфлуэнца прошла у всѣхъ. А Вы какъ поживаете? Что Ваши? Видаете ли Жана Щеглова?

Голова у меня болитъ. Поѣду погулять, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Всѣ мои кланяются. Сестра шлетъ свой привѣтъ и поздравленіе. Я кланяюсь всѣмъ Вашимъ и молю небо, чтобы оно охранило Вашу квартиру отъ всякаго врага и супостата. Дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ф. О. Шехтелю.

(1889 г.)

Я ѣду сегодня, ибо въ Москвѣ мнѣ скучно. Буду ожидать Васъ въ Петербургѣ: Малая Итальянская, 18, кв. Суворина. Мой московскій адресъ не коридѣвскій, а уже новый: Малая Дмитровка, д. Фирганъ.

Я уже аристократъ и потому живу на аристократической улицѣ. Въ Петербургѣ давайте пообѣдаемъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. Н. Плещееву.

(5 іюня, Иркутскъ. 1890 г.)

Наконецъ, побороль самыя трудныя 3,000 верстъ, сижу въ приличномъ номерѣ и могу писать. Одѣлся я нарочно во все новое и возможно щеголеватѣе, ибо Вы не можете себѣ представить, до какой степени мнѣ надоѣли грязные большіе сапоги, полушубокъ, пахнущій дегтемъ, или пальто въ сѣнѣ, пыль и крошки въ карманахъ. Въ дорогѣ одѣтъ я былъ такимъ с. с., что даже бродяги на меня косо посматривали, а тутъ еще рожа моя потрескалась и покрылась рыбьей чешуей.

Теперь, наконецъ, я опять европеецъ, что и чувствую всѣмъ моимъ существомъ. Ну-съ, о чемъ же Вамъ написать? Все такъ длинно и широко, что не знаешь, съ чего начать и что выбрать. Все сибирское, мною пережитое, я дѣлю на три эпохи: 1) отъ Тюмени до Томска 1,500 верстъ, страшный холодище днемъ и ночью, полушубокъ, валенки, холодные дожди, вѣтры и отчаянная (не на жизнь, а на смерть) война съ разливами рѣкъ; рѣки заливали луга и дороги, а я то и дѣло мѣнялъ экипажъ на ладью и плавалъ, какъ венеціанецъ на гондолѣ; лодки, ихъ ожиданіе у берега, плаваніе и проч.—все это отнимало такъ много времени, что въ послѣдніе два дня до Томска я при всѣхъ моихъ усиліяхъ сумѣлъ сдѣлать только 70 верстъ вмѣсто 400—500; бывали къ тому же весьма жуткія, непріятныя минуты, особенно въ ту пору, когда вдругъ поднимался вѣтеръ и начиналъ бить по лодкѣ; 2) отъ Томска до Красноярска 500 верстъ, невылазная

грязь; моя повозка и я грузли въ грязи какъ мухи въ густомъ варенье; сколько разъ я ломалъ повозку (она у меня собственная), сколько верстъ прошелъ пѣшкомъ, сколько кляксъ было на моей физіономіи и на платьѣ. Я не ѣхалъ, а полоскался въ грязи. Зато и ругался же я. Мозгъ мой не мыслилъ, а только ругался. Замучился до изнеможенія и былъ очень радъ, попавъ на Красноярскую почтовую станцію; 3) отъ Красноярска до Иркутска 1,500 верстъ, жара, дымъ отъ лѣсныхъ пожаровъ и пыль; поглядишь на себя въ зеркало и кажется, что загримировался. Когда по пріѣздѣ въ Иркутскъ я мылся въ банѣ, то съ головы моей текла мыльная пѣна не бѣлаго цвѣта, а пепельно-гнѣдого цвѣта, точно я лошадь мылъ.

Когда пріѣду, разскажу Вамъ про Енисей и тайгу—весьма интересно и любопытно, ибо представляетъ новизну для европейца. Все же остальное обыкновенно и однообразно. Вообще говоря, сибирская природа мало отличается (наружно) отъ россійской; есть различіе, но оно мало замѣтно для глаза. Дорога вполнѣ безопасна. Грабежи, нападенія, злодѣи—все это вздоръ и сказки. Револьверъ совершенно не нуженъ, и ночью въ лѣсу такъ же безопасно, какъ и днемъ на Невскомъ. Для пѣшаго другое дѣло.

В. А. Гиляровскому.

Сохрани это письмо. Мнѣ хочется узнать по штемпелямъ, по какимъ путямъ оно шло до тебя [1]). Опускаю я его въ почтовый ящикъ на пароходѣ «Байкалъ», который завтра везетъ меня въ Татарскій проливъ.

Теперь 7 іюль.

Будь здоровъ. Поклонъ Маріи Ивановнѣ и дочкѣ.

Твой *А. Чеховъ.*

---

[1]) Штемпеля на открыткѣ: Николаевскъ, 26 іюля 1890 г., 14-го августа, тоже Николаевскъ и Москва 18-го октября.

Ф. О. Шехтелю.

1890 г. 13 іюля.

Вы никогда не получали писемъ съ береговъ Байкала. Такъ вотъ Вамъ. Пишу сіе, сидя на берегу Байкала и ожидая, когда пароходъ смилостивится и повезетъ мою особу дальше. Пріѣхалъ я сюда во вторникъ, а пароходъ пойдетъ въ пятницу; идетъ дождь, на озерѣ туманъ, ѣсть ничего не даютъ, таракановъ и клоповъ сколько угодно. Вообще не жизнь, а оперетка. И скучно и смѣшно. До свиданія, дядя! Вашъ *А. Чеховъ.*

И. Л. Щеглову.

30 марта 1891 г.

Bella Venetia съ ея женственными, птицеподобными гондолами, Болонья съ арками и Флоренція съ Венерой Медицейской шлютъ Вамъ привѣтъ, милый Жанъ.

Весь Вашъ *Antonio*.

Ф. О. Шехтелю.

Abbazia, *4 октября (1891 г.)*

Милый Францъ Осиповичъ, не удивляйтесь, что я такъ поздно собрался благодарить Васъ за каминъ. Своимъ долгимъ молчаніемъ я мстилъ Вамъ за то, что Вы прислали этотъ каминъ не наложеннымъ платежомъ. Во всякомъ разѣ большое Вамъ спасибо. По своимъ размѣрамъ и по виду каминъ вполнѣ подходитъ къ моей берлогѣ; вѣроятно, онъ уже готовъ и грѣетъ моихъ родственниковъ и гостей.

Идетъ дождь. Въ Аббаціи скучно. Море здѣсь хуже, чѣмъ въ Ялтѣ, отели жмутся другъ къ другу, и вся Аббація, недавно возрожденная изъ небытія, напоминаетъ монассановскій «Монтъ-Оріоль» (прекрасный романъ). Здѣсь очень много русскихъ, но у меня только одна знакомая русская, да и та мамка. Сегодня бѣгу въ Тріестъ, а оттуда въ Ниццу.

Ницца, Монте-Карло, Санъ-Ремо, вообще южное побережье Франціи, куда интереснѣе и роскошнѣе Аббаціи и всей этой некультурной братушкинской молдавіи.

Здѣсь вѣдь братья славяне?

Былъ я въ Львовѣ (Лембергѣ) на польской выставкѣ и видѣлъ тамъ патріотическую, но очень жидкую живопись и необыкновенныхъ жидовъ въ лансердакахъ и пейсахъ.

Однако будьте здоровы. Если будете въ Парижѣ, то побывайте въ Grand Hôtel'ѣ и спросите тамъ, гдѣ я. Вѣроятно, 20 октября ст. стиля я уже буду въ Парижѣ.

Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. Н. Плещееву.

(Октября 4, 1891 г.)

Дорогой и милый Алексѣй Николаевичъ, разсказъ[1]) для «Сѣвернаго Вѣстника» переписанъ и посланъ въ рѣдакцію. Утомился. Теперь жду гонорара. Весь сентябрь я сидѣлъ безъ денегъ, кое-какія вещички заложилъ и бился, какъ рыба объ ледъ; каждый сентябрь мнѣ круто приходится, въ этомъ же году послѣ лѣтняго бездѣлья и житья въ счетъ будущаго сентября былъ для меня особенно мраченъ.

Прочитавши мой разсказъ, напишите мнѣ. Онъ Вамъ не понравится, но Васъ и Анны Михайловны я не боюсь. Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и—только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны какъ секретари консисторіи, такъ и Н—чъ съ Гр—скимъ.

Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Потому я одинаково и не питаю особаго пристрастія ни къ

---

[1]) «Жена».

жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святая-святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода,— свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ ни выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ.

Е. П. Егорову [1]).

5 октября (1891 г.)

Уважаемый Евграфъ Петровичъ!

Мнѣ очень нужно Васъ видѣть. Если это письмо, которое я посылаю наудачу, Вы получите раньше 12 октября, и если Вы продолжаете еще быть земскимъ начальникомъ, то не откажите телеграфировать мнѣ возможно скорѣе, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ Нижегородской губерніи я могу застать Васъ. 12 октября я буду въ Нижнемъ и въ тотъ же день, если найду Вашъ адресъ, выѣду къ Вамъ.

А. Чеховъ.

---

[1]) Е. П. Егоровъ былъ земскимъ начальникомъ въ Нижегородской губ.

Кн. А. И. Урусову.

9 ноября, 5½ часовъ веч. *(1891 г.)*

Уважаемый Александръ Ивановичъ, я не забылъ объ обѣщаніи, а я очень боленъ. У меня жаръ, знобъ, слабость, всего разломило—и въ тотъ четвергъ, когда мнѣ слѣдовало быть у Васъ, я лежалъ у себя въ спальнѣ... Какъ я жалѣю, что Вы меня не застали! Это такая для меня обида адская! Я только-что вернулся отъ С. [1]), къ которому ѣздилъ за тѣмъ, чтобы лѣчить его. Я забылъ мудрое правило: «врачу» исцѣлися самъ. И меня назадъ привезли въ каретѣ, и начинаетъ голова болѣть.

Я все боюсь, какъ бы инфлуэнствующій С. [1]) не заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ.

Будьте благодѣтелемъ, напишите мнѣ, въ какой день и часъ (послѣ 12 ноября) я могу побывать у Васъ такъ, чтобы не помѣшать Вашимъ занятіямъ. Для меня удобнѣе всего послѣ 6-ти вечера.

Искренно преданный *А. Чеховъ*.

---

[1]) А. С. Суворинъ.

Е. П. Егорову.

11 декабря. (1891 г.)

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, вотъ Вамъ исторія моего не удавшагося путешествія къ Вамъ. Я собирался ѣхать къ Вамъ не съ корреспондентскими цѣлями, а по порученію, или вѣрнѣе, по соглашенію съ небольшимъ кружкомъ людей, желавшихъ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ. Дѣло въ томъ, что публика не вѣритъ администраціи и потому воздерживается отъ пожертвованій. Ходитъ тысяча фантастическихъ сказокъ и басенъ о растратахъ, наглыхъ воровствахъ и т. п. Епархіальнаго вѣдомства сторонятся, а на Красный Крестъ негодуютъ. Владѣлецъ незабвеннаго Бабкина, земскій начальникъ [1]), отрѣзалъ мнѣ прямо и категорически: «Въ Москвѣ въ Красномъ Крестѣ воруютъ!» При такомъ настроеніи администрація едва ли дождется серьезной помощи отъ общества. А между тѣмъ публикѣ благотворить хочется, и совѣсть ея потревожена. Въ сентябрѣ московская интеллигенція и плутократія собрались въ кружки, думали, говорили, конопшились, приглашали для совѣта свѣдущихъ людей; всѣ толковали о томъ, какъ бы обойти администрацію и заняться организаціей помощи самостоятельно. Рѣшили послать въ голодныя губерніи своихъ агентовъ, которые знакомились бы на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, устраивали бы столовыя и проч. Нѣкоторые главари кружковъ, люди съ вѣсомъ, ѣздили къ

[1]) А. С. Киселевъ.

Дурново [2]) проситъ разрѣшенія, и Дурново отказалъ, объявивъ, что организація помощи можетъ принадлежать только епархіальному вѣдомству и Красному Кресту. Однимъ словомъ, частная инціатива была подрѣзана въ самомъ началѣ. Всѣ повѣсили носы, пали духомъ; кто озлился, а кто просто омылъ руки. Надо имѣть смѣлость и авторитетъ Толстого, чтобы итти наперекоръ всякимъ запрещеніямъ и настроеніямъ, и дѣлать то, что велитъ долгъ.

Ну-съ, теперь о себѣ. Я съ полнымъ сочувствіемъ относился къ частной инціативѣ, ибо каждый воленъ дѣлать добро такъ, какъ ему хочется; но всѣ разсужденія объ администраціи, Красномъ Крестѣ и проч. казались мнѣ несвоевременными и не практическими. Я полагалъ, что при нѣкоторомъ хладнокровіи и добродушіи можно обойти все страшное и щекотливое, и что для этого нѣтъ надобности ѣздить къ министру. Я поѣхалъ на Сахалинъ, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, и однако же сдѣлалъ тамъ все, что мнѣ нужно; отчего же я не могу поѣхать въ голодающія губерніи? Вспоминалъ я также такихъ администраторовъ, какъ Вы, какъ Киселевъ и всѣ мои знакомые земскіе начальники и податные инспектора—люди въ высшей степени порядочные и заслуживающіе самаго широкаго довѣрія. И я рѣшилъ, хотя на небольшомъ районѣ, если можно, сочетать два начала: администрацію и частную инціативу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе съѣздить къ Вамъ и посовѣтоваться. Мнѣ публика вѣритъ, повѣрила бы она и Вамъ, и я могъ разсчитывать на успѣхъ. Помните, я послалъ Вамъ письмо. Тогда въ Москву пріѣхалъ Суворинъ; я нажаловался ему, что не знаю Вашего адреса. Онъ телеграфировалъ Баранову [3]), а Барановъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ Вашъ адресъ. Суворинъ

---

[2]) Министръ внутр. дѣлъ.

[3]) Ген. Барановъ былъ губернаторомъ Нижегородской губерніи.

былъ боленъ инфлуэнцей; обыкновенно, когда онъ пріѣзжаетъ въ Москву, мы цѣлые дни проводимъ неразлучно и толкуемъ о литературѣ, которую онъ знаетъ превосходно. И на сей разъ толковали, и кончилось тѣмъ, что я заразился отъ него инфлуэнцей, легъ въ постель и сталъ неистово кашлять. Былъ въ Москвѣ Короленко и засталъ меня страждущимъ. Осложненіе со стороны легкихъ сдѣлало то, что я маялся цѣлый мѣсяцъ, безвыходно сидѣлъ дома и ровно ничего не дѣлалъ. Теперь дѣла мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худѣю. Вотъ Вамъ и вся исторія. Если бы не инфлуэнца, то, можетъ-быть, намъ вмѣстѣ удалось бы сорвать съ публики тысячи двѣ-три или больше, смотря по обстоятельствамъ.

Ваше раздраженіе противъ печати вполнѣ понятно. Разсужденія газетчиковъ Васъ, знакомаго съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ же раздражаютъ, какъ меня, медика, разсужденія профана о дифтеритѣ. Но что прикажете дѣлать? Что? Россія не Англія и не Франція. Газеты у насъ не богаты и въ своемъ распоряженіи имѣютъ очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академіи или Энгельгарта—это дорого: послать дѣльнаго и даровитаго сотрудника тоже нельзя—дома нуженъ. *Times* на свой счетъ устроилъ бы въ голодающихъ губерніяхъ перепись, посадилъ бы въ каждой волости Кеннана, платя ему по 40 руб. суточныхъ—и вышелъ бы толкъ, а что могутъ сдѣлать «*Русскія Вѣдомости*» или «*Новое Время*», которыя доходъ въ сто тысячъ считаютъ уже крезовскимъ богатствомъ? Что же касается самихъ корреспондентовъ, то вѣдь это горожане, знающіе деревню только по Глѣбу Успенскому. Положеніе ихъ фальшиво въ высшей степени. Прилети въ волость, понюхай, пиши и валяй дальше. У него ни матеріальныхъ средствъ, ни свободы, ни авторитета. За 200 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ онъ скачетъ, скачетъ, и молитъ Бога только о томъ, чтобы на него не сердились

за его невольное и неизбѣжное вранье. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Но виноватъ вѣдь не онъ, а русскія потемки. Къ услугамъ западнаго корреспондента — превосходныя карты, энциклопедическіе словари, статистическія изслѣдованія; на западѣ корреспонденціи можно писать, сидя дома. А у насъ? У насъ корреспондентъ можетъ почерпать свѣдѣнія только изъ бесѣдъ и слуховъ. Вѣдь у насъ во всей Россіи до сихъ поръ изслѣдованы только три уѣзда: Череповскій, Тамбовскій и еще какой-то. Это на всю-то Россію! Газеты врутъ, корреспонденты—саврасы, но что же дѣлать? *А не писать нельзя.* Если бы печать наша молчала, то положеніе было бы еще ужаснѣе, согласитесь съ этимъ.

Ваше письмо и Ваша затѣя насчетъ покупки скота у крестьянъ сдвинули меня съ мѣста. Я всей душой и всѣми моими силами готовъ слушаться Васъ и дѣлать все, что Вы хотите. Я долго думалъ и вотъ Вамъ мое мнѣніе. На богатыхъ людей разсчитывать нельзя. Поздно. Каждый богачъ уже отвалилъ тѣ тысячи, которыя ему суждено было отвалить. Вся сила теперь въ среднемъ человѣкѣ, жертвующемъ полтинники и рубли. Тѣ, которые въ сентябрѣ толковали о частной иниціативѣ, нашли себѣ пріютъ при разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ и уже работаютъ. Значитъ, остается средній человѣкъ. Давайте объявимъ подписку. Вы напишите письмо въ редакцію, и я напечатаю его въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*» и въ «*Новомъ Времени*». Чтобы сочетать два вышеписанныхъ начала, мы можемъ оба подписаться подъ письмомъ. Если это для Васъ неудобно въ служебномъ отношеніи, то можно написать отъ третьяго лица корреспонденцію, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 5 участкѣ организовано то-то и то-то, что дѣла идутъ, слава Богу, успѣшно и что пожертвованія просятъ высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему тамъ-то, или же А. П. Чехову, или въ редакцію такихъ-то газетъ. Надо только подлиннѣе написать. Напишите

подробнѣе, а я прибавлю свое что-нибудь—и дѣло въ шляпѣ. Нужно писать о пожертвованіяхъ, но не о займѣ. На заемъ никто не пойдетъ: жутко. Дать трудно, но взять назадъ еще труднѣе.

Въ Москвѣ у меня есть одинъ только знакомый богачъ—это В. А. М. [1]), извѣстная благотворительница. Вчера я былъ у нея съ Вашимъ письмомъ. Говорилъ, обѣдалъ. Она увлечена теперь комитетомъ грамотности, который устраиваетъ столовыя для школьниковъ, и все отдаетъ туда. Такъ какъ грамотность и лошади—величины не соизмѣримыя, то В. А. пообѣщала мнѣ содѣйствіе комитета въ случаѣ, если Вы пожелаете устроить столовыя для школьниковъ и пришлете подробныя свѣдѣнія. Мнѣ *неловко* было просить у нея денегъ сейчасъ же, такъ какъ у нея берутъ и берутъ безъ конца, и треплютъ ее, какъ лисицу. Я только попросилъ ее, что въ случаѣ, если у нея будутъ какія-либо комиссіи и комитеты, то чтобы она не забывала и насъ, и она дала мнѣ обѣщаніе не забывать. Ваше письмо и Ваша идея сообщены также редактору «*Русскихъ Вѣдомостей*» Соболевскому—это на всякій случай. Всюду я трезвоню, что дѣло уже организовано.

Если будутъ рубли и полтинники, то я буду высылать ихъ Вамъ безъ всякой задержки. А Вы распоряжайтесь мной и вѣрьте, что для меня было бы истиннымъ счастьемъ хотя что-нибудь сдѣлать, такъ какъ до сихъ поръ для голодающихъ и для тѣхъ, кто помогаетъ имъ, я ровно ничего не сдѣлалъ. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

[1]) Варвара Алексѣевна Морозова.

Ему же.

14 декабря (1891 г.)

Уважаемый Евграфъ Петровичъ! Посылаю Вамъ собранные мною 116 руб. Продолженіе будетъ. Списокъ жертвователей я пришлю въ слѣдующій разъ.

Сообщаю я втихомолку, безъ какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо въ редакцію, или корреспонденцію, о которой я писалъ, слѣдуетъ помѣстить въ газетѣ не раньше января. Я полагаю, что въ январѣ у Васъ уже прочно будетъ стоять лошадиное дѣло, картина будетъ ясна, а слѣдовательно и для жертвователей все будетъ ясно; въ январѣ я пріѣду къ Вамъ *непремѣнно* и вмѣстѣ сочинимъ что-нибудь. Во всякомъ случаѣ сочинить что-нибудь нужно.

Напишите же насчетъ школьниковъ и ихъ кормленія. Я тотчасъ же помчусь въ Комитетъ грамотности, который поможетъ Вамъ. Вообще пишите. Безъ Вашихъ распоряженій я не ступлю самостоятельно ни одного шага. Я Вашъ агентъ, такъ Вы и смотрите на меня и почаще пишите руководства ради.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ф. О. Шехтелю.

14 декабря 1891 г.

Здравствуйте дорогой Францъ Осиповичъ!

Сколько зимъ, сколько лѣтъ!

И я о томъ же... Отъ утра до вечера, куда бы Вы ни пошли, вездѣ говорятъ Вамъ только о голодающихъ и деругъ съ Васъ вѣроятно, какъ (извините за литературное выраженіе) съ Сидоровой козы. И я тоже о голодающихъ... Дѣло вотъ въ чемъ. Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ уголковъ Нижегородской губерніи, гдѣ нѣтъ ни помѣщиковъ ни даже докторовъ, одинъ мой хорошій пріятель [1]), въ высшей степени порядочный и живой человѣкъ, организовалъ голодное дѣло. А я ему помогаю. Онъ несетъ на мѣстѣ всю черную работу, а я сижу въ Москвѣ и изображаю изъ себя благотворительную даму; въ январѣ и я поѣду на поле битвы, поѣхалъ бы и теперь, но держитъ инфлуэнца.

Замыслы у насъ широкіе.

Но я съ Васъ ни копейки не возьму, хотя я и благотворительная дама. Вы дайте мнѣ только слово, что если во время шумнаго пира или гдѣ-нибудь на юбилеѣ или на свадьбѣ въ Вашемъ присутствіи будетъ собранъ хотя одинъ рубль въ пользу голодающихъ, то Вы возьмете его и отдадите намъ. Также дайте слово, что Вы

---

[1]) Земскій начальникъ Нижегородской губерніи Евграфъ Петровичъ Егоровъ.

будете помнить о насъ до самой весны. Если будетъ подходящій случай и попадется какой-нибудь рубль, то направляйте его ко мнѣ (Мал. Дмитровка, д. Фирангъ) или же прямо на мѣсто: станція Богоявленное, Нижегородской губ., земскому начальнику Евграфу Петровичу Егорову. О каждой потраченной копейкѣ жертвователь получитъ самый подробный отчетъ, украшенный цвѣтами моего беллетристическаго таланта и казеной печатью. Послѣднее, полагаю, важнѣе.

Ну-съ, живу я такъ же, какъ и прежде жилъ. Не женатъ. Не богатъ. Инфлуэнца совсѣмъ изломала меня, я кашляю и худаю и, какъ говорятъ, сталъ походить физіономіей на утопленника.

Рѣшилъ покориться необходимости: купить въ Полтавской губ. хуторъ и перебраться туда совсѣмъ на жительство. Вонъ изъ Москвы! 9 мѣсяцевъ въ году буду проживать на хуторѣ и за границей, а остальные 3— въ Москвѣ и Питерѣ, въ отеляхъ.

Извѣстно ли Вамъ, что я былъ недавно за границей? Вездѣ былъ! Въ рулетку проигралъ 900 франковъ! На Везувій взбирался и нюхалъ кратеръ. Вотъ какіе мы!

Надо бы намъ повидаться и старину вспомнить. Ахъ, какъ надо бы! Не хотите ли у Тѣстова поужинать? Если да, то назначьте день и часъ. Непремѣнно пріѣду. Выбирайте трактиръ, какой хотите, мнѣ все равно.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Е. П. Егорову.

20 декабря (1891 г.)

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, посылаю Вамъ пока еще 17 руб. Продолженіе будетъ. По полученіи отъ Васъ письма я обратился конфиденціально къ предсѣдателю нашего литературнаго фонда, имѣющаго 200 тысячъ основного капитала, съ вопросомъ: нельзя ли мнѣ получить въ ссуду 500 руб.? Эти деньги хотѣлъ я послать въ ссуду Вамъ. Но предсѣдатель отказалъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ. На бѣду я никакъ не могу узнать адреса А. Н. Плещеева-поэта, который теперь за границей. Онъ, какъ Вамъ извѣстно, получилъ милліонное наслѣдство и мнѣ бы не отказалъ. Когда весною мы съ нимъ встрѣтились въ Парижѣ, онъ просилъ меня взять у него взаймы.

26 декабря уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить до 10 января. Въ случаѣ надобности адресуйтесь такъ: Петербургъ, Малая Итальянская, 18, кв. Суворина, Чехову. Въ Петербургѣ я попытаюсь достать денегъ.

14 декабря я послалъ Вамъ 116 руб., а ранѣе послалъ длинное письмо и отвѣта не получилъ. Все, что мною до сихъ поръ было собрано, жертвователи просятъ употребить на кормежку скота.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ему же.

26 декабря (1891 г.)

Посылаю еще 11 руб. А отвѣта отъ Васъ нѣтъ и нѣтъ, такъ что я начинаю думать, что мои письма не доходятъ по адресу. Сегодня я уѣзжаю въ Петербургъ. Благоволите адресовать туда.

Вышелъ сборникъ въ пользу голодающихъ, который далъ чистыхъ 18 тысячъ [1]). Если бы Вы поскорѣе отвѣтили мнѣ, въ какомъ положеніи у Васъ дѣла, и уполномочили бы меня, то я могъ бы обратиться въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», чтобы они выслали хотя бы 100—200 руб. У меня еще осталось Вашихъ 20 коп. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Помощь голодающимъ». Научно-литературный сборникъ, изданный «Русскими Вѣдомостями». Въ немъ А. П. помѣстилъ статью «Бѣглые на Сахалинѣ», стр. 227—248. Сборникъ этотъ былъ выпущенъ въ количествѣ 6100 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы весь валовой сборъ отъ продажи поступилъ полностью въ пользу нуждающагося населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей.

А. Н. Плещееву.

(Январь 1892 г.)

Простите, дорогой Алексѣй Николаевичъ, что пишу на простой бумагѣ; почтовой нѣтъ ни одного листа, а ждать, когда принесутъ изъ лавочки, не хочется и некогда.

Большое Вамъ спасибо за то, что прочли мой разсказъ[1]). и за Ваше послѣднее письмо. Вашими мнѣніями я дорожу. Въ Москвѣ мнѣ разговаривать не съ кѣмъ, и я радъ, что въ Петербургѣ у меня есть хорошіе люди, которымъ не скучно переписываться со мною. Да, милый мой критикъ, Вы правы. Середина моего разсказа скучна, сѣра и монотонна. Писалъ я ее лѣниво и небрежно. Привыкнувъ къ маленькимъ разсказамъ, состоящимъ только изъ начала и конца, я скучаю и начинаю зѣвать, когда чувствую, что пишу середину. Правы Вы и въ томъ, что не таите, а прямо высказываете свое подозрѣніе: не боюсь ли я, чтобъ меня сочли либераломъ? Это даетъ мнѣ поводъ заглянуть въ свою утробу. Мнѣ кажется, что меня можно скорѣе обвинить въ обжорствѣ, въ пьянствѣ, въ легкомысліи, въ чемъ угодно, но только не въ желаніи казаться или не казаться. Я никогда не прятался. Если я люблю Васъ, или Суворина, или Михайловскаго, то этого я нигдѣ не скрываю. Если мнѣ симпатична моя героиня

---

[1]) «Жена».

Ольга Михайловна, либеральная и бывшая на курсахъ, то я этого въ разсказѣ не скрываю, что кажется достаточно ясно. Не прячу я и своего уваженія къ земству, которое люблю, и къ суду присяжныхъ. Правда, подозрительно въ моемъ разсказѣ стремленіе къ уравновѣшиванію плюсовъ и минусовъ. Но вѣдь я уравновѣшиваю не консерватизмъ и либерализмъ, которые не представляютъ для меня главной сути, а ложь героевъ съ ихъ правдой. Петръ Дмитричъ лжетъ и буфонитъ въ судѣ, онъ тяжелъ и безнадеженъ, но я не хочу скрыть, что по природѣ своей онъ милый и мягкій человѣкъ. Ольга Михайловна лжетъ на каждомъ шагу, но не нужно скрывать, что эта ложь причиняетъ ей боль. Украинофилъ не можетъ служить уликой. Я не имѣлъ въ виду П. Л. [2]), Христосъ съ Вами! П. Л. умный, скромный и про себя думающій парень, никому не навязывающій своихъ мыслей. Украинофильство Л. — это любовь къ теплу, къ костюму, къ языку, къ родной землѣ. Оно симпатично и трогательно. Я же имѣлъ въ виду тѣхъ глубокомысленныхъ идіотовъ, которые бранятъ Гоголя за то, что онъ писалъ не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и блѣдными бездѣльниками, ничего не имѣя ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, тѣмъ не менѣе, стараются казаться выше средняго уровня и играть роль, для чего и нацѣпляютъ на свои лбы ярлыки. Что касается человѣка 60-хъ годовъ, то въ изображеніи его я старался быть остороженъ и кратокъ, хотя онъ заслуживаетъ цѣлаго очерка. Я щадилъ его. Это полинявшая, недѣятельная бездарность, узуршрующая 60-е годы; въ V классѣ гимназіи она поймала 5—6 чужихъ мыслей, застыла на нихъ и будетъ упрямо бормотать ихъ до самой смерти. Это не шарлатанъ, а дурачокъ, который вѣруетъ въ то, что бормочетъ, но мало или совсѣмъ не понимаетъ того, о

[2]) П. Лиитваревъ.

чемъ бормочетъ. Онъ глупъ, глухъ, безсердеченъ. Вы бы послушали, какъ онъ во имя 60-хъ годовъ, которыхъ не понимаетъ, брюзжитъ на настоящее, котораго не видитъ; онъ клевещетъ на студентовъ, на гимназистовъ, на женщинъ, на писателей и на все современное, и въ этомъ видитъ главную суть человѣка 60-хъ годовъ. Онъ скученъ, какъ яма, и вреденъ для тѣхъ, кто ему вѣритъ, какъ сусликъ. Шестидесятые годы— это святое время, и позволять глупымъ сусликамъ узурпировать его, значитъ, опошлять его. Нѣтъ, не вычеркну я ни украинофилки, ни этого гуся, который мнѣ надоѣлъ. Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ гимназіи, надоѣдаетъ и теперь. Когда я изображаю подобныхъ субъектовъ или говорю о нихъ, то не думаю ни о консерватизмѣ, ни о либерализмѣ, а объ ихъ глупости и претензіяхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Е. П. Егорову.

3 января (1892 г.)

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, уже давно въ отвѣтъ Вамъ я послалъ заказное письмо и нѣсколько денежныхъ пакетовъ. Долго не получая отъ Васъ отвѣта и теряясь по этому поводу въ догадкахъ, я остановился на томъ, что Вы не получили моихъ писемъ. И эта послѣдняя моя догадка оказалась весьма основательной. Дѣло въ томъ, что я послалъ Вамъ свою корреспонденцію по такому адресу: «Станція Богоявленное, Нижегородскаго уѣзда». Между тѣмъ, оказывается по справкамъ, что ст. Богоявленное въ Нижегородской губ. нѣтъ, а есть станція Богоявленіе. Пожалуйста, наведите справки, получите мои письма и напишите мнѣ. Ваше продолжительное молчаніе совсѣмъ парализовало мою волю и мои чувства. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ему же.

26 января. Москва (1892 г.).

По подписному листу № 28 Вы, добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, получили уже съ меня 25 руб. въ Бѣлой. Теперь по тому же листу посылаю еще 60 руб. Остальные 22 руб. собраны однимъ моимъ пріятелемъ; списокъ жертвователей прилагаю: такъ какъ они не вошли ни въ одинъ изъ подписныхъ листовъ, то благоволите прислать расписочки. 41 коп. осталась у меня до слѣдующаго транспорта.

Можете себѣ представить, я пріѣхалъ домой совсѣмъ больнымъ. Жестокая боль въ обѣихъ лопаткахъ, между лопатками и мышцахъ груди. Должно-быть, простудился въ Нижнемъ, послѣ того какъ поспалъ ночь подъ тропически-горячимъ дыханіемъ отдушины. Не могу ни сидѣть согнувшись, ни писать, ни надѣвать сапоги. Просто бѣда. Будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ему же.

29 января (1892 г.)

По подписному листу № 28 имѣете получить 25 руб., пожертвованные *Русскою Мыслью*.

Расписки не нужно. Отъ Е. И. Коновицеръ—1 руб. Расписка нужна. Итого 26 руб.

Всѣмъ Вашимъ привѣтъ.

Устройте столовыя.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Ф. О. Шехтелю.

2 февраля (1892 г.)

Милый Францъ Осиповичъ, я не выигралъ!

Съ отчаянія уѣзжаю сегодня въ Воронежскую губ., гдѣ пробуду полторы недѣли. Стало-быть, нашъ обѣдъ раньше, какъ черезъ полторы недѣли состояться не можетъ.

Не потеряйте подписной листъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Е. П. Егорову.

Воронежъ, 6 февраля (1892 г.)

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, пишу Вамъ это изъ Воронежской губ. Произошло то же самое, что и въ Нижнемъ, т.-е. губернаторъ пригласилъ меня обѣдать и мнѣ пришлось много говорить и слышать о голодѣ. Лошадиное дѣло поставлено здѣсь такъ. Губернаторъ Куровскій скупаетъ лошадей, гдѣ только возможно, по Вашему способу, и скупилъ ихъ уже около 400 головъ. Цѣна нижегородская. Если выписать изъ Донской области, то каждая лошадь безъ кормежки обойдется въ 50—60 руб. Куровскій лошадей при себѣ не держитъ, а раздаетъ ихъ мужикамъ тотчасъ же послѣ покупки. Онъ выписываетъ изъ голодныхъ уѣздовъ безлошадниковъ и говоритъ имъ: «Вотъ тебѣ лошадь. Ты будешь возить хлѣбъ». Безлошадникъ возитъ и такимъ образомъ зарабатываетъ на себя и на лошадь. Весною ему скажутъ: «Заработалъ ты столько-то. Лошадь стоила въ покупкѣ столько-то. Значитъ, за тобой осталось еще столько-то (или же имѣешь дополучить столько-то)». Однимъ словомъ, лошадь дается въ ссуду и ссуда выплачивается мало-по-малу теперь.

Воронежъ кишитъ. Голодное дѣло поставлено здѣсь гораздо основательнѣе, чѣмъ въ Нижегородской губерніи. Выдаютъ не только хлѣбъ, но даже переносныя печи и каменный уголь. Устроены мастерскія, много столовыхъ. Вчера въ театрѣ былъ спектакль въ пользу

голодающихъ, сборъ полный. Куровскій интеллигентный и искренній человѣкъ; работаетъ такъ же много, какъ Барановъ. Онъ штатскій, а для губернатора—это большое удобство: онъ чувствуетъ себя свободнѣе. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

Видѣлъ я Софью Александровну Давыдову и далъ ей Вашъ адресъ. Дама дѣловая, добрая и скромная. Она многое можетъ сдѣлать.

Мое письмо о Нижегородской и Воронежской губерніяхъ будетъ напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Поклонъ Вашимъ. Будьте здоровы. Пишите. Въ Москвѣ я буду около 10—12.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Ф. О. Шехтелю.

8 февраля (1892 г.)

Милый Францъ Осиповичъ, будьте столь любезны, скажите Феррейну или кому пожелаете, чтобы онъ выслалъ 2 ф. цѣлебнаго горчичнаго сѣмени, которое Вы принимаете, по слѣдующему адресу: Воронежской губ., село Хрѣновое, Его Прев. Степану Павловичу Иловайскому [1]). Пусть вышлетъ наложнымъ платежомъ. Желательно получить сѣмя съ наставленіемъ. Оно, кажется, прилагается къ каждому фунту.

Простите за безпокойство. Послѣ 12-го увидимся.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Управляющій Хрѣновскимъ заводомъ.

Е. П. Егорову.

25 февраля (1892 г.)

Посылаю Вамъ, Евграфъ Петровичъ, 12 рублей. На-дняхъ буду писать Вамъ подробно, а пока извините. Укладываюсь. Вашимъ сердечный привѣтъ.

Вашъ *А. Чеховъ*.

Посылаю не 12, а 14. Вотъ списокъ жертвователей, которымъ благоволите прислать расписки: Н. И. Ѳедоровъ—2 руб., редакція *Спорта*—1 руб., П. В. Петровъ—1 руб., Б. А. Суворинъ—10 руб. Итого 14 руб.

Воронежскій губернаторъ Куровскій сказалъ мнѣ, что въ случаѣ падежа какой-либо лошади нужно составлять актъ. Этою формальностью Вы интересовались и потому сообщаю Вамъ ее.

Ему же.

4 марта (1892 г.)

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, пишите мнѣ теперь по такому адресу: ст. Лопасня, Московско-Курской дороги, А. П. Чехову.

Въ девяти верстахъ отъ Лопасни и 20—25 верстахъ отъ Серпухова я купилъ себѣ имѣніе. 213 десятинъ. 5 тысячъ наличными и 8 банк. долгу.

Не пишу Вамъ подробно, потому что спѣшу. Сижу въ ресторанѣ. Изъ дому напишу очень подробно. Поклонъ Вашимъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Простыя письма желательнѣе заказныхъ.

Ему же.

Ст. Лопасня, 29 марта (1892 г.)

Значитъ, лошадиное дѣло трахнуло? Вы пишете, что если бы мы начали съ ноября, то дѣло было бы въ шляпѣ. Знаете, когда я въ февралѣ былъ въ Хрѣновскомъ заводѣ, то управляющій его Иловайскій, большой лошадиный знатокъ, сказалъ мнѣ, что ничего нельзя сдѣлать; то же самое говорилъ мнѣ и воронежскій губернаторъ, у котораго были и средства и помощники, и все-таки, кажется, ничего не вышло. Суть въ томъ, что чѣмъ дешевле и раньше Вы покупаете лошадь, тѣмъ дороже обходится ея кормежка и, стало-быть, она сама. Какъ ни вертись, ничего не подѣлаешь.

Статьи моей въ печати не было. Принимался я писать двадцать разъ, но выходило такъ фальшиво, что я всякій разъ бросалъ. Въ статьѣ я не лгалъ, но былъ какой-то фальшивый, натянутый тонъ, какого я не выношу ни въ своихъ, ни въ чужихъ статьяхъ. Выходитъ, какъ-будто я даромъ проѣхался къ Вамъ и даромъ ѣлъ Ваши сдобные пироги (очень вкусные, — скажу въ скобкахъ). Да, для Васъ и для Вашего дѣла моя поѣздка оказалась безполезной, но зато я вспоминаю о ней съ большимъ удовольствіемъ. Она мнѣ пригодится, ибо дала мнѣ не мало интересныхъ впечатлѣній.

Конечно, пріѣзжайте ко мнѣ. У меня 213 десятинъ земли, много плохого лѣсу, просторный домъ, садъ, въ саду прудъ, липовая аллея, фрукты, малина, всѣ построй-

ки новыя и вся усадьба (4 дес.) вдоль и поперекъ огорожена частоколомъ, который прежнему владѣльцу обошелся въ 700 руб. Такъ что въ садъ никакая курица не пробѣжитъ. Уютно. Домъ не изъ важныхъ, но вполнѣ культурный; хотя, впрочемъ, ватеръ-клозета не имѣется. У меня въ кабинетѣ три большихъ окна съ сплошными окнами, какъ въ магазинахъ. Стѣны оклеены обоями. Тепло. Желѣзная дорога въ 9 верстахъ, а Серпуховъ въ 23. Отъ Москвы—$2^1/_2$ часа пути. Ходитъ 6 поѣздовъ. 3 лошади, одна корова, 4 гуся, 2 собаки и 10 дохлыхъ куръ. Посѣяно 14 десятинъ ржи. Запахано подъ яровое тоже 14. Доходы получаются со сдачи въ аренду покосовъ и продажи хвороста, фруктовъ, разсады и всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, доходность меня мало интересуетъ, такъ какъ созданъ я дачникомъ, а не помѣщикомъ. Процентовъ мнѣ нужно платить 480 руб. въ годъ, т.-е. вдвое меньше, чѣмъ я платилъ въ Москвѣ за квартиру. Черезъ 2 года внесу въ погашеніе 5 тысячъ. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ. Если продадутъ имѣніе съ аукціона, то уѣду на югъ.

Вотъ что. Пріѣзжайте-ка въ Московскую губ. со всѣми чадами и домочадцами. Продайте Вашу Бѣлую и купите что-нибудь недалече отъ Москвы; тутъ и службу найдете. Вѣдь въ Бѣлой ни сада, ни парка—значитъ, жалѣть нечего, а Московская губернія мила Вамъ по воспоминаніямъ.

На Ѳоминой недѣлѣ будетъ у меня А. С. Киселевъ.

Буду по ржи сѣять клеверъ.

Непремѣнно пріѣзжайте, буду ждать. Отдамъ Вамъ свой кабинетъ въ полное Ваше распоряженіе. Всѣмъ Вашимъ нижайшій поклонъ. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ф. О. Шехтелю.

Ст. Лопасня, 26 мая (1892 г.).

Милый Францъ Осиповичъ, сибирское зелье [1]), восхищавшее меня пышностью своего роста, въ ночь подъ 14-е мая пало жертвою мороза.

А на Мадерѣ я не былъ, можете себѣ представить. Денегъ не хватило. Мартъ провелъ я въ Крыму, но и для такого въ сущности пустяка, какъ поѣздка въ Крымъ, мнѣ понадобилось обращаться къ кредиту.

Какъ Вы живете? Какъ Ваше здоровье? Не отразилась ли Ваша бывшая болѣзнь и операція на самочувствіе Вашемъ тѣлесномъ и душевномъ? Напишите мнѣ. Если бы я зналъ, когда Васъ можно застать дома, то побывалъ бы у Васъ. Я теперь часто бываю въ Москвѣ.

Живу я у себя въ Мелиховѣ, сѣю, сажаю, сплю, ѣмъ и гоняю куръ изъ сада. Изрѣдка пишу. Мечтаю о поѣздкѣ въ Италію, Египетъ или въ Корфу, но мечты остаются мечтами и такими останутся вѣроятно до самой дохлой смерти.

Жму Вамъ руку и желаю здоровья всей Вашей фамиліи. Пишите же.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Когда-то я провожалъ редактора «Русской Мысли» Лаврова съ женой на Брестскій вокзалъ. Оная жена

---

[1]) Какіе-то цвѣты японской культуры.

сломала зонтикъ. Зонтикъ сей я взялъ и съ нимъ пошелъ къ Вамъ. Завтракалъ. Когда уходилъ послѣ завтрака, Вы взяли у меня оный зонтикъ, сказавши, что отдадите его въ починку. Если онъ цѣлъ, то пошлите его въ редакцію «Русской Мысли» Лаврову (Леонтьевскій пер.), независимо отъ того, починенъ онъ, или нѣтъ; если же онъ пропалъ, то чортъ съ нимъ.

Ему же.

7 іюнь (1892 г.). Мелихово.

...Третьяго дня заказалъ я 50 вишневыхъ деревъ и 100 кустовъ сирени. Хозяйство мое мнѣ нравится, но увы! ужасно тянетъ меня невѣдомая сила на Кавказъ или въ Крымъ; вообще къ морю. Минутами бываетъ даже тяжело. Кажется, что если я въ этомъ году не понюхаю палубы, то возненавижу свою усадьбу, которую, кстати сказать, по плану Миши, плотники обнесли частоколомъ. Но уѣхать, вѣроятно, не придется, такъ какъ работы по горло и денегъ лишнихъ нѣтъ. Отложилъ всѣ свои путешественныя вожделѣнія до августа.

Ну какъ Вы съѣздили въ Вѣну? Завидую Вамъ.

Въ іюнѣ я буду въ Москвѣ и зайду къ Вамъ, чтобы увлечь Васъ съ собою подъ сѣнь струй. Послѣ дождя у насъ стало добропорядочно. Много зелени, но больше всего вишенъ. Вишенъ тьма-тьмущая.

Еще разъ спаспбо, голубчикъ, за будущихъ пѣтуховъ и куръ, а также за окаянное зелье[1]). Будьте здоровы, веселы и богаты, какъ Асафъ Барановъ. Да хранитъ Васъ небо.

Вашъ всѣмъ сердцемъ

А. Чеховъ.

Въ общемъ скучно.

---

[1]) Ф. О. Шехтель подарилъ А. П. какіе-то цвѣты японской культуры.

Я курю по 3—4 сигары въ день, но сейчасъ не въ очередь закурилъ рижскую. Весьма пріятно и весьма похвально, какъ говорятъ попы. Вкусно.

А знаете, я старѣю, чертовски старѣю и тѣломъ и духомъ. На душѣ, какъ въ горшкѣ изъ-подъ кислаго молока.

Давайте издадимъ что-нибудь очень дорогое и изящное съ рисунками. Подумайте-ка. Потеряемъ немного, но все-таки забава.

Е. П. Егорову.

15 іюля, ст. Лопасня (1892 г.)

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, ничего хорошаго я написать Вамъ не могу, такъ какъ не знаю ни одного врача, который теперь не былъ бы занятъ, а студентовъ-медиковъ знакомыхъ у меня нѣтъ. Если же и встрѣчу кого-нибудь изъ медиковъ, то мое посредничество едва ли будетъ имѣть успѣхъ, потому что врачъ едва ли согласится ѣхать въ уѣздъ за 250 руб.

Мы тоже хлопочемъ во всю ивановскую. У насъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ врачей такъ мало, что во время холеры уѣздъ будетъ сидѣть почти безъ помощи. Заграбастали и меня раба Божьяго и назначили санитарнымъ врачомъ. Разъѣжаю теперь по деревнямъ и читаю лекціи. Послѣзавтра на санитарномъ совѣтѣ будемъ рѣшать вопросъ: гдѣ можно достать врачей и студентовъ. И, вѣроятно, никакъ не рѣшимъ этого вопроса.

Значитъ, Вамъ не удастся отдохнуть послѣ голодовки. Досадная и грустная исторія.

Ѣду сейчасъ въ монастырь просить, чтобы построили баракъ.

Будьте здоровы и небомъ хранимы. Вашимъ поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. И. Эртелю.

1 марта (1893 г.)

Простите, многоуважаемый Александръ Ивановичъ, я обманулъ Васъ. Дѣло въ томъ, что до $2^1/_2$ часовъ сидѣлъ въ редакціи «Р. М.» [1]), а въ 3 долженъ былъ обѣдать на М. Бронной. Я забылъ вчера сказать Вамъ, что меня пригласили обѣдать.

Что касается моего участія въ литературномъ вечерѣ, то не тревожьте моего праха. Я читаю отвратительно, но это бы еще куда ни шло. Главное — у меня страхъ. Есть болѣзнь «боязнь пространствъ», такъ и я боленъ боязнью публики и публичности. Это глупо и смѣшно, но непобѣдимо. Я отродясь не читалъ и никогда не буду. Простите мнѣ эту странность. Когда-то я игралъ на сценѣ, но тамъ я прятался въ костюмъ и гримъ и это придавало мнѣ смѣлость [2]).

---

[1]) «Русская Мысль».

[2]) Въ дѣтствѣ А. П. очень любилъ театръ. Когда еще жили въ Таганрогѣ всей семьей, у Чеховыхъ часто происходили домашніе спектакли, въ которыхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Помню, вспоминаетъ М. П. Чеховъ, мы разыграли даже «Ревизора», въ которомъ городничаго игралъ А. П. Играли на малороссійскомъ языкѣ про какого-то Чупруна и Чупруниху, гдѣ роль Чупруна исполнялъ все тотъ же Антоша. Но самой любимой для А. П., кажется, была тогда имъ самимъ придуманная сцена про градоначальника. Въ гимназическомъ мундирчикѣ, съ старинной дѣдушкиной шашкой черезъ плечо, онъ представлялъ, какъ градоначальникъ стоитъ въ табельный день въ соборѣ и какъ

Завтра я ѣду домой. Когда опять буду въ Москвѣ, то непремѣнно побываю у Васъ. Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Ст. Лопасня, Моск.-Курск. ж. д. Это мой деревенскій адресъ.

затѣмъ, по окончаніи обѣдни, производитъ смотръ казакамъ. Эту сцену все съ новыми варіантами онъ показывалъ часто и очень охотно. Вообще А. П. былъ превосходный актеръ. Онъ очень часто, чуть не каждый день, выступалъ у себя въ семьѣ, въ своихъ собственныхъ импровизаціяхъ, отъ которыхъ обыкновенно у всѣхъ начиналось колотье въ бокахъ, такъ это смѣшно выходило. Даже будучи больнымъ, живя уже въ Мелиховѣ, А. П. все-таки не оставилъ любви къ подобнымъ шуткамъ.

А. Ѳ. Кони.

26 января 1894 г.

Милостивый Государь Анатолій Ѳедоровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на Ваше письмо, потому что уѣзжаю изъ Петербурга не раньше субботы. Я жалѣю, что не побывалъ у г-жи Нарышкиной [1]), но, мнѣ кажется, лучше отложить визитъ къ ней до выхода въ свѣтъ моей книжки, когда я свободнѣе буду обращаться среди матеріала, который имѣю. Мое короткое сахалинское прошлое представляется мнѣ такимъ громаднымъ, что когда я хочу говорить о немъ, то не знаю, съ чего начать, и мнѣ всякій разъ кажется, что я говорю не то, что нужно.

Положеніе сахалинскихъ дѣтей и подростковъ я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видѣлъ голодныхъ дѣтей, видѣлъ тринадцатилѣтнихъ содержанокъ, пятнадцатилѣтнихъ беременныхъ. Проституціей начинаютъ заниматься дѣвочки съ 12 лѣтъ, иногда до наступленія менструацій. Церковь и школа существуетъ только на бумагѣ, воспитываютъ же дѣтей среда и каторжная обстановка. Между прочимъ, у меня записанъ разговоръ съ однимъ десятилѣтнимъ мальчикомъ. Я дѣлалъ перепись въ селеніи Верхнемъ Армуданѣ; посе-

---

[1]) Елизавета Алексѣевна Нарышкина, гофмейстерина, статсъ-дама—предсѣдательница общества попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ, къ ней А. Ѳ. Кони адресовалъ А. П. Чехова, послѣ его разсказовъ о всемъ видѣнномъ имъ на о. Сахалинѣ.

ленцы всѣ поголовно нищіе и слывутъ за отчаянныхъ игроковъ въ штоссъ. Вхожу въ одну избу: хозяевъ нѣтъ дома; на скамьѣ сидитъ мальчикъ, бѣловолосый, сутулый, босой; о чемъ-то призадумался.

Начинаемъ разговоръ:

Я. Какъ по отчеству величаютъ твоего отца?

Онъ. Не знаю.

Я. Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

Онъ. Онъ у меня не настоящій отецъ.

Я. Какъ такъ не настоящій?

Онъ. Онъ у мамки сожитель.

Я. Твоя мать замужняя или вдова?

Онъ. Вдова. Она за мужа пришла.

Я. Что значитъ за мужа?

Онъ. Убила.

Я. Ты своего отца помнишь?

Онъ. Не помню. Я не законный. Меня мамка на Карѣ родила.

Со мной на амурскомъ пароходѣ ѣхалъ на Сахалинъ арестантъ въ ножныхъ кандалахъ, убившій свою жену. При немъ находилась дочь, дѣвочка лѣтъ шести, сиротка. Я замѣтилъ, когда отецъ съ верхней палубы спускался внизъ, гдѣ былъ ватеръ-клозетъ, за нимъ шли конвойный и дочь; пока тотъ сидѣлъ въ ватерѣ-клозетѣ, солдатъ съ ружьемъ и дѣвочка стояли у двери. Когда арестантъ, возвращаясь назадъ, взбирался вверхъ по лѣстницѣ, за нимъ карабкалась дѣвочка и держалась за его кандалы. Ночью дѣвочка спала въ одной кучѣ съ арестантами и солдатами. Помнится, былъ я на Сахалинѣ на похоронахъ. Хоронили жену поселенца, уѣхавшаго въ Николаевскъ. Около вырытой могилы стояли четыре каторжныхъ носильщика—ex officio, я и казначей въ качествѣ Гамлета и Горація, бродившихъ по кладбищу, черкесъ—жилецъ покойницы—отъ нечего дѣлать, и баба каторжная; эта была тутъ изъ жалости, при-

вела двухъ дѣтей покойницы, одного грудного и другого—Алешку, мальчика лѣтъ четырехъ въ бабьей кофтѣ и въ синихъ штанахъ съ яркими латками на колѣняхъ. Холодно, сыро, въ могилѣ вода, каторжные смѣются. Видно море. Алешка съ любопытствомъ смотритъ въ могилу; хочетъ вытереть озябшій носъ, но мѣшаютъ длинные рукава кофты. Когда закапываютъ могилу, я его спрашиваю: Алешка, гдѣ мать? Онъ машетъ рукой, какъ пропгравшійся помѣщикъ, смѣется и говоритъ:

— Закопали!

Каторжные смѣются; черкесъ обращается къ намъ и спрашиваетъ, куда ему дѣвать дѣтей, онъ не обязанъ ихъ кормить.

Инфекціонныхъ болѣзней я не встрѣчалъ на Сахалинѣ, врожденнаго сифилиса очень мало, но видѣлъ я слѣпыхъ дѣтей, грязныхъ, покрытыхъ сыпями,—все такія болѣзни, которыя свидѣтельствуютъ о забросѣ. Рѣшать дѣтскаго вопроса, конечно, я не буду. Я не знаю, что нужно дѣлать. Но мнѣ кажется, что благотворительностью и остатками отъ тюремныхъ и иныхъ суммъ тутъ ничего не подѣлаешь; по-моему, ставить важное въ зависимость отъ благотворительности, которая въ Россіи носитъ случайный характеръ, и отъ остатковъ, которыхъ не бываетъ—вредно. Я предпочелъ бы государственное казначейство.

Мой московскій адресъ: Малая Дмитровка, д. Фирганга.

Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ за радушіе и за обѣщаніе побывать у меня и пребыть искренно уважающимъ и преданнымъ *А. Чеховымъ*.

Л. В. Средину [1]).

9 мая. 1894 г. Ст. Лопасня.

Милый Леонидъ Валентиновичъ! Сердечно благодарю Васъ за фотографіи. Онѣ, по общему отзыву, вполнѣ удались Вамъ. Вы какъ бы извиняетесь, что я вышелъ на фотографіи немножко навеселѣ; но вѣдь такимъ же вышелъ у Васъ и М. [2]). Вы дѣлаете людей веселѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, и это, очевидно, составляетъ тайну Вашего искусства.

Если есть охотники до моей фотографіи, то осчастливьте ихъ, вручите каждому по экземпляру, я противъ этого ничего не имѣю. Кабинетныя фотографіи артистовъ (напримѣръ, Мирова) продаются по рублю, а такъ какъ я не артистъ, то берите дешевле.

Я все еще собираюсь въ Кіевъ и, вѣроятно, уѣду туда въ скоромъ времени. Остановлюсь тамъ въ Европейской гостиницѣ. Затѣмъ поѣду на Волгу. Погода у насъ роскошная. Жарко, зелено, поютъ соловьи; вишни и яблони въ полномъ цвѣту.

Желаю Вамъ всего хорошаго. Благодарю за гостепріимство. За фотографіи отплачу Вамъ черною неблагодарностью, пришлю томъ своихъ сочиненій—«Сахалинъ», когда выйдетъ.

Софьѣ Петровнѣ, дѣтямъ и всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ нижайшій поклонъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Перебои не повторяются. Кашляю меньше, чѣмъ въ Ялтѣ.

---

[1]) Докторъ въ Ялтѣ. Большой любитель фотографіи.

[2]) Мировъ.

А. С. Суворину.

1894 г. Ялта.

Во мнѣ течетъ мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродѣтелями. Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была странная. Я любилъ умныхъ людей, нервность, вѣжливость, остроуміе, а къ тому, что люди ковыряли мозоли и что ихъ портянки издавали удушливый запахъ, я относился такъ же безразлично, какъ къ тому, что барышни по утрамъ ходятъ въ папильоткахъ. Но толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и нарѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ и его женой и проч. и проч.

...Разсужденія всякія мнѣ надоѣли, а такихъ свистуновъ, какъ Максъ Нордау, я читаю просто съ отвращеніемъ. Лихорадящимъ больнымъ ѣсть не хочется, но чего-то хочется, и они это свое неопредѣленное желаніе

выражаютъ такъ: «чего-нибудь кисленькаго». Такъ и мнѣ хочется чего-то кисленькаго. И это не случайно, такъ какъ точно такое настроеніе я замѣчаю кругомъ. Похоже, будто всѣ были влюблены, разлюбили теперь и ищутъ новыхъ увлеченій. Очень возможно и очень похоже на то, что русскіе люди опять переживутъ увлеченіе естественными науками и опять матеріалистическое движеніе будетъ моднымъ. Естественныя науки дѣлаютъ теперь чудеса и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и похоронить ее своею массою, грандіозностью [1]...

---

[1]) „Онъ ошибался. Мамаемъ оказались не естественныя науки, а что-то другое. Науки примирѣли и даже попрятались". Примѣчаніе А. С. Суворина. (См. „Маленькія письма" А. Суворина, „Нов. Время", № 10179, 1904 г.)

П. А. Сергѣенко.

(1894 г.)

Милостивый государь П. А. Не откажите сообщить въ возможно непродолжительномъ времени, какого Вы мнѣнія о тѣхъ юныхъ [1]), впервые издающихся писателяхъ, которые не посылаютъ своихъ книгъ съ почтительными надписями лицамъ, занимающимъ видное положеніе въ литературѣ? Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе и кстати сообщить, что у насъ уже открыто почтовое отдѣленіе, и адресъ теперь такой: Лопасня, Московской губ.

Съ почтеніемъ *Бокль* [2]).

---

[1]) П. А. Сергѣенко—тогда было 40 лѣтъ.

[2]) «Жизненный родникъ неизсякаемо бился въ Чеховѣ всегда съ такой силою, что даже въ зрѣлые годы Чеховъ не могъ не отдаваться иногда чисто школьническимъ выходкамъ. И то писалъ на адресованныхъ конвертахъ какіе-нибудь курьезные эпитеты, въ родѣ «доктора философіи», «эсквайра» и проч., то подписывался различными «громкими» именами, въ родѣ Генриха Блока и др.». (П. Сергѣенко о Чеховѣ. Стр. 228.)

А. В. Жиркевичу.

Ст. Лопасня. М. К. д. 95. 10/III.

Многоуважаемый

Александръ Владиміровичъ!

Невзирая на Ваше доброе расположеніе и вниманіе, которымъ я такъ дорожу, я, къ великому моему огорченію, вынужденъ отказать Вамъ по всѣмъ пунктамъ.

Во-первыхъ, фотографіи моей у меня нѣтъ; въ февралѣ я былъ въ Петербургѣ и снимался у Шапиро, уѣхалъ, не дождавшись, когда карточки будутъ готовы. Если Шапиро пришлетъ мнѣ, то и я пришлю Вамъ (конечно, въ обмѣнъ на Вашъ портретъ), а пока простите.

Во-вторыхъ, написать откровенно свое мнѣніе о Вашей поэмѣ [1]), написать такъ, какъ бы Вы желали, мнѣ рѣшительно не подъ силу. Теперь я могу много наговорить Вамъ, но все это будетъ околесица, на которую Вы только рукой махнете. Стихи—не моя область, ихъ я никогда не писалъ [2]), мой мозгъ отказывается удержи-

---

[1]) «Картинки дѣтства А. Нивина», поэма.

[2]) Въ началѣ своей литературной дѣятельности А. П. Чеховъ написалъ водевиль «Бритый секретарь съ пистолетомъ», о судьбѣ котораго неизвѣстно ничего. Въ этомъ водевилѣ выведена была редакція журнала съ двуспальной кроватью. Водевиль этотъ отличался нѣкоторою нескромностью. Одинъ изъ сотрудниковъ принесъ для напечатанія бездарное стихотвореніе. И вотъ Ант. П. долженъ былъ спеціально сочинить именно бездарное стихотворе-

вать ихъ въ памяти, и ихъ, точно такъ же, какъ музыку, я только чувствую, но сказать опредѣленно, почему я испытываю наслажденіе или скуку, я не могу. Въ прежнее время я пытался переписываться съ поэтами и высказывать свое мнѣніе, но ничего у меня не выходило и я скоро надоѣдалъ, какъ человѣкъ, который быть-можетъ, и хорошо чувствуетъ, но неинтересно и неопредѣленно излагаетъ свои мысли. Теперь я обыкновенно ограничиваюсь только тѣмъ, что пишу: «нравится» или «не нравится». Ваша поэма мнѣ понравилась.

Что же касается разсказа, который Вы пишете, то тутъ другое дѣло, я готовъ критиковать его хоть на двадцати листахъ, и если Вы со временемъ пришлете мнѣ его и пожелаете узнать мое мнѣніе, то я съ большимъ удовольствіемъ и прочту, и напишу Вамъ болѣе или менѣе опредѣленно, и буду притомъ чувствовать себя свободно.

Письмо покойнаго Крестовскаго,· напечатанное въ

ніе, въ которомъ 4 раза должно было повториться слово «стремглавъ». Вотъ это стихотвореніе:

«Прости меня, мой ангелъ бѣлоснѣжный,
Подруга дней моихъ и идеалъ мой нѣжный,
Что я, забывъ любовь, *стремглавъ* туда бросаюсь,
Гдѣ смерти пасть... О, ужасаюсь!
Въ могильный склепъ съ груди горячей
Убитый, раненый, лежачій
Стремглавъ я падаю... Не плачь, прости...
Всѣ птицы будутъ пѣть и розаны цвѣсти
Надъ свѣже-вырытой могилой, куда меня злой рокъ
Тогда поймешь, какъ я страдалъ, [опуститъ.
Какъ я любилъ свой идеалъ.
Надъ ней *стремглавъ* взойдетъ моя идея
Во образѣ цвѣтовъ, ландышей, розъ пріятныхъ...
Тогда по повелѣнію таинствъ непонятныхъ
Изъ гроба буду я *стремглавъ* вставать ночами
И отравясь цвѣтовъ благоуханьемъ,
Какъ чудной дѣвушки лобзаньемъ,
Уйду обратно въ гробъ съ прослезненными глазами».

Историческомъ Вѣстникѣ» [3]), — хорошее письмо, и, думаю, оно будетъ имѣть успѣхъ въ литературныхъ кружкахъ. Въ этомъ письмѣ чувствуется литераторъ, и притомъ очень умный, доброжелательный литераторъ.

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить Васъ и крѣпко пожать руку.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

Послѣдняя строчка нѣсколько тяжеловата», говоритъ редактору герой водевиля, «но вѣдь главное—умѣть прочесть!» Извѣстна также басня А. П. «Зайцы, басня для дѣтей», приводимая въ воспоминаніяхъ Ив. Бунина.

Шли однажды черезъ мостикъ
Жирные китайцы;
Впереди ихъ, задравъ хвостикъ,
Поспѣшали зайцы.
Вдругъ китайцы закричали:
«Стой, лови! Ахъ! Ахъ!»
Зайцы выше хвостъ задрали
И попрятались въ кустахъ.
Мораль сей басни такъ ясна:
Кто хочетъ зайцевъ кушать,
Тотъ ежедневно, вставъ отъ сна,
Папашу долженъ слушать.

[3]) «Историческій Вѣстникъ» 1892 года. Письмо къ В. А. Жиркевичу В. В. Крестовскаго.

А. А. Корнѣеву.

Ялта, 27 марта (1895 г.)

Многоуважаемый Яковъ Алексѣевичъ! У меня былъ планъ: по выходѣ «Сахалина» моего въ свѣтъ, явиться къ Вамъ и поднести оную книжицу съ приличнымъ надписаніемъ. Когда я садился на извозчика, чтобы ѣхать на вокзалъ, то-есть въ самомъ началѣ моего путешествія, Вы заставили меня выпить «посошокъ»—три рюмки сантурпіскаго, и эти рюмки, равно какъ и Ваши сердечныя пожеланія, послужили мнѣ, очевидно, въ пользу, такъ какъ путешествовалъ я благополучно. Я хотѣлъ упомянуть объ этихъ рюмкахъ въ надписаніи, но Вы разстроили мой планъ, прославши мнѣ письмо, и я упоминаю о нихъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, въ моей жизни произошло не мало всякихъ пертурбацій. Какъ Вамъ извѣстно, на Сахалинъ я ѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Сибирь; тамъ я прожилъ 3 мѣсяца и 3 дня, возвращался моремъ на пароходѣ Добровольнаго флота. Былъ въ Китаѣ, въ Сингапурѣ, на Цейлонѣ и пр. По возвращеніи въ скорости уѣхалъ за границу—Австрію, Германію, Италію, Францію... Затѣмъ, въ 1892 г. купилъ имѣніе въ Серпуховскомъ уѣздѣ, куда и перебрался со всей своей фамиліей. Купилъ я 213 дес. съ усадьбой и съ тремя конями, которые только ѣли и пили, но ѣздить отказывались; деньгами уплатилъ 4 тыс. и остался долженъ 9 тысячъ: 6 тыс. банковскій долгъ, а на остальныя три далъ

владѣлицѣ имѣнія закладную. Въ этомъ году владѣлица закладной предложила 700 руб. устунки, если я уплачу по закладной теперь же. Я понатужился и заплатилъ. Остался, значитъ, одинъ банковскій долгъ. Проценты плачу 360 рублей въ годъ. Въ деревнѣ жить просторно, вольготно, можно и на лавочкѣ за воротами посидѣть, и на травѣ полежать, и въ халатѣ по улицѣ пройтись. Свои лошади, свои собаки. Ѣдешь куда-нибудь на собственныхъ лошадяхъ, а собаки сзади бѣгутъ, высунувъ языки. Блаженство, однимъ словомъ.

Въ два послѣднія лѣта я служилъ въ Серпуховскомъ земствѣ холернымъ докторомъ. У меня былъ участокъ въ 27 деревень, но не было ни одного случая холеры, что, впрочемъ, не мѣшало мнѣ называться холернымъ врачомъ. Это напоминаетъ нѣсколько стихъ: «По Гороховой я шелъ и гороху не нашелъ».

Съ 5 марта живу я въ Ялтѣ, откуда хочу въ началѣ апрѣля бѣжать домой. Поѣхалъ я въ Крымъ только для того, чтобы хотя немножко удовлетворить свою страсть къ передвиженіямъ. Тутъ уже весна, тепло, но скучно; люди нудные, скучные, природа кладбищенская. Да и ѣсть нечего.

Спасибо за вырѣзку изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Но сто разъ спасибо за память и добрыя чувства. Старый другъ лучше новыхъ двухъ; я видаю множество людей и знакомлюсь каждый день все съ новыми, и имѣю не мало новыхъ друзей, но о Васъ, о Вашей семьѣ и о домѣ въ Кудринѣ [1]) я вспоминаю съ особеннымъ чувствомъ и эти воспоминанія не блѣднѣютъ отъ времени и новыхъ знакомствъ.

Ольгѣ Алексѣевнѣ, Марусѣ и Алешѣ [2]) нижайшій поклонъ и пожеланія всѣхъ благъ. Вашу дщерь и сына не

---

[1]) А. П. снималъ въ домѣ Я. А. Корнѣева квартиру.

[2]) Жена и дѣти Я. А. Корнѣева.

называю по батюшкѣ, потому что не видѣлъ ихъ еще взрослыми и въ воображеніи моемъ они все еще маленькіе.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. *Чеховъ.*

А. В. Жиркевичу.

95. 2/IV. Ст. Лопасня М.-К. д.

Многоуважаемый Александръ Владиміровичъ! На нашей станціи не выдаютъ заказной корреспонденціи, и потому Ваше письмо все время лежало въ Серпуховѣ, и если бы не выручилъ сотскій, который по субботамъ ходитъ въ городъ [1]), то Вамъ долго бы еще пришлось ожидать отъ меня критики.

Вашъ разсказъ [2]) мнѣ очень понравился. Это хорошая, вполнѣ интеллигентная, литературная вещь. Критиковать по существу положительно нечего, развѣ только по мелочамъ можно сдѣлать нѣсколько неважныхъ замѣчаній. Сегодня первый день праздника, около меня толчется народъ, писать приходится урывками, и потому разрѣшите для легкости излагать эту критику по пунктамъ:

1) Названіе разсказа «Противъ убѣжденія...»—неудачно. Въ немъ нѣтъ простоты. Въ этихъ ковычкахъ и въ трехъ точкахъ въ концѣ чувствуется изысканная претенціозность, и я подозрѣваю, что это заглавіе далъ самъ г. Стасюлевичъ [3]). Я бы назвалъ какимъ-нибудь однимъ словомъ: розги, поручикъ [4]).

---

[1]) Г. Серпуховъ.

[2]) Разсказъ А. В. Жиркевича «Противъ убѣжденія...» Напечатанъ былъ въ «Вѣстникѣ Европы» № 3 (мартъ) 1892 года.

[3]) А. П. ошибался. Заглавіе разсказу придумалъ поэтъ А. П. Апухтинъ.

[4]) Разсказъ потомъ вышелъ подъ заглавіемъ «Розги», сборникъ разсказовъ А. В. Жиркевича (1892—1899). СПБ. 1900 г. Ц. 2 р.

2) Рутинны пріемы въ описаніяхъ природы. Разсказъ долженъ начинаться съ фразы: «Сомовъ, видимо, волновался», все же, что раньше говорится о тучѣ, которая улеглась, и о воробьяхъ, о полѣ, которое тянулось,—все это дань рутинѣ. Вы природу чувствуете, но изображаете ее не такъ, какъ чувствуете. Описаніе природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитавъ и закрывъ глаза, сразу могъ вообразить себѣ изображаемый пейзажъ, наборъ же такихъ моментовъ, какъ сумерки, цвѣтъ свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонтъ съ тучей, воробьи, далекіе луга—это не картина, ибо при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могу вообразить въ стройномъ цѣломъ всего этого. Въ такихъ разсказахъ, какъ Вашъ, описанія природы тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ Вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаціи. Вотъ когда бьютъ зорю, и солдаты поютъ «Отче нашъ», когда возвращается ночью командиръ полка, и затѣмъ утромъ ведутъ солдата наказывать, пейзажъ вполнѣ кстати, и тутъ Вы мастеръ. Вспыхивающія зарницы—эффектъ сильный; о нихъ достаточно было бы упомянуть только одинъ разъ, какъ бы случайно, не подчеркивая, иначе ослабляется впечатлѣніе, и настроеніе у читателя расплывается.

3) Рутинность пріемовъ вообще въ описаніяхъ: «Этажерка у стѣны пестрѣла книгами». Почему не сказать просто «этажерка съ книгами». Томы Пушкина у Васъ разъединяются», изданіе Д. Библіотеки «прижато». И чего ради все это? Вы задерживаете вниманіе читателя и утомляете его, такъ какъ заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатаго Гамлета—это разъ; во-вторыхъ, все это не просто, манерно и, какъ пріемъ, старовато. Теперь ужъ только однѣ дамы пишутъ «афиша гласила», «лицо, обрамленное волосами».

4) Провинціализмы, какъ «подборы», «хата», въ небольшомъ разсказѣ кажутся шероховатыми, не только провинціализмы, но даже рѣдко употребляемыя слова, въ родѣ «разнокалиберный».

5) Дѣтство и Страсти Господни изображены мило, но въ томъ самомъ топѣ, въ какомъ они изображались уже очень много разъ.

Вотъ и все. Но это все такая мелочь. По поводу каждаго пункта въ отдѣльности Вы можете сказать: «это дѣло вкуса»—и будете правы.

Вашъ Сомовъ, несмотря на воспоминанія о Страстяхъ Господнихъ, несмотря на борьбу, все-таки наказываетъ солдата. Это—художественная правда. Въ общемъ, разсказъ производитъ то впечатлѣніе, какое нужно. «И талантливо, и умно, и благородно» (это изъ одной моей повѣсти. Когда меня ругаютъ, то обыкновенно цитируютъ эту фразу съ «но»).

За фотографію и лестную надпись приношу Вамъ мою сердечную благодарность. Свой портретъ вышлю Вамъ, когда самъ получу.

Погода отвратительная. Желаю Вамъ всего хорошаго, поздравляя съ праздникомъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

И. Л. Щеглову.

5 октября (1895 г.). Ст. Лопасня.

Милый Жанъ, спасибо, что вспомнили и дали о себѣ вѣсточку. Я давно уже хотѣлъ написать Вамъ, но Богъ Васъ знаетъ, гдѣ Вы и въ какомъ Вы настроеніи. Вы уже не прежній Жанъ, юмористъ, милый капитанъ, Вы уже очень серьезны и стали похожи на кардинала Рамполлу. Вы какъ-то прислали мнѣ книжки, изданныя «Артистомъ», но безъ авторской подписи, и я заключилъ, что Вы за что-то дуетесь на меня, и я въ отместку не послалъ Вамъ своего «Сахалина», хотя было сильное искушеніе послать!..

Я бываю часто въ Москвѣ, останавливаюсь въ Б. Московской гостиницѣ, гдѣ, кажется, Вы тоже останавливаетесь; всякій разъ я надѣюсь встрѣтиться съ Вами, объясниться Вамъ въ своей дружбѣ, поужинать вмѣстѣ, вспомнить старину. Право, Жанъ, если Вы расположены ѣсть и слушать, то около 20 октября давайте встрѣтимся въ Москвѣ. Кстати привезите Вашу книжку о «Народномъ театрѣ» и оттискъ «Милліонъ терзаній». Я читалъ только первыя главы, конца же не читалъ, такъ какъ не получаю святошескаго журнала, въ которомъ Вы печатали эту повѣсть и которую, кстати сказать, я терпѣть не могу [1]). Я, кажется, готовъ былъ бы отру-

---

[1]) «Русское Обозрѣніе», юмор. ром. «Милліонъ терзаній», вышелъ впослѣдствіи отдѣльной книгой.

бить себѣ палецъ, чтобы только переманить Васъ въ какой-нибудь другой журналъ, менѣе мрачный, и чтобы Горленко хвалилъ Васъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если когда-нибудь осуществится мое желаніе, т.-е. если буду издавать журналъ, то первымъ дѣломъ постараюсь умолить Васъ взять отъ меня за листъ сколько угодно и начать опять работать вмѣстѣ, а не гдѣ-то особнякомъ. Я Васъ цѣню, высоко цѣню.

26 сент. освящали памятникъ на могилѣ Плещеева [2]). Была вся его богатая родня. Я слушалъ пѣніе монашенокъ, думалъ о padre, о Васъ.

Пишете ли Вы пьесы? Право, намъ есть о чемъ поговорить. Давайте встрѣтимся въ Москвѣ.

Вашей женѣ нижайшій поклонъ, а Вамъ мысленно жму крѣпко руку. Жду скорѣйшаго отвѣта.

Вашъ *А. Чеховъ.*

P. S. Вашъ трагическій почеркъ, кажется, сталъ разборчивѣе, хотя, впрочемъ, судить трудно, такъ какъ Ваше письмо короче колибри (хотѣлъ написать — воробьинаго носа).

---

[2]) Могила А. Н. Плещеева находится въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Москвѣ.

А. В. Жиркевичу.

18 ноября 1895 г.

Многоуважаемый Александръ Владиміровичъ! Вашъ разсказъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы», «Противъ убѣжденія», я какъ-то послалъ редакторамъ «Посредника» [1]) въ расчетѣ, что гуманная идея разсказа придется имъ по вкусу, вопреки Вашимъ критикамъ, о которыхъ Вы мнѣ писали. Я не ошибся. На-дняхъ одинъ изъ редакторовъ «Посредника», Ив. Ив. Горбуновъ, сообщилъ мнѣ, что они были бы весьма не прочь издать разсказъ, который имъ очень понравился. Онъ поручилъ мнѣ попросить у Васъ согласія и кстати спросить, не разрѣшите ли Вы дать разсказу другое названіе и кое-гдѣ посократить текстъ. По его мнѣнію, сокращенія эти не достигнутъ и ста строкъ... Вамъ, конечно, пришлютъ корректуру и безъ Вашего позволенія не тронутъ ни одной строчки. Отвѣтъ благоволите прислать по адресу: Москва, редакція «Русской Мысли», для передачи мнѣ.

Очень жалѣю, что послалъ Вамъ Шапировскую фотографію. Это—самая неудачная изъ моихъ фотографій. На ней я вышелъ какимъ-то іеромонахомъ, а между тѣмъ я большой грѣшникъ и въ постъ ѣмъ скоромное.

Вашъ отвѣтъ я передамъ Ив. Ив. Горбунову тотчасъ же по полученіи. Затѣмъ ужъ онъ самъ напишетъ Вамъ [2]).

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно Васъ уважающій *А. Чеховъ.*

---

[1]) П. И. Горбунову-Посадову и П. И. Бирюкову.

[2]) А. В. Жиркевичъ отвѣтилъ согласіемъ, но на томъ вся переписка объ изданіи въ «Посредникѣ» разсказа кончилась.

В. Г. Короленко.

Лопасня, Москов. губ. 19 февраля 96 г.

Дорогой Владиміръ Галактіоновичъ, видите—я дома; и когда Вы писали Ваше послѣднее письмо, я былъ уже далеко отъ Петербурга. На вечеръ въ пользу семьи Г. И. Успенскаго [1]) едва ли попаду, такъ какъ выбраться изъ дому теперь мнѣ нелегко и такъ какъ, вообще говоря, на вечерахъ я не читаю. Достаточно мнѣ почитать 3—5 минутъ, какъ во рту у меня сохнетъ, голосъ спитъ и я начинаю непрерывно откашливаться.

У Вуколы [2]) я не праздновалъ. Проѣздомъ черезъ Москву былъ у Льва Толстого и съ удовольствіемъ провелъ у него часа два.

«Русское Богатство» получаю. Большое Вамъ спасибо.

Крѣпко жму руку. Вашъ душой *А. Чеховъ*.

Когда захотите ѣхать въ Москву, дайте мнѣ знать.

---

[1]) Группа литераторовъ устроила вечеръ памяти Г. И. Успенскаго.

[2]) В. М. Лавровъ.

Кн. С. И. Шаховскому.

Мелихово, 8 марта 1896 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ, посылаю Вамъ фотографію. Она немножко передержана, но это ничего и всѣ похожи. Если когда-нибудь будетъ издаваться «Серпуховская Старина», эта фотографія, конечно, пойдетъ въ дѣло и про насъ напишутъ, что мы изображены «въ зелени могучихъ панортниковъ».

Былъ я въ Талежѣ [1]) на постройкѣ. Впечатлѣніе пріятное. Лѣсъ графскій кривой, и счастье, что мы взяли въ Отрадѣ только 70 бревенъ. Остальное добирать у Шибаева [2]) и гдѣ-то въ Горкахъ.

У меня опять болитъ правый глазъ, а съ нимъ за компанію и правый високъ. А. А. Кашинцеву [3]) пришлю фотографію послѣ. У меня не осталось уже ни одного экземпляра, жду изъ Москвы.

Поклонъ Вашимъ. 20 марта, вѣроятно, буду въ Серпуховѣ

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Въ селѣ «Талежѣ» А. П. построилъ школу, въ которой былъ попечителемъ.

[2]) Лѣсоторговецъ на ст. «Лопасня».

[3]) Д-ръ А. А. Кашинцевъ, сосѣдъ по имѣнію Ант. Павл.

Д. Т. Савельеву.

8 апрѣля 1896 г. Лопасня, Москов. губ.

Посылаю тебѣ, шалунъ, фотографію, которую мы съ сестрой нашли въ столѣ [1]). На сей разъ прощаю, но если найдется что-нибудь подобное, то непремѣнно обращусь съ рапортомъ къ твоему начальству [2]). Я не спѣшу на югъ, потому что тамъ, какъ пишутъ, лютая зима. Во всякомъ случаѣ, до свиданія. Твой *А. Чеховъ*.

---

[1]) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ А. П. прислалъ Д. Т. Савельеву забытый послѣднимъ фотографическій снимокъ съ картины исполненія отвратительнаго, изображающей нагую женщину («Нана», что ли?!).

[2]) Подъ начальствомъ А. П. разумѣетъ супругу Д. Т. Савельева Е. І. Савельеву.

Ф. О. Шехтелю.

18 декабря, 1896 г.

Милый Францъ Осиповичъ! Очевидно, у Васъ есть невѣста, которую Вамъ хочется поскорѣе сбыть съ рукъ; но, извините, жениться въ настоящее время я не могу, потому что, во-первыхъ, во мнѣ сидятъ бациллы, жильцы весьма сумнительные; во-вторыхъ, у меня ни гроша и, въ-третьихъ, мнѣ все еще кажется, что я очень молодъ. Позвольте мнѣ погулять еще годика два-три, а тамъ увидимъ,—быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ женюсь. Только зачѣмъ Вы хотите, чтобы жена меня «растормошила»? Вѣдь и безъ того тормошитъ сама жизнь, тормошитъ шибко.

Когда мы увидимся? Вы вернетесь 7-го янв.; около 10-го у насъ перепись, въ которой я участвую и которая, повидимому, протянется до февраля. Весь февраль мнѣ придется провести въ поѣздкахъ по школамъ (въ качествѣ усерднаго земца). Когда вернетесь, черкните строчку-другую, я урву денегъ и примчу въ Москву. Мнѣ нужно и очень, очень хочется повидаться.

Вы пишете: «Ваша посланница узнала мой новый адресъ». Позвольте, какая посланница? Я никого не посылалъ къ Вамъ (клянусь!) и теперь недоумѣваю. Если она еще разъ придетъ, то задержите ее и отправьте въ участокъ.

Счастливой Вамъ дороги!! Но я Вамъ не завидую, потому что за границей теперь, особенно въ отеляхъ, холодно.

Крѣпко жму руку и благодарю за письмо тысячу разъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Лопасня, Моск. губ.

Вы будете въ Мюнхенѣ? Тамъ превосходные оптики. Если случится Вамъ быть въ оптическомъ магазинѣ, то возьмите прейсъ-курантъ, иллюстрированный, конечно, поподробнѣе, со зрительными трубами, телескопами и микроскопами—и потомъ подарите мнѣ.

Теперь о здоровьѣ. Во мнѣ бациллы. я постоянно покашливаю, но въ общемъ чувствую себя недурно и пребываю въ непрерывномъ движеніи.

Ходятъ слухи, что Левитанъ серьезно боленъ.

Ему же.

7 марта 1897 г.

Милый Францъ Осиповичъ, въ понедѣльникъ я былъ въ Москвѣ, былъ у Левитана; сей послѣдній сообщилъ мнѣ, что П. М. Третьяковъ уже сговорился насчетъ моего портрета съ художникомъ Бразомъ [1]), и что теперь остановка за мной.

Я долженъ написать Бразу, когда я пріѣду въ Петербургъ (на пятой недѣлѣ поста, или во второй половинѣ мая), но я не знаю адреса Браза и не знаю, какъ и у кого навести справки. Не знаете ли Вы, или не можете ли узнать у кого-нибудь, гдѣ онъ живетъ, какъ его имя и отчество и проч.? Получивъ отвѣтъ на сей вопросъ, я тотчасъ же бы написалъ въ Питеръ.

Я выслушивалъ Левитана: дѣло плохо. Сердце у него не стучитъ, а дуетъ; вмѣсто звука тукъ-тукъ слышится пф-тукъ. Это называется въ медицинѣ—«шумъ съ первымъ временемъ».

Какъ Вамъ понравился Свенцицкій? Это хорошій эскулапъ.

Пріѣду на третьей недѣлѣ, чтобы повидаться кое съ кѣмъ на съѣздѣ, забѣгу къ Вамъ, а пока жму Вамъ крѣпко руку и желаю всякихъ благъ—земныхъ и небесныхъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) П. М. Третьяковъ предложилъ И. Е. Рѣпину писать портретъ съ А. П., но тотъ по какимъ-то причинамъ не могъ и порекомендовалъ І. Браза.

Ему же

29 марта 1897 г.

Милый Францъ Осиповичъ, большущее Вамъ спасибо! Получилъ все и уже съѣлъ половину [1]). Вино мнѣ разрѣшили, именно то самое, которое у Васъ есть. Одной бутылки совершенно достаточно, хватитъ до Пасхи.

Третьякову я написалъ.

Дѣла мои какъ-будто бы лучше, но кровь все еще течетъ изъ непоказаннаго мѣста. Будьте здоровы, голубчикъ. Спасибо еще разъ. Вашъ *А. Чеховъ*.

---

[1]) Ф. О. Шехтель послалъ Чехову рябчики и красное вино.

И. Л. Щеглову.

(5 апрѣля 1897 г.).

Милый Жанъ, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать Васъ. Приходите во всякое время дня, кромѣ промежутка отъ часа до трехъ пополудни, когда происходитъ кормленіе и прогуливаніе больныхъ звѣрей. Я скажу швейцару, чтобы онъ принялъ Васъ. Или лучше всего, когда придете, пришлите мнѣ со швейцаромъ Вашу карточку, и я скажу, чтобы Васъ привели ко мнѣ немедленно. Мнѣ гораздо лучше. Я уже гуляю. Обитатель палаты № 14, А. Чеховъ. Суббота. Клиника проф. Остроумова.

Ф. О. Шехтелю.

Четвергъ (апрѣль 1897 г.).

Дорогой Францъ Осиповичъ! Меня выпустили на волю, и я уѣзжаю къ себѣ въ значительно исправленномъ видѣ. Благодарю Васъ безгранично, отъ всей души. Все, что Вы присылали, я съѣдалъ исправно[1]), съѣлъ все, кромѣ книги, которую возвращаю при семъ.

Крѣпко жму Вашу руку. Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Ф. О. Шехтель нѣсколько разъ посылалъ А. П. въ клинику рябчики и красное вино.

Ѳ. Д. Батюшкову [1]).

21 апрѣля 1897 г.

Милостивый Государь, Ѳедоръ Дмитріевичъ!

Вы собирались ко мнѣ во вторникъ, а телеграмма Ваша пришла въ среду утромъ. Полагая, что Васъ уже нѣтъ въ Москвѣ, я не телеграфировалъ Вамъ, а сталъ поджидать письма отъ Г. [2]), которое Вы обѣщали мнѣ въ Вашей телеграммѣ, и котораго я, кстати сказать, еще не получилъ.

Отъ всей души благодарю Васъ за приглашеніе и вообще за Ваше письмо. Я непремѣнно пришлю разсказъ для «Cosmopolis'a», когда? Право не знаю. Въ послѣднее время я считаюсь больнымъ, врачи предписали мнѣ праздность, и я стараюсь слѣдовать этому предписанію, стараюсь не писать. Мнѣ гораздо лучше, чѣмъ было въ мартѣ, но все же въ смыслѣ здоровья будущее мое неопредѣленно, и потому не могу пообѣщать Вамъ ничего опредѣленнаго. Прошу Васъ подождать до осени. Если же случится, въ теченіе лѣта напишу разсказъ, то я не

---

[1]) Ѳедоръ Дмитріевичъ Батюшковъ, профессоръ Петербургскаго университета, занимается журналистикой и былъ одно время редакторомъ журнала „Міръ Божій". Имъ изданы 2 тома его „Критическихъ очерковъ", печатавшихся раньше въ различн. періодическихъ изданіяхъ.

[2]) В. А. Гольцевъ звалъ Ѳ. Д. проѣхать и къ Чехову въ его подмосковное имѣніе, но тогда Ѳ. Д. не поѣхалъ, а Гольцевъ хотѣлъ написать Антону Павловичу.

замедлю прислать его Вамъ. Разсказъ, по всей вѣроятности, не превыситъ полулиста. Пишу я вообще мало, компактно (не болѣе 10 листовъ въ годъ при счастливыхъ условіяхъ) и потому volens-nolens приходится брать дороже.

Позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго. Если будете писать мнѣ еще разъ, то кстати напишите, кто такой г. Ортмансъ, издатель «Cosmopolis'a», т.-е. идейный онъ человѣкъ или просто такъ? «Cosmopolis» можетъ имѣть успѣхъ въ Россіи, но небольшой въ первые годы. Чѣмъ солиднѣе, серьезнѣе, литературнѣе поведете это дѣло, тѣмъ лучше и, признаюсь, я радъ, что Вы ученый. Въ рукахъ С. [3]) русскій отдѣлъ не имѣлъ бы никакого успѣха ни у публики, ни у литераторовъ, у Васъ же онъ пойдетъ, только придется потерпѣть, не смущаться, и если г. Ортмансъ идейный человѣкъ, а не просто издатель, то въ теченіе 4—5 лѣтъ «Cosmopolis» станетъ крѣпко на ноги [4]).

Еще разъ желаю Вамъ успѣха и всего хорошаго и еще разъ благодарю. *А. Чеховъ.*

---

[3]) Сначала русскимъ отдѣломъ завѣдывалъ С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), съ майской книжки 1897 г. отдѣлъ перешелъ въ завѣд. Ѳ. Д. Батюшкова.

[4]) Журналъ, о которомъ идетъ рѣчь, издавался первоначально на 4-хъ, потомъ на 5-ти язык. и постепенно долженъ былъ охватить всѣ цивилизованныя страны. Идея у г. Ортманса, несомнѣнно, была, но самъ по себѣ онъ не оправдалъ ожиданій; и вскорѣ предпріятіе прогорѣло. А. П. далъ разсказъ „У знакомыхъ“ (въ собр. сочин. не вошелъ, напечатанъ былъ въ февральской книжкѣ „Cosmopolis'a“ за 1898 г., стр. 103—120).

А. Ѳ. Кони.

11 ноября 1897 г. Лопасня, Московской губ.

Многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ!

Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня Ваше письмо. Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы, потомъ сидѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что «Чайка» проваливается [1]). Послѣ спектакля, ночью и на другой день, меня увѣряли, что я вывелъ однихъ идіотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже безсмысленна и пр. и пр. Можете вообразить мое положеніе — это былъ провалъ, какой мнѣ даже не снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга, полный всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерялъ всякую чуткость и что, значитъ, моя машинка испортилась въ конецъ. Когда я былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-ое и 3-е представленія имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимныхъ, въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ; я читалъ

[1]) Рѣчь идетъ о первомъ представленіи «Чайки» на Александринской сценѣ 17 октября 1896 г. въ бенефисъ артистки Левкѣевой. См. объ этомъ журн. «Рампа и Жизнь» 1909 г. №№ 3 (16), 5 (18), 6 (19). «Исторія перваго представленія «Чайки» на сценѣ Александринскаго театра 17 октября 1896 г.». Воспоминанія Евт. Павл. Карпова.

съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою лѣзла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать меня, то, значитъ, дѣла мои плохи. Но Ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я Васъ знаю уже давно, глубоко уважаю Васъ и вѣрю Вамъ больше, чѣмъ всѣмъ газетнымъ, взятымъ вмѣстѣ—Вы это чувствовали, когда писали Ваше письмо, и оттого оно такъ прекрасно и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ уже безъ отвращенія. Комиссаржевская [2] — чудесная актриса. На одной изъ репетицій многіе, глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее время въ Россіи это лучшая актриса, на спектаклѣ же и она поддалась общему настроенію, враждебному моей «Чайкѣ», и какъ-будто оробѣла, спала съ голоса. Наша пресса относится къ ней холодно, не по заслугамъ, и мнѣ ее жаль. Позвольте поблагодарить Васъ за письмо отъ всей души. Вѣрьте, что чувства, побуждавшія Васъ написать мнѣ его, я цѣню дороже, чѣмъ могу выразить это на словахъ, а участія, которое Вы въ концѣ Вашего письма называете «ненужнымъ», я никогда, никогда не забуду, что бы ни произошло.

Искренно Васъ уважающій и преданный

А. Чеховъ.

---

[2]) В. Ѳ. Комиссаржевская играла въ „Чайкѣ“ Нину Зарѣчную и играла такъ, какъ только можетъ играть Комиссаржевская.

Ѳ. Д. Батюшкову.

15 октября 1897 г.

Я пишу разсказъ для «Cosmopolis'a», пишу тутъ, урывками. Обыкновенно я пишу медленно, съ напряженіемъ, здѣсь же въ номерѣ, за чужимъ столомъ, въ хорошую погоду, когда тянетъ наружу, пишется еще хуже, а потому пообѣщать Вамъ разсказъ раньше какъ черезъ двѣ недѣли не могу. Пришлю до перваго января, затѣмъ Вы будете добры, пришлете мнѣ корректуру, которой я не продержу у себя дольше одного дня, и такимъ образомъ можете разсчитывать на февральскую книжку, не раньше.

Видите, какой я хохолъ!

Вы выразили желаніе въ одномъ изъ Вашихъ писемъ, чтобы я прислалъ интернаціональный разсказъ, взявши сюжетомъ что-нибудь изъ мѣстной жизни. Такой разсказъ я могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ. Я умѣю писать только по воспоминаніямъ и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы въ ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично.

Ему же.

3 января 1898 г.

Многоуважаемый Ѳ. Д., посылаю Вамъ рукопись [1]). Пожалуйста, пришлите корректуру, такъ какъ разсказъ еще не оконченъ, не отдѣланъ и будетъ готовъ лишь послѣ того, какъ я перепачкаю вдоль и поперекъ корректуру. Отдѣлывать я могу только въ корректурѣ, въ рукописи же я ничего не вижу.

Въ разсказѣ немного менѣе печатнаго листа. Скажите, чтобы мнѣ прислали корректуру на тонкой бумагѣ, такъ какъ возвращать ее придется не бандеролью, а въ письмѣ. Здѣсь на почтѣ не принимаютъ русскихъ печатныхъ произведеній, направляемыхъ въ Россію.

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ и желаю всего хорошаго.

---

[1]) Разсказъ „У знакомыхъ".

Ему же.

23 января 1898 г.

Многоуважаемый Ѳ. Д., возвращаю Вамъ корректуру. Типографія не оставила полей, такъ что пришлось заниматься подклейкой.

Оттиски Вашей статьи [1], о которой Вы писали мнѣ, пожалуйста, пришлите мнѣ сюда въ Ниццу. Тутъ я отстану, вѣроятно, до апрѣля, буду скучать, и Ваша статья сослужитъ мнѣ двойную службу.

У насъ только и разговору, что о Золя и Дрейфусѣ. Громадное большинство интеллигенціи на сторонѣ Золя и вѣритъ въ невинность Дрейфуса. Золя выросъ на цѣлыхъ три аршина; отъ его протестующихъ писемъ точно свѣжимъ вѣтромъ подуло, и каждый французъ почувствовалъ, что, слава Богу, есть еще справедливость на свѣтѣ и что, если осудить невиннаго, есть кому вступиться. Французскія газеты чрезвычайно интересны, а русскія— хоть брось. «Новое Время» просто отвратительно.

Оттиски моего разсказа не откажите послать моей сестрѣ по адресу: Лопасня. Моск. губ., Маріи Павловнѣ Чеховой.

Погода здѣсь чудесная, лѣтняя. За всю зиму я ни разу не надѣвалъ галошъ и осеннее пальто и за все время только два раза выходилъ съ зонтикомъ.

Позвольте пожелать Вамъ всего хорошаго и поблагодарить за Ваше вниманіе, которое я цѣню дорого. Крѣпко жму руку и въ ожиданіи Вашей статьи пребываю искренно Васъ уважающій.

А. Чехонъ.

[1]) «Герой на часъ».

И. Л. Щеглову.

2 февраля (1898 г.)

Милый Жанъ, шлю отвѣтъ на Ваше послѣднее письмо. Станиславскаго зовутъ такъ: Константинъ Сергѣевичъ Алексѣевъ, Москва, у Красныхъ воротъ, собственный домъ. Кромѣ него пьесы читаетъ еще Вл. И. Немировичъ-Данченко (Каретный рядъ, Художественный театръ). До сихъ поръ они, кажется, одноактныхъ пьесъ не ставили. Если пьеса понравится, то они поставятъ. «Понравится» на ихъ языкѣ, значитъ, подойдетъ, будетъ интересной въ режис. и иныхъ театральныхъ отношеніяхъ. Лучше бы Вы написали для этого необыкновеннаго театра 4-хъактную пьесу щегловскую, настоящую художественную, въ родѣ «Гордіева узла», безъ репортеровъ и безъ благородныхъ стариковъ-писателей [1]). Милый Жанъ, обличенія, желчь, сердитость, такъ-называемая «независимость», т.-е. критика на либераловъ и новыхъ людей—это совсѣмъ не Ваше амплуа. Господь послалъ Вамъ доброе нѣжное сердце, пользуйтесь же имъ, пишите мягкимъ перомъ, съ легкой душой, не думая объ обидахъ, Вами понесенныхъ. Вы называете себя моимъ почитателемъ. А я—Вашъ почитатель и самый упорный, потому что я знаю Васъ и знаю, изъ какого матеріала сдѣланъ Вашъ талантъ, и меня никто не собьетъ съ моего крѣпкаго убѣжденья, что Вы владѣете настоящей искрой Божіей. Но Вы, вслѣдствіе обстоятельствъ, сложившихся такъ, а не иначе, раздражены, залѣзли по колѣна въ мелочи, утомлены мелочами, мнительны, не вѣрите себѣ, отсюда постоян-

---

[1]) Комедія И. Л. Щеглова «Затерянный мудрецъ», запрещенная петербург. отдѣл. лит.-т. комитета.

ныя мысли о болѣзняхъ, о нуждѣ, мысли о пенсіи, о Вейнбергѣ. О пенсіи Вамъ рано еще думать, а Вейнбергъ, если охладѣлъ къ Вамъ, то имѣлъ на это нѣкоторое право или основаніе. Вы напечатали протестъ, обличили Л. Т. комитетъ, и это тогда произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе... вѣроятно, потому, что это не принято [2]). Будьте объективны, взгляните на все окомъ добраго человѣка, т.-е. Вашимъ собственнымъ окомъ—и засядьте писать повѣсть или пьесу изъ русской жизни, не критику на русскую жизнь, а радостную пѣснь щегла по поводу русской жизни, да и вообще нашей жизни, которая дается только одинъ разъ и тратить которую на обличеніе шмулей, ядовитыхъ женъ и комитета, право, нѣтъ расчета. Милый Жанъ, отнеситесь къ себѣ, къ своему дарованію справедливо, пустите Вашъ большой корабль плавать по широкому морю, не держите его въ Фонтанкѣ. Простите всѣмъ, кто обидѣлъ Васъ, махните рукой и, повторяю, садитесь писать.

Простите, что я заговорилъ нѣвучимъ тономъ богомолки. Но я отношусь къ Вамъ искренно, какъ товарищъ, и отдѣлываться коротенькимъ дѣловымъ отвѣтомъ было съ моей стороны, по меньшей мѣрѣ, не своевременно.

Былъ бы очень радъ, если бы судьба привела повидаться съ Вами весной. Лаура [3]) я давно не видѣлъ. Никакихъ сплетенъ отъ него не слышалъ.

Мое здоровье не поправилось, но жить можно. Въ этомъ году мнѣ лучше, чѣмъ было въ прошломъ. Мать шлетъ сердечное спасибо за поклонъ и сама кланяется. Передайте мой привѣтъ Вашей женѣ и будьте здоровы, милый Жанъ. Крѣпко жму руку. Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[2] По странной случайности эти строки писаны какъ-разъ наканунѣ запрещенія собственной пьесы А. П. («Дядя Ваня») москов. отдѣл. лит.-т. комитета.

[3]) Лауръ докторъ, нынѣ умершій, общій знакомый А. П. Чехова и П. Л. Щеглова.

Ф. О. Шехтелю.

26 марта (1898 г.)

Одновременно съ симъ, дорогой Францъ Осиповичъ, пойдетъ другое письмо, къ нѣкоему Гею, вѣдающему въ «Нов. Времени» иностранный отдѣлъ и знакомому со всѣми издающимися въ обоихъ полушаріяхъ журналами. Я просилъ его возможно скорѣе списаться съ Мельниковымъ, но уповаю, что онъ можетъ дать желательный отвѣтъ и безъ помощи Мельникова. Какъ только получу отвѣтъ, тотчасъ же сообщу Вамъ

...У насъ есть Богъ, но Власовскаго [1]) нѣтъ и потому зима еще въ разгарѣ. Температура не дерзаетъ подниматься выше + 5 и санный путь такой, что хоть къ цыганамъ. Признаться, это скучно. Когда погода не такая, какою ей подобаетъ быть, я вялъ, какъ переваренная макарона, и не могу работать.

Я ѣду въ Чикаго, можете себѣ представить. Впрочемъ, можетъ случиться, что не поѣду. Все зависитъ отъ денегъ и настроенія.

Поздравляю Васъ и Вашу фамилію съ праздникомъ. Храни Васъ Богъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Московскій оберъ-полицеймейстеръ.

П. А. Сергѣенко.

(Январь 1899 г.)

...Теперь насчетъ Марпса, я былъ бы очень не прочь продать ему мои сочиненія, даже очень-очень не прочь. Но какъ это сдѣлать. Безпокоить тебя мнѣ совѣстно, ибо ты занятой человѣкъ. Переговоры же съ Марксомъ заняли бы не мало времени... Кромѣ того, что издано, у меня есть въ столѣ матеріалъ еще для четырехъ книгъ объема «Пестрыхъ разсказовъ»; я продамъ все, что есть, и кромѣ того, все, что отыщу когда-либо въ старыхъ журналахъ и газетахъ и найду достойнымъ. Продамъ все, кромѣ дохода съ пьесъ. Книги мои приносятъ мнѣ ежегодно болѣе $3^1/_2$ тысячъ. До сихъ поръ это дѣло я велъ неряшливо, книжки издавались и продавались небрежно; при хорошемъ же веденіи дѣла одна «Каштанка» дала бы не менѣе тысячи въ годъ. Три съ половиной тысячи—это цифра, взятая по совѣсти за всѣ прошлые годы, начиная съ 1887 года; на самомъ же дѣлѣ она гораздо больше, ибо доходъ все растетъ и растетъ. И прошлый годъ, напримѣръ, принесъ мнѣ около 8 тысячъ. Это не бывало урожайный для меня годъ. Если тебѣ охота, то потолкуй съ Марксомъ. Мнѣ и продать хочется, и упорядочить дѣло давно уже пора. А то становится нестершимо. Въ случаѣ, если будешь говорить съ Марксомъ, то телеграфируй: «Ялта—Чехову», конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

А. С. Суворину.

27 января 1899 г.

«Сергѣенко телеграфируетъ[1]), что договоръ уже нотаріально подписанъ. Что-то еще насчетъ неустойки, но я не понялъ изъ телеграммы. Авось все сойдетъ благополучно. Я получаю 75,000 въ три срока; будущія произведенія, предварительно напечатанныя, пойдутъ за 250 руб. листъ съ надбавкой по 200 руб. черезъ каждыя 5 лѣтъ.

Доходъ (театральный гонораръ) съ пьесъ принадлежитъ мнѣ, потомъ моимъ наслѣдникамъ. Послѣдній пунктъ я отвоевалъ, приступомъ взялъ».

---

[1]) Всѣ переговоры относительно продажи сочиненій Ант. Павл. А. Ф. Марксу велъ П. А. Сергѣенко.

П. А. Сергѣенко.

(Февраль, 1899 г.)

...Пославши деньги, тоже телеграфируй, а затѣмъ можешь почить на лаврахъ вѣчной моей благодарности. Искренно тебѣ скажу, въ этой продажѣ не столь важны для меня 75.000 рублей, какъ то, что мои произведенія будутъ издаваться порядочно, что я буду избавленъ отъ обязанности выдумывать для каждой новой книжки названіе, выбирать форматъ книги, мириться съ плохой бумагой, мириться съ дурными слухами насчетъ «типографскихъ» экземпляровъ, продаваемыхъ на толкучкахъ въ провинціи. У меня теперь такое чувство, какъ-будто святѣйшій синодъ прислалъ мнѣ, наконецъ, разводъ послѣ долгаго томительнаго ожиданія. Изъ Петербурга телеграфируй хоть на 10 рублей. Чѣмъ длиннѣй, тѣмъ лучше.

Твой *Antonio*.

И. А. Бѣлоусову.

25 февр. 1899 г. Ялта.

Многоуважаемый Иванъ Алексѣевичъ. если замѣтка о «Бѣлолобомъ» («Курьеръ» № 53) принадлежитъ Вамъ, то позвольте поблагодарить [1]). Только считаю нужнымъ сказать, что я не разрѣшалъ г. Клюкину выпускать «Бѣлолобаго» отдѣльной брошюрой; я разрѣшилъ лишь помѣстить въ сборникѣ сказокъ [2]). Будьте добры, узнайте, сколько экземпляровъ напечатано и не могу ли я изъять ихъ изъ продажи путемъ покупки всего изданія. Дѣло въ томъ, что сочиненія проданы Марксу и, когда подписывался договоръ, то я, помня нашу переписку съ г. Клюкинымъ, оговорилъ только сборникъ сказокъ; за брошюру же теперь мнѣ придется платить неустойку.

Желаю Вамъ всего хорошаго, жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Когда вышелъ разсказъ Ант. П-ча «Бѣлолобый» отдѣльнымъ изданіемъ, то И. А. Бѣлоусовъ написалъ рецензію въ «Курьерѣ» безъ подписи.

[2]) Г. Клюкинъ просилъ у А. П. разрѣшенія напечатать его разсказъ «Бѣлолобый» въ сборникѣ «Сказки русскихъ писателей». А. П. далъ согласіе. Но г. Клюкинъ уже самовольно напечаталъ «Бѣлолобаго» отдѣльной брошюрой; въ количествѣ 6000 экз.

Ему же.

8 марта 1899 г. Ялта.

Многоуважаемый Иванъ Алексѣевичъ, большое Вамъ спасибо за фотографію, но—увы! увы!—желанія Вашего исполнить теперь не могу: у меня нѣтъ моей карточки! Въ апрѣлѣ въ Москвѣ я буду сниматься и тогда пришлю Вамъ свой портретъ, а пока извините.

Клюкинъ издалъ 6,000 экземпляровъ!!

Но по какому праву? Впрочемъ, простите, что я пишу Вамъ объ этомъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго и еще разъ благодарю.

Вашъ *А. Чеховъ.*

А. С. Лазареву-Грузинскому.

Москва, 9 іюля 1899 г.

Дорогой Александръ Семеновичъ. Николай Михайловичъ [1] говорилъ, что Вы можете передать деньги Е—ву [2]. Нельзя ли намъ повидаться, или не напишете ли мнѣ, какъ переслать Вамъ эти 25 р. [3]. Не оставить ли ихъ въ книжномъ магазинѣ «Нов. Врем.». Не прислать ли ихъ въ редакцію «Будильника»? [4]

Въ понедѣльникъ я уѣзжаю на югъ. Дома бываю по утрамъ до 11 и по вечерамъ около 5—6 час.

Во всякомъ случаѣ черкните.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Н. М. Ежовъ.

[2]) С. Епифановъ, сотрудникъ московскихъ газетъ.

[3]) Въ 1899 году Ант. Павл. помогалъ больному Епифанову, ежемѣсячно передавая ему черезъ Н. М. Ежова по 25 руб. Въ іюлѣ Н. М. Ежовъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, и Чеховъ пишетъ это письмо А. С. Лазареву-Грузинскому, полный тревоги, чтобы деньги своевременно дошли до Епифанова и чтобы въ іюлѣ больной не остался безъ обычнаго пособія. Потомъ Чеховъ перевезъ Епифанова въ Ялту и помѣстилъ его въ одинъ изъ санаторій, гдѣ больной вскорѣ умеръ.

[4]) О «Будильникѣ» въ письмѣ поминается потому, что въ 1899 г. Лазаревъ-Грузинскій былъ соредакторомъ «Будильника». Приводимое письмо было адресовано въ редакцію «Будильника».

В. А. Поссе.

19 ноября 1899 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, Ваше письмо все еще лежитъ у меня на столѣ, поджидая, когда я отвѣчу на него; оно служило для меня суровымъ укоромъ все время, пока, наконецъ, вотъ, пославши отвѣтъ на телеграмму, я взялся за перо, чтобы написать Вамъ. Дѣло въ томъ, что я пишу повѣсть для «Жизни» [1]) и готова она будетъ скоро, должно-быть, ко 2-ой половинѣ декабря. Въ ней всего листа три, но тьма дѣйствующихъ лицъ, толкотня, тѣсно очень—и приходится много возиться, чтобы эта толкотня не чувствовалась рѣзко. Какъ бы ни было, около 10 дек. она уже сформируется совсѣмъ, можно будетъ набирать. Но вотъ бѣда: разбираетъ страхъ, что ее ощиплетъ цензура. Цензурныхъ помарокъ я не перенесу, или кажется, что не перенесу. И вотъ потому, что повѣсть мѣстами выходила не совсѣмъ цензурной, я не рѣшался писать Вамъ опредѣленно и отвѣчать навѣрное. Теперь, конечно, отвѣчаю навѣрное, но съ условіемъ, что Вы возвратите мнѣ повѣсть, если она и Вамъ покажется мѣстами нецензурной, т.-е. если и Вы такъ же будете предвидѣть опасность, что ее почиркаетъ цензоръ.

Теперь просьба: пожалуйста, не печатайте въ объявленіяхъ меня такъ длинно. Право, это не принято. Печатайте въ одну строку со всѣми по алфавиту.

Гдѣ Максимъ Горькій?

Ну будьте здоровы. Желаю Вамъ хорошей подписки и побольше читателей, этакъ тысячъ сто. Жму руку.

Преданный *А. Чехов*ъ.

---

[1]) Дѣло идетъ о повѣсти „Въ оврагѣ“, напечатана была въ журналѣ „Жизнь“. Январь, кн. I. 1900 г., стр. 201—2[illegible].

Ему же.

20 декабря 1899 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, простите, во-первыхъ, я немножко запоздалъ, во-вторыхъ, посылаю рукопись въ безобразномъ видѣ [1]). Я не сталъ переписывать изъ боязни, какъ бы не опоздать еще больше и не начать опять передѣлывать при переписываніи. Пожалуйста, отдайте въ наборъ и пришлите мнѣ корректуру, я въ корректурѣ сдѣлаю то, что обыкновенно дѣлаю переписывая, т.-е. безобразное сдѣлаю благообразнымъ. Корректуру я продержу у себя два дня. Вотъ если бы вы отложили до февраль. книжки, то было бы хорошо.

Будьте здоровы и благополучны.

Рукопись идетъ заказной бандеролью.

Искренно Васъ уважающій *Чеховъ*.

Заглавіе «Въ оврагѣ», быть-можетъ, измѣню, если придумаю что-нибудь болѣе выразительное и глазастое.

---

[1]) Одновременно съ этимъ письмомъ А. П. послалъ и рукопись повѣсти „Въ оврагѣ“.

Ему же.

23 декабря 1899 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, сегодня Синани [1]) показалъ мнѣ телеграмму, въ которой Вы спрашиваете, гдѣ Чеховъ. Телеграмма эта подана Вами 20-го и пришла въ Ялту только сегодня, 23-го; телеграфъ попорченъ и изъ Харькова везли ее въ повозкѣ, съ почтой.

До 20-го я получилъ отъ Васъ телеграмму съ уплаченнымъ отвѣтомъ, которой Вы сообщили, что Вы волнуетесь, не получая такъ долго рукописи. Я отвѣтилъ: «Посылаю двадцатаго». Затѣмъ написалъ Вамъ письмо и, немного погодя, послалъ заказною бандеролью рукопись. Получили? Пожалуйста, напишите, или пришлите телеграмму.

Поздравляю Васъ со Святками и съ наступающимъ Новымъ годомъ, желаю здоровья и успѣховъ.

Преданный А. *Чехов*ъ.

Скажите въ типографіи, чтобы, когда будутъ печатать книжку «Жизни» съ моимъ разсказомъ, напечатали бы также для меня 10—15 отдѣльныхъ оттисковъ.

---

[1]) Съ предыдущимъ письмомъ разошлась телеграмма В. А. Поссе къ ялтинскому старожилу, книгопродавцу Синани. Въ этой телеграммѣ Поссе спрашиваетъ, гдѣ Чеховъ? Отвѣтъ принесъ отъ самого А. П.

Ему же.

11 января 1900 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, возвращаю корректуру. Читать ее было очень трудно, такъ какъ типографія почему-то не прислала оригинала. Есть пропуски, которые я возобновилъ на память, кое-какъ; промежутки между полосами тѣсны, писать негдѣ, пришлось разрѣзывать, подклеивать, и я едва удержался отъ намѣренія телеграфировать Вамъ, чтобы Вы выслали оригиналъ. Скажите корректору, чтобы онъ уже не исправлялъ, по возможности не ставилъ бы запятыхъ и ковычекъ. Пусть въ типографіи обратятъ вниманіе на соединительный знакъ ~ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ абзацы обрываютъ разговорную рѣчь.

Корректуру держалъ я недолго, только однѣ сутки. Надѣюсь, что моя повѣсть не задержитъ книжки.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный *А. Чеховъ.*

Въ Ялтѣ ждутъ Горькаго.

Корректуру пошлю заказною бандеролью одновременно съ этимъ письмомъ.

Ему же.

12 января 1900 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, вчера я послалъ рукопись и письмо, ѣздилъ нарочно на пароходъ, чтобы корректура пришла къ Вамъ поскорѣе (корреспонденція съ парохода идетъ потомъ въ курьерскомъ поѣздѣ, а не въ почтовомъ). Итакъ, названіе повѣсти осталось прежнее[1]), повѣсть дѣлить никакъ нельзя; она войдетъ вся въ январскую книжку. Еще что? Сдѣлайте распоряженіе, чтобы корректоръ не ставилъ запятыхъ и ковычекъ. Кстати сказать, въ шрифтѣ, какимъ набирается «Жизнь», человѣку съ зрѣніемъ средней силы трудно различить точку отъ запятой. Шрифтъ немножко изысканный, недостаточно простой.

Что еще? А больше, кажется, ничего. Гонораръ посылайте переводомъ по почтѣ. Банка здѣсь нѣтъ, но есть казначейство, которое оперируетъ, какъ банкъ. Стало-быть, деньги Вы сдадите въ Государственный банкъ, а мнѣ пришлите въ заказномъ письмѣ вексель, или, еще лучше, пришлите переводомъ черезъ Азовско-Донской банкъ на Ялтинское общество взаимнаго кредита. Это лучше, такъ какъ возни меньше. Будьте здоровы и благополучны.

Преданный *А. Чеховъ.*

---

1) «Въ оврагѣ».

М. О. Меньшикову.

28 января 1900 г. Ялта.

...Что за болѣзнь у Толстого, понять не могу. Черновъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, а изъ того, что я читалъ въ газетахъ и что вы теперь пишете, вывести ничего нельзя. Язвы въ желудкѣ и кишечникѣ сказывались бы иначе; ихъ нѣтъ, или было нѣсколько кровоточивыхъ царапинъ, происшедшихъ отъ желчныхъ камней, которые проходили и ранили стѣнки. Рака тоже нѣтъ. Онъ отразился бы прежде всего на аппетитѣ, на общемъ состояніи, а главное — лицо выдало бы ракъ, если бы онъ былъ. Вѣрнѣе всего, что Л. Н. здоровъ (если не говорить о камняхъ) и проживетъ еще лѣтъ двадцать.

Болѣзнь его испугала меня и держала въ напряженіи. Я боюсь смерти Толстого. Если бы онъ умеръ, то у меня въ жизни образовалось бы большое пустое мѣсто. Во-первыхъ, я ни одного человѣка не любилъ такъ, какъ его; я человѣкъ невѣрующій, но изъ всѣхъ вѣръ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру. Во-вторыхъ, когда въ литературѣ есть Толстой, то легко и пріятно быть литераторомъ; даже сознавать, что ничего не сдѣлалъ и не дѣлаешь,—не такъ страшно, такъ какъ Толстой дѣлаетъ за всѣхъ. Его дѣятельность служитъ оправданіемъ тѣхъ упованій и чаяній, какія на литературу возлагаются. Въ-третьихъ, Толстой стоитъ крѣпко, авторитетъ у него громадный, и пока онъ живъ, дурные вкусы въ литературѣ, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякія шаршавыя, озлобленныя самолюбія будутъ далеко и глубоко въ тѣни. Только одинъ

его нравственный авторитетъ способенъ держать на извѣстной высотѣ такъ-называемыя литературныя настроенія и теченія. Безъ него бы это было безпастушное стадо или каша, въ которой трудно было бы разобраться.

Чтобы кончить о Толстомъ, скажу еще о «Воскресеніи», которое я читалъ не урывками, не по частямъ, а прочелъ все сразу, залпомъ. Это замѣчательное художественное произведеніе. Самое неинтересное—это все, что говорится объ отношеніяхъ Нехлюдова къ Катюшѣ, и самое интересное—князья, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрителя. Сцену у генерала, коменданта Петропавл. крѣпости, спирита я читалъ съ замираніемъ духа—такъ хорошо! А m-me Корчагина въ креслѣ, а мужикъ, мужъ Ѳедосьи! Этотъ мужикъ называетъ свою бабушку «ухватистой». Вотъ именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повѣсти нѣтъ, а то, что есть, нельзя назвать концомъ. Писать, писать, а потомъ взять и свалить все на текстъ изъ Евангелія—это ужъ очень по-богословски. Рѣшать все текстомъ изъ Евангелія—это такъ же произвольно, какъ дѣлить арестантовъ на пять разрядовъ. Почему на пять, а не на десять. Надо сначала заставить увѣровать въ Евангеліе, въ то, что именно оно истина, а потомъ ужъ рѣшать все текстами.

...О Толстомъ пишутъ какъ старухи объ юродивомъ всякій елейный вздоръ; напрасно онъ разговариваетъ съ этими шмулями.

Толстого выбрали [1]), скрѣпя сердце. Онъ по-тамошнему нигилистъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, назвала его одна дама, дѣйствительная тайная совѣтница, съ чѣмъ отъ души его поздравляю.

---

[1]) Л. Н. Толстой былъ избранъ въ почетные академики.

В. А. Поссе.

5 февраля 1900 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, напрасно я читалъ корректуру, ее въ типографіи не исправили. Какъ были «табельные» вмѣсто «заговѣнье» (стр. 203), такъ и осталось. Въ деревнѣ никакихъ табельныхъ дней не знаютъ и не празднуютъ,—и это «табельные» покажется людямъ знающимъ нелѣпостью. Послѣ «сига» (стр. 110) запятая для чего-то, послѣ «пѣвчихъ» (ibid) нѣтъ запятой, послѣ «Богъ милостивъ» (стр. 214) запятая. «Глазы» корректоръ исправилъ, показалось ему неправильно (216), а Гантаревъ вмѣсто Гунтаревъ, такъ и осталось. И ковычекъ ненужныхъ понаставилъ и двоеточій. Гдѣ у меня точка съ запятой, тамъ онъ поставилъ двоеточіе.

На страницѣ 219, строка 9 снизу, послѣ «возьми» нѣтъ тире (—) и т. д., и т. д.

Всѣ эти опечатки, особенно «табельные» и «Цыбулякинъ» (231 внизу), «Цыбулькинъ» (233, 8-я строка сверху), такъ аффраншировали меня, что я теперь видѣть не могу своего разсказа. Такое обиліе опечатокъ для меня небывалая вещь и представляется мнѣ цѣлой оргіей типографской неряшливости—простите мнѣ это раздраженіе.

Оттисковъ до сихъ поръ я не получалъ.

Нѣкій Б. Лазаревскій, юристъ, выпустившій уже книжку разсказовъ, сообщилъ мнѣ на-дняхъ, что онъ послалъ въ «Жизнь» повѣсть—и просилъ меня написать Вамъ объ этомъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ всего хорошаго.

Преданный *А. Чеховъ.*

Ему же.

15 февраля 1900 г. Ялта.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, «Ѳома Гордѣевъ» да еще въ превосходномъ переплетѣ. это цѣнный, трогательный подарокъ [1]); благодарю Васъ отъ всей души. Тысячу разъ благодарю! Я читалъ «Ѳому» только урывками, теперь же прочту, какъ слѣдуетъ. Печатать Горькаго урывками и по частямъ нельзя; или онъ долженъ писать короче, или же Вы должны помѣщать его цѣликомъ, какъ это «Вѣстникъ Европы» дѣлаетъ съ Боборыкинымъ. Кстати сказать. «Ѳома» имѣетъ успѣхъ, но только у умныхъ, начитанныхъ людей, у молодыхъ также. Я разъ подслушалъ въ саду бесѣду одной дамы (петербургской) съ дочерью: мать бранила, дочь хвалила.

За опечатки я сердился не на Васъ, а на типографію. Теперь у меня отлегло, я забылъ про нихъ, но мною

---

[1]) В. А. Поссе послалъ А. П. переплетенный экземпляръ «Ѳомы Гордѣева».

«Ѳома Гордѣевъ», сначала печатавшійся въ «Жизни», а затѣмъ вышедшій въ ея изданіи, былъ посвященъ М. Горькимъ Антону Павловичу.

Посвященіе вполнѣ искреннее, пишетъ объ этомъ В. А. Поссе, такъ какъ Горькій очень высоко ставилъ Чехова, выше Тургенева.

У Чехова слѣдовало, по его мнѣнію, учиться всѣмъ молодымъ беллетристамъ.

Въ особенности цѣнилъ Горькій простой, сжатый, строгій стиль Чехова. В. Поссе. «Новый Журналъ для всѣхъ», 1908 г. № 2, стр. 70—81.

руководилъ не столько гнѣвъ, сколько разсужденіе, что типографію необходимо пробирать почаще. Типографія и контора—это всегдашняя оппозиція журналу, т.-е. редакціи, ибо редакціи трудно и почти невозможно, при нашей культурной отсталости, имѣть и въ типографіи и въ конторѣ *своихъ* людей. Добрыхъ людей много, но аккуратныхъ и дисциплинированныхъ совсѣмъ, совсѣмъ мало. Надо бороться съ опечатками, и со шрифтомъ и проч. и проч.; иначе эти мелкіе назойливые промахи станутъ привычными, и журналъ постоянно будетъ носить на себѣ нѣкоторый, такъ сказать, диллетантскій оттѣнокъ. А бороться, по-моему, можно только однимъ способомъ: постоянно заявлять о замѣченныхъ ошибкахъ.

Во всякомъ случаѣ Вы не огорчайтесь очень, не сокрушайте Вашихъ нервовъ, а, напротивъ, торжествуйте, такъ какъ дѣла Ваши великолѣпны. «Жизнь» сильно читаютъ.

Охъ, я все о томъ же: пришлите мнѣ хоть 5 оттисковъ. Мнѣ это нужно, нужно, прежде всего, для Маркса, потомъ заграничнымъ переводчикамъ.

Гонораръ я получилъ, спасибо.

Итакъ, не огорчайтесь и простите, что я своимъ сердитымъ письмомъ нагналъ на Васъ дурное настроеніе.

Больше не буду писать такихъ писемъ. Желаю всего хорошаго.

Преданный *А. Чеховъ.*

Ему же.

29 февраля 1900 г.

Многоуважаемый Владиміръ Александровичъ, Горькій сообщилъ мнѣ, что онъ и Вы собираетесь въ Ялту: когда Вы поѣдете? У Горькаго семь пятницъ на недѣлѣ, онъ то и дѣло мѣняетъ свои рѣшенія. Пожалуйста, напишите Вы, въ самомъ ли дѣлѣ Вы пріѣдете, когда пріѣдете и проч. и проч. До Пасхи я буду безвыѣздно сидѣть въ Ялтѣ, на Пасхѣ, быть-можетъ, не надолго уѣду въ Харьковъ, а затѣмъ опять засяду въ Ялтѣ.

Есть слухи, что на Пасхѣ въ Севастополѣ и Ялтѣ будетъ играть московскій Художественный театръ; если такъ, то скучно Вамъ не будетъ.

«Ѳома Гордѣевъ» написанъ однотонно, какъ диссертація. Всѣ дѣйствующія лица говорятъ одинаково, и способъ мыслить у нихъ одинаковый!

Всѣ говорятъ не просто, а нарочно; у всѣхъ какая-то задняя мысль; что-то не договариваютъ, какъ-будто что-то знаютъ; на самомъ же дѣлѣ они ничего не знаютъ, а это у нихъ такой façon de parler—говорить и не договаривать.

Мѣста въ «Ѳомѣ» есть чудесныя. Изъ Горькаго выйдетъ большущій писателище, если только онъ не утомится, не охладѣетъ, не облѣнится.

Ну, будьте здоровы и благополучны. Жду отвѣта насчетъ Вашего пріѣзда [1]).

Преданный *А. Чеховъ.*

---

[1]) Вскорѣ послѣ этого письма В. А. Поссе и М. Горькій пріѣхали въ Ялту и ежедневно видѣлись съ Ант. Павл.

Н. П. Кондакову.

20 февраля 1901 г.

Многоуважаемый Никодимъ Павловичъ! Я третьяго дня вернулся въ Ялту, а сегодня пришло Ваше письмо, путешествовавшее 15 дней. Большое Вамъ спасибо! Въ Ниццѣ я получилъ отъ Васъ одно письмо—и за него тоже шлю Вамъ сердечную благодарность, шлю теперь, такъ какъ, очевидно, Вы письма моего, отвѣта на Ваше, изъ Ниццы не получили.

Я бѣжалъ изъ Ниццы въ Италію, былъ и во Флоренціи и въ Римѣ, но отовсюду пришлось бѣжать, такъ какъ всюду нестовый холодъ, снѣгъ—нѣтъ печей. Теперь въ Ялтѣ я отогрѣваюсь.

Вы спрашиваете: читаю ли я, что пишутъ обо мнѣ повсюду? Нѣтъ, за границей я рѣдко читалъ русскія газеты; но брань Бур—на [1]) читалъ. Я отродясь никого не проспалъ, не проспалъ ни разу сказать обо мнѣ въ газетахъ хоть одно слово и Бур—ну это извѣстно очень хорошо, и зачѣмъ это ему понадобилось обвинять меня въ саморекламированіи и окатывать меня помоями—одному Богу извѣстно.

Съ Ковалевскимъ, который ѣздилъ со мной въ Италію, мы говорили о Васъ неоднократно, и онъ велѣлъ мнѣ кланяться Вамъ. Насчетъ профессуры его пока еще ничего неизвѣстно, онъ только хохочетъ весело; въ іюнѣ ѣдетъ въ Америку читать лекціи и уже, кажется, получилъ 10 тыс. франковъ.

---

[1]) В. П. Буренинъ.

Вы въ письмѣ Вашемъ изъявили согласіе написать о томъ, что будетъ въ Художественномъ [2]). Спасибо Вамъ, буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Мнѣ кажется, что художественные актеры, привыкшіе играть въ маленькомъ московскомъ театрѣ, совсѣмъ оробѣютъ и будутъ неслышны въ Панаевскомъ [3]), этомъ театрѣ-чудовищѣ.

Еще разъ приношу Вамъ сердечное спасибо за письмо, дай Вамъ Богъ здоровья, передайте мой поклонъ и сердечный привѣтъ всему Вашему семейству.

Будьте здоровы и благополучны.

Искренно преданный *А. Чеховъ.*

---

[2]) Московскій Художественный театръ.

[3]) Въ Петербургѣ, гдѣ гастролировалъ театръ.

В. А. Поссе.

3 марта 1901 г., Ялта.

Милый Владиміръ Александровичъ, большое Вамъ спасибо за телеграмму и вообще за память. Немножко запоздала благодарность, но лучше поздно, чѣмъ никогда, выражаясь по-умному. Будьте добры, вспомните, что я одинокъ, что я въ пустынѣ, сжальтесь и напишите; во-первыхъ, что новаго въ цивилизованномъ мірѣ; во-вторыхъ, гдѣ теперь Горькій, куда ему писать, и въ-третьихъ, не думаете ли Вы пріѣхать въ Ялту отдохнуть.

Разсказъ пришлю непремѣнно.

«Трое» Горькаго въ январской книжкѣ мнѣ чрезвычайно понравились по тону письма. Дѣвки невѣрны, такихъ нѣтъ, и разговоровъ такихъ никогда не бываетъ, но все же пріятно читать. Въ декабрьской книжкѣ мнѣ не такъ понравилось, чувствовалось напряженіе. И напрасно Горькій съ такимъ серьезнымъ лицомъ творитъ (не пишетъ, а именно творитъ), надо бы полегче, немножко бы свысока.

Итакъ, пустынникъ ждетъ отъ Васъ подробнѣйшаго письма. Не полѣнитесь, пожалуйста. Кашель у меня свирѣпый, уже 5—6 дней, но въ общемъ здравіе мое хорошее, грѣхъ жаловаться.

Будьте живеньки, здоровеньки, не забывайте Вашего

А. Чехова.

Б. А. Лазаревскому.

2 апрѣля 1901 г.

Многоуважаемый Борисъ Александровичъ, папка великолѣпна, мнѣ нужна именно такая для начатыхъ рукописей, которыя въ безпорядкѣ валяются у меня по всему столу[1]). Вы мнѣ очень угодили и больше всего, конечно, рисунками, только когда пріѣдете въ Ялту, я попрошу Васъ закрасить «текущая работа». Это похоже на «входящій и исходящій».

Поссе былъ въ Ялтѣ. Я говорилъ ему о Вашемъ «Машинистѣ», онъ обѣщалъ отнестись къ этой повѣсти съ особымъ вниманіемъ. Ваша папка немножко изломалась въ дорогѣ, придется прибѣгнуть къ утюгу. Новаго у насъ, въ Ялтѣ, ничего нѣтъ; погода скверная, холодъ и интересныхъ людей мало. Будьте здоровы и веселы.

Жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Въ Севастополѣ я буду не раньше мая.

---

[1]) Б. А. Лазаревскій подарилъ А. П. великолѣпную папку, украшенную рисунками.

В. А. Поссе.

21 мая 1901 г.

Дорогой Владиміръ Александровичъ, Ваше письмо пошло въ Ялту, оттуда въ Москву, гдѣ я нахожусь нынѣ, оттого я получилъ его только вчера; не сердитесь же, что такъ [1]) запаздываю отвѣтомъ. Васъ выпустили? Горькій уже выпущенъ дня 4 назадъ; онъ веселъ и здоровъ, подъ домашнимъ арестомъ будетъ не болѣе 10 дней. Я видѣлъ доктора, который его свидѣтельствовалъ, и Миролюбова [2]), который ѣздилъ въ Нижній хлопотать у Святополкъ-Мирскаго; и свѣдѣнія отъ обоихъ получилъ весьма успокоительныя.

Я чувствую себя недурно, но все же, какъ оказывается, здоровье мое сильно подгуляло, и я долженъ ѣхать на кумысъ. Это все равно, что ѣхать въ ссылку. Пробуду я на кумысѣ мѣсяца два, и если бы Вы выслали мнѣ туда майскую и іюньскую книжки «Жизни», то я былъ бы благодаренъ Вамъ—не знаю какъ! Свой кумысный адресъ вышлю Вамъ въ пятницу, въ день отъѣзда.

Разсказъ непремѣнно пришлю [3]).

Непремѣнно! Зарѣжьте меня, если не пришлю. Ваша статья про московскій Художественный театръ мнѣ

---

[1]) Это письмо пришло послѣ мартовской демонстраціи. Въ апрѣлѣ В. А. Поссе былъ арестованъ, а въ маѣ выпущенъ.

[2]) Издатель «Журнала для всѣхъ».

[3]) Надъ «Жизнью» сгустились цензурныя тучи, но В. А. Поссе не терялъ надежды на ея спасеніе и просилъ Чехова прислать давно обѣщанный разсказъ.

очень понравилась. Но почему въ Питерѣ «Одинокіе» Гауптмана пришлись такъ не по вкусу? Почему они нравились въ Москвѣ.

Въ будущемъ сезонѣ пойдетъ моя «Чайка».

Намъ бы съ Вами повидаться этимъ лѣтомъ—какъ Вы думаете? Въ іюлѣ я буду ѣхать обратно изъ Уфимской губ., буду тогда въ Москвѣ.

И не заѣхать ли въ Петербургъ?

Я давно уже не былъ въ Петербургѣ, кстати сказать.

Напишите, гдѣ Вы будете лѣтомъ, что и какъ, авось и повидаемся.

Будьте здоровы и благополучны, отдыхайте послѣ предварилки и набирайтесь здоровья. Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Итакъ, въ Москвѣ я пробуду до вечера пятницы.
Мой адресъ: Москва. Дрезденъ.

Ему же.

22 дек. 1901.

Дорогой Владиміръ Александровичъ, я былъ нездоровъ почти весь мѣсяцъ, теперь поправляюсь и скоро засяду за работу. Я пришлю Вамъ повѣсть листа въ два или полтора, только не къ февральской книжкѣ, а, вѣроятно, къ апрѣльской или даже майской.

Это Вы хорошо задумали и дай Богъ Вамъ полнаго успѣха [1]).

Живу я въ Ялтѣ, вдали отъ міра, отъ цивилизаціи, какъ монахъ. скучаю; жена моя въ Москвѣ, играетъ въ Художественномъ театрѣ. Лѣтомъ я и она думаемъ поѣхать на границу.

Крѣпко жму Вамъ руку и шлю тысячу хорошихъ пожеланій. И съ новымъ годомъ поздравляю кстати.

Душевно Вашъ *А. Чеховъ.*

Л. Толстой живетъ въ Гаспрѣ (почтовый адресъ: Коренэъ, дача Паниной), верстахъ въ 10 отъ Ялты. Крымъ ему очень нравится, онъ въ восторгѣ. Здоровье его недурно, по старчески недурно. Горькій въ Олеизѣ; тоже пока незамѣтно, чтобы онъ скучалъ. Его адресъ почтовый тоже Коренэъ.

---

[1]) Въ іюнѣ 1901 года «Жизнь» была навсегда закрыта постановленіемъ четырехъ министровъ.

В. А. Поссе рѣшилъ перенести ее за рубежъ и обратился къ сотрудникамъ съ просьбой о поддержкѣ.

Первымъ откликнулся А. П.

И. Л. Щеглову.

12 января 1902 г.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, милый Жанъ! Съ прошедшимъ днемъ ангела! Скоро и я именинникъ, и есть надежда, что Вы такъ же, какъ я, по-стариковски, не вспомните объ этомъ, не поздравите меня, и мы будемъ квиты, но все же мнѣ совѣстно. Простите!

Книгу Вашу благоволите выслать мнѣ по адресу: Ялта. Это мой постоянный адресъ, впредь до увѣдомленія. Адресъ Максима Горькаго: Корепзъ, Таврическ. губ., Алексѣю Максимовичу Пѣшкову. Онъ, т.-е. Горькій, бываетъ у меня, будетъ, вѣроятно, скоро, дня черезъ 3—4 и тогда я спрошу у него насчетъ «Максима Горькаго» и если это былъ онъ, то напишу Вамъ.

Какъ часто я вспоминаю о Васъ, милый Жанъ, и какъ мнѣ хочется, чтобы Вы написали комедію! Комедія смѣшная, незлобивая, веселая, интеллигентная еще будетъ написана Вами, я убѣжденъ въ этомъ! Сегодня въ одной газетѣ я читалъ, что «Въ горахъ Кавказа» [1]) комедія Гнѣдича, но я помню, чья это комедія, отлично помню, и высоко цѣню ея автора. Васъ, что видно изъ Вашего письма, волнуютъ гг. Бур—нъ [2]) и К°, но зачѣмъ, зачѣмъ Вы около нихъ, т.-е. зачѣмъ ставите себя въ

---

[1]) Пьеса И. Л. Щеглова.

[2]) В. Буренинъ.

зависимое отъ нихъ положеніе, отчего не уходите, если презираете? Не обижайте себя, милый Жанъ, не обижайте Вашего дарованія, которое, какъ никакъ, все же отъ Бога, будьте свободны, вырвитесь на волю!

Мать со мной въ Ялтѣ. Она умилилась и долго говорила о Васъ. Сестра сегодня уѣхала въ Москву, гдѣ она служитъ (въ гимназіи).

Будьте здоровы, голубчикъ, не забывайте, пишите хотя изрѣдка. Если задумаете пьесу для Художественнаго театра, то напишите мнѣ.

А. Н. Мошину [1]).

14 февраля 1902 г.

Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ!

Я, по полученіи отъ Васъ письма, наводилъ справки насчетъ какого-нибудь добраго дѣла въ память покойнаго Г. А. Мачтета и теперь могу сообщить Вамъ слѣдующее. Въ Ялтѣ существуетъ благотворительное общество, помогающее бѣднымъ, главнымъ образомъ, чахоточнымъ (между прочимъ оно содержитъ дачу «Яузла», въ которой живутъ небогатые больные), и вотъ это общество собираетъ капиталъ имени покойнаго Г. А., чтобы помогать литераторамъ, которые больны чахоткой и нуждаются. Пожертвованія принимаетъ Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій, живущій въ Ялтѣ, въ собственномъ домѣ. Состоитъ онъ въ обществѣ членомъ правленія. Къ нему и адресуйтесь. Благотворительное общество дѣлаетъ много добра. Приношу Вамъ сердечную благодарность за фотографію и за разсказъ «Оцѣнка жизни», который я прочелъ съ удовольствіемъ, и остаюсь уважающій Васъ и готовый къ услугамъ

А. Чеховъ.

Если понадобятся Вамъ еще какія-либо справки, то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и пишите, я готовъ служить.

---

[1]) А. Н. Мошинъ—писатель. Имъ выпущены 3 кн. разсказовъ: «Штрихи и настроенія», «Ясная Поляна и Васильевка» и «Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ», изд. 2-ое. СПБ. 1908. Здѣсь помѣщено воспоминаніе объ А. П. Чеховѣ (стр. 93—103), съ которымъ Мошинъ познакомился у него въ Ялтѣ 25 августа 1901 года.

Ему же.

6 марта 1902 г.

Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ!

Присланную Вами фотографію подписалъ и возвращаю съ большой благодарностью. Здоровье Л. Н. Толстого поправляется, и то, что сообщается въ газетахъ вообще объ его здоровьѣ, не расходится съ истиной. Желаю Вамъ всего хорошаго и еще разъ благодарю.

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

И. А. Бѣлоусову.

21 марта 1902 г.

Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, позвольте и мнѣ поздравить Васъ, крѣпко, крѣпко пожать руку и отъ всей души пожалѣть, что меня нѣтъ съ Вами.

Пріймите мое сердечное пожеланіе счастья, успѣховъ и дай Богъ Вамъ дожить (и намъ вмѣстѣ съ Вами) до того вечера, когда мы могли бы собраться и отпраздновать сорокалѣтіе Вашей дѣятельности, тихой, скромной и прекрасной. Крѣпко жму руку еще разъ и обнимаю милаго юбиляра[1]). Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) И. А. праздновалъ двадцатилѣтіе своей литературной дѣятельности. Московскій кружокъ «Среда», членомъ котораго былъ и А. П., поднесъ юбиляру альбомъ съ портретами участниковъ; при этомъ письмѣ А. П. прислалъ свой портретъ для альбома.

С. П. Дягилеву [1]).

30 декабря 1902 г.

Многоуважаемый

Сергѣй Павловичъ!

«Міръ Искусства» со статьей о Чайкѣ я получилъ [2]), статью прочелъ—большое Вамъ спасибо. Когда я кончилъ эту статью, то мнѣ опять захотѣлось написать пьесу, что, вѣроятно, я и сдѣлаю послѣ января.

Вы пишете, что мы говорили о серьезномъ религіозномъ движеніи въ Россіи. Мы говорили про движеніе не въ Россіи, а въ интеллигенціи. Про Россію я ничего не скажу, интеллигенція же пока только играетъ въ религію и главнымъ образомъ отъ нечего дѣлать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла отъ религіи и уходитъ отъ нея все дальше и дальше, что бы тамъ ни говорили и какія бы философско-религіозныя общества ни собирались. Хорошо это, или дурно, рѣшить не берусь, скажу только, что религіозное движеніе, о которомъ Вы пишете—само по себѣ

---

[1]) С. П. Дягилевъ былъ редакторомъ журнала „Міръ Искусства".

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ о статьѣ г. Философова: „Театральныя замѣтки. «Чайка». «Міръ Искусства», № 11, 1902 г., стр. 46—51. Статья написана по поводу удачнаго возобновленія «Чайки» на казенной сценѣ въ Петербургѣ. Какъ извѣстно, первое представленіе, состоявшееся въ бенефисъ Левкѣевой 17 октября 1896 г., сопровождалось скандальнымъ проваломъ.

а вся современная культура—сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, быть-можетъ, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы хотя въ далекомъ будущемъ человѣчество познало истину настоящаго Бога—т.-е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура это начало работы, а религіозное движеніе, о которомъ мы говорили, есть пережитокъ, уже почти конецъ того, что отжило или отживаетъ. Впрочемъ, исторія длинная, всего не напишешь въ письмѣ. Когда увидите г. Философова, то, пожалуйста, передайте ему мою глубокую благодарность. Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, желаю всего хорошаго.

Преданный *А. Чеховъ.*

А. Н. Мошину.

9 марта 1903 г.

Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ!

Съ г. Ч—ровымъ я не знакомъ, не знаю его и, въ чемъ его вина, изъ письма Вашего я не уяснилъ себѣ[1]). Благоволите сами написать ему, я же положительно не знаю, какъ и о чемъ я долженъ говорить съ нимъ. Да онъ не сталъ бы и слушать меня.

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно уважающій Васъ

А. Чеховъ.

---

[1]) Вина г. Ч—рова, о которомъ упоминается въ письмѣ, относилась, главнымъ образомъ, къ нему, А. П., и то обстоятельство, что онъ не пожелалъ «уяснить себѣ» этой вины, является еще однимъ штрихомъ къ характеристикѣ А. П., какъ хорошаго человѣка.

И. А. Бѣлоусову.

3 мая 1903 г.

Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, съ Суворинымъ поговорю непремѣнно и потомъ напишу Вамъ[1]). Большое Вамъ спасибо за портретъ Толстого (въ самомъ дѣлѣ не дурной портретъ[2]), и сестра шлетъ спасибо за книжку.

Очень жаль, что мы не поговорили на счетъ журнала[3]): быть-можетъ, мнѣ удалось бы убѣдить Васъ не издавать журналъ, который 24 раза въ годъ будетъ вносить въ Вашу милую тихую жизнь отраву. Для чего онъ Вамъ понадобился? Есть поговорка: не было у бабы хлопотъ, такъ купила баба порося.

Гиляровскій—человѣкъ хорошій и въ издатели годится; въ издатели, но не въ компаніоны. Впрочемъ, объ этомъ въ письмѣ не напишешь всего, что нужно, лучше побесѣдуемъ какъ-нибудь.

Жму Вамъ руку, желаю всякихъ благъ.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Относительно переведенной И. А. Бѣлоусовымъ книги Робертъ Борнсъ.

[2]) Снимокъ съ портрета Л. Н. Толстого, работы Ю. Игумновой, писанный тушью въ 1902 г. Оригиналъ хранится у дочери Л. Н.—Александры Львовны.

[3]) И. А. затѣвалъ изданіе дѣтскаго журнала.

Ему же.

11 мая 1903 г.

Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, я видѣлся съ Суворинымъ и говорилъ съ нимъ о Робертѣ Борнсѣ[1]). Онъ согласенъ издать (Дешевая Библіотека), только проситъ Васъ написать біографію Борнса поподробнѣе и, если найдете нужнымъ, сдѣлать примѣчанія.

Я уѣду послѣ 20-го. Съ 13 по 15 или 16 я въ Петербургѣ, затѣмъ возвращусь домой. Желаю Вамъ всего хорошаго, крѣпко жму руку и кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

---

[1]) Робертъ Борнсъ, и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Бѣлоусова, съ біографическимъ очеркомъ.

С. П. Дягилеву.

12 іюля 1903 г.

Многоуважаемый Сергѣй Павловичъ, я немного запаздываю отвѣтомъ на Ваше письмо, такъ какъ получилъ его не въ Наро-Ѳоминскомъ, а въ Ялтѣ, куда пріѣхалъ на этихъ дняхъ и гдѣ пробуду, вѣроятно, до осени. Я долго думалъ, прочитавъ Ваше письмо, и какъ ни заманчиво Ваше предложеніе или приглашеніе [1]), все же я долженъ въ концѣ концовъ отвѣтить Вамъ не такъ, какъ хотѣлось бы и мнѣ и Вамъ.

Быть редакторомъ «Міръ Искусства» я не могу, такъ какъ жить въ Петербургѣ мнѣ нельзя, а журналъ не переѣдетъ для меня въ Москву, редактировать же по почтѣ и по телеграфу невозможно и имѣть во мнѣ только номинальнаго редактора для журнала нѣтъ никакого разсчета. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ картину пишетъ только одинъ художникъ и рѣчь говоритъ только одинъ ораторъ, такъ и журналъ редактируется только однимъ человѣкомъ. Конечно, я не критикъ и, пожалуй, критическій отдѣлъ редактировалъ бы неважно, но, съ другой стороны, какъ бы это я ужился подъ одной крышей съ Д. С. Мережковскимъ, который вѣруетъ опредѣленно, вѣруетъ учительски въ то время, какъ я давно растерялъ свою вѣру и только съ недоумѣніемъ погляды-

---

[1]) С. П. Дягилевъ приглашалъ Чехова стать редакторомъ журнала „Міръ Искусства“.

ваю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго. Я уважаю Д. С. и цѣню его и какъ человѣка и какъ литературнаго дѣятеля, но вѣдь возъ-то мы, если и повеземъ, то въ разныя стороны. Какъ бы ни было—ошибочно мое отношеніе къ дѣлу или нѣтъ, я всегда думалъ и теперь такъ увѣренъ, что редакторъ долженъ быть одинъ, только одинъ, и что «Міръ Искусства» въ частности должны редактировать только Вы одни. Таково мое мнѣніе, и мнѣ кажется, что я не измѣню его.

Не сердитесь на меня, дорогой Сергѣй Павловичъ; мнѣ кажется, что Вы, если бы проредактировали журналъ еще лѣтъ пять, то согласились бы со мною. Въ журналѣ, какъ въ картинѣ или поэмѣ, должно быть одно лицо и должна чувствоваться одна воля. Это было до сихъ поръ въ «Мірѣ Искусства», и это было хорошо. И надо бы держаться этого.

Желаю Вамъ всего хорошаго, крѣпко жму руку. Въ Ялтѣ прохладно, или, по крайней мѣрѣ, не жарко, я торжествую.

Низко Вамъ кланяюсь.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Д. Т. Савельеву.

4 августа 1903 г.

Милый Дмитрій Тимоѳеевичъ, увы! Вотъ уже мѣсяцъ, даже больше, какъ я въ Ялтѣ, гдѣ пробуду, вѣроятно, до октября. Пожалуйста, пиши мнѣ, если я тебѣ нуженъ, я все исполню, что потребуется. Пока я жилъ на Нарѣ, я думалъ о томъ, какъ бы намъ повидаться, а теперь жалѣю, что это не исполнилось.

На-дняхъ въ Ялтѣ былъ у меня Макаръ [1]), который сталъ немилосердно толстъ. А Коробовъ [2]) постарѣлъ, посѣдѣлъ: и я посѣдѣлъ, похудѣлъ... Однимъ словомъ обращаемся всѣ мало-по-малу въ маститыхъ. Итакъ, стало-быть, пиши. Будь здоровъ. Твой *А. Чеховъ*.

---

[1]) В. И. Зембулатовъ.
[2]) Докторъ Н. И. Коробовъ.

Редактору Нижегородскаго сборника.

22 октября 1903 г.

Милостивый Государь!

Я получилъ приглашеніе отъ учителей и учительницъ Нижегородской губ. принять участіе въ литературномъ сборникѣ. Будьте добры, передайте всѣмъ подписавшимся мою глубокую благодарность и согласіе.

Если позволитъ здоровье, то разсказъ я напишу и пришлю[1]).

Желаю Вамъ всего хорошаго.

Искренно Васъ уважающій

А. Чеховъ.

---

[1]) Но написать А. П. не удалось разсказа, и вмѣсто него помѣщено было воспоминаніе М. Горькаго объ ушедшемъ въ вѣчность дорогомъ писателѣ. „Нижегородскій сборникъ“, СБП. 1905 г. Изд. Т-ва „Знаніе“.

А. А. Плещееву.

(Ноябрь, 1903 г.)

Очень радъ, сочувствую вполнѣ, но погодите,—теперь боленъ. Пришлю въ январѣ разсказъ или водевиль [1]). Кланяюсь, жму руку.

А. Чеховъ.

---

[1]) А. А. Плещеевъ—сынъ поэта А. Н. Плещеева, издавалъ съ 1904 г. въ Петербургѣ журналъ «Петербургскій Дневникъ Театрала»; А. А. Плещеевъ обратился къ А. П. съ просьбой принять участіе въ журналѣ.

Ему же.

(Декабрь, 1903 г.)

Былъ бы очень радъ повидаться съ Вами, потолковать, вспомнить старину.

Я бываю дома утромъ отъ 10 до 12½, затѣмъ—въ Художественномъ театрѣ на репетиціи до 4, потомъ опять дома, а въ 8 час. опять въ Художественномъ театрѣ на спектаклѣ. Я вѣдь не видѣлъ пьесъ [1]) и теперь намѣренъ поглядѣть ихъ. Не видѣлъ ни «На днѣ», ни «Юлія Цезаря», ни «Столповъ», не былъ даже въ Маломъ театрѣ; постарайтесь повидаться со мной. Или у меня побывайте, или дайте знать, въ какомъ часу можно застать Васъ [2]).

---

[1]) А. П. только что вернулся изъ Крыма, гдѣ, по его словамъ чувствовалъ тоску, потому что съ іюня не выѣзжалъ оттуда.

[2]) Объ этой встрѣчѣ см. «Петер. Днев. Театр.» № 1, 1904 г.

Ив. А. Бунину.

8 января 1904 г.

Здравствуйте, милый Иванъ Алексѣевичъ! Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Письмо Ваше получилъ, спасибо. У насъ, въ Москвѣ, все благополучно и скучно, новаго (кромѣ Новаго года) ничего нѣтъ и не предвидится, пьеса моя [1]) еще не шла, а когда пойдетъ—неизвѣстно. Очень возможно, что въ февралѣ я пріѣду въ Ниццу, остановлюсь у Н. И. Юрасова [2]), отъ котораго недавно получилъ письмо... Поклонитесь отъ меня милому, теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите почаще Вашимъ друзьямъ... Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурыхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несваренiемъ и дурнымъ расположеніемъ духа.

Цѣлую Васъ и обнимаю. *А. Чеховъ.*

---

[1]) «Вишневый садъ».
[2]) Н. И. Юрасовъ — вице-консулъ въ Ниццѣ.

И. А. Бѣлоусову.

25 февр. 1904 г.

Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, Вы пишете мнѣ, что Клюкинъ не хочетъ заплатить Вамъ за «Кобзаря». Сообщите ему, что если онъ не прекратитъ издавать и продавать мой разсказъ «Бѣлолобый», то я обращусь въ Литературный фондъ съ жалобой и настою на томъ, чтобы Марксъ возбудилъ уголовное дѣло.

То же самое я сдѣлаю, если онъ не посчитается съ Вами добросовѣстно.

Были у Зернова? Мнѣ кажется, достаточно одного Таубе. Зерновъ это не профессоръ. Проф. Зерновъ читаетъ анатомію.

Крѣпко жму руку, будьте здоровы.

Вашъ *А. Чеховъ.*

Не пейте вина—ни единой капли. Избѣгайте малѣйшей простуды.

Ему же.

9 марта 1904 г.

Дорогой Иванъ Алексѣевичъ, въ настоящее время Вамъ не слѣдуетъ совершать путешествіе, поѣздку въ Кіевъ и по Днѣпру отложите до будущаго года, а теперь немедля поѣзжайте въ Ялту и живите здѣсь всѣ полтора мѣсяца, которые Вы имѣете въ виду пропутешествовать. Говорю это потому, что немножко понимаю въ медицинѣ.

Пріѣхавъ въ Ялту, остановитесь въ гостиницѣ «Ялта», а потомъ—увидимъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго, жму руку.

Вашъ *А. Чеховъ.*

В. А. Гольцеву.

31 марта 1904 г.

Милый Викторъ Александровичъ, возвращаю тебѣ рукописи. Изъ нихъ мною отмѣчены, какъ годныя:

1) «Картинки петербургской бѣдноты» (I и II—особенно).

2) «Образумилъ».

Сію послѣднюю можно напечатать въ томъ лишь случаѣ, если авторъ займется ею, передѣлаетъ кое-что, мною указанное.

Автору «Товарища» Д. мною послано письмо. Рукопись его подлежитъ возврату.

Поздравляю тебя съ праздникомъ, крѣпко жму руку и цѣлую тебя. Нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго?

Крѣпко жму руку.

Твой *А. Чеховъ.*

Годныя рукописи я обыкновенно отмѣчаю зеленымъ карандашомъ [1]).

---

[1]) А. П. состоялъ редакторомъ беллетристическаго отдѣла «Русской Мысли».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ этомъ приложеніи я считаю не лишнимъ дать читателямъ возможность ознакомиться съ первымъ напечатаннымъ разсказомъ Антона Павловича, теперь забытомъ, о которомъ упоминается въ его автобіографическомъ письмѣ (стр. 3), а также еще въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ.

Интересно также помѣщеніе здѣсь отвѣтовъ почтоваго ящика журнала «Стрекозы», которые получалъ Ант. Павл. прежде, чѣмъ напечатали его первый разсказъ.

Почтовый ящикъ «Стрекозы».

1880 г.

№ 2. Драчевка, А. Че—ву. Совсѣмъ недурно. Присланное помѣстимъ. Благословляемъ и на дальнѣйшее подвижничество.

№ 7. Драчевка, Ан. Че—ву. «Прошеніе» длинно и натянуто; мелочью мы воспользовались.

Первый напечатанный разсказъ А. П. Чехова.

Архивъ „Стрекозы“.

Письмо донского помѣщика Степана Владиміровича N къ ученому сосѣду д-ру Фридриху.

Дорогой Сосѣдушко!

Фріедрихъ (забылъ какъ по батюшкѣ, извените великодушно!) Извените и простите меня стараго старикашку и нелѣпую душу человѣческую за то, что осмѣливаюсь Васъ безпокоить своимъ жалкимъ письменнымъ

лѣтомъ. Вотъ ужъ цѣлый годъ прошелъ, т.-е. погрузился въ волны вѣчности, какъ Вы изволили поселиться въ нашей части свѣта по сосѣдству со мной мелкимъ человѣчкомъ, а я все еще не знаю Васъ, а Вы меня тоже не знаете. Позвольте-жъ драгоцѣнный сосѣдушко хотя посредствомъ сихъ старческихъ гіероглифовъ познакомиться съ Вами, пожать мысленно Вашу ученую руку и поздравить Васъ съ пріѣздомъ изъ Санктъ-Петербурга въ нашъ недостойный материкъ, населенный мужиками и крестьянскимъ народомъ т.-е. плебейскимъ элементомъ. Давно искалъ я случая познакомиться съ Вами, жаждалъ, потому что наука въ нѣкоторомъ родѣ мать наша родная, все одно какъ и цивилизацыя и потому что сердечно уважаю тѣхъ людей, знаменитое имя и званіе которыхъ увѣнчанное ореоломъ популярной славы лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами съ дипломомъ гремитъ какъ громъ и молнія по всѣмъ частямъ вселеннаго міра сего видимаго и невидимаго т.-е. подлуннаго. Я пламенно люблю астрономовъ, поэтовъ, метафизиковъ, приватъ-доцентовъ, химиковъ и другихъ жрецовъ науки, къ которымъ Вы себя причисляете чрезъ свои умные факты и отрасли наукъ, т.-е. продукты и плоды. Говорятъ, что Вы много книгъ напечатали во время умственнаго сидѣнія съ трубами, градусниками и кучей заграничныхъ книгъ съ заманчивыми рисунками. Недавно заѣзжалъ въ мои жалкія владѣнія, въ мои рушны и развалины мѣстный максимусъ понтифексъ отецъ Герасимъ и со свойственнымъ ему фанатизмомъ бранилъ и порицалъ Ваши мысли и идеи касательно человѣческаго происхожденія и другихъ явленій міра видимаго и возставалъ и горячился противъ Вашей умственной сферы и мыслительнаго горизонта, покрытаго свѣтилами и аэроглитами. Я не согласенъ съ о. Герасимомъ касательно Вашихъ умственныхъ идей, потому что живу и питаюсь одной только наукой, которую Провиденіе дало роду человѣческому для вырытія изъ недръ

міра видимаго и невидимаго драгоцѣнныхъ металовъ, металондовъ и брилліантовъ, но все-таки простите меня, батюшка, насѣкомаго еле видимаго, если я осмѣлюсь опровергнуть постарковски нѣкоторыя Ваши идеи касательно естества природы. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что будто Вы сочинили сочиненіе, въ которомъ изволили изложить не весьма существенныя идеи на щотъ людей и ихъ первороднаго-состоянія и допотопнаго бытія. Вы изволили сочинить что человѣкъ произошелъ отъ обезьянскихъ племенъ мартышекъ, орангуташекъ и т. п. Простите меня старичка, но я съ Вами касательно этого важнаго пункта не согласенъ и могу Вамъ запятую поставить. Ибо, если-бы человѣкъ, властитель міра, умнѣйшее изъ дыхательныхъ существъ, происходилъ отъ глупой и невѣжественной обезьяны то у него былъ бы хвостъ и дикій голосъ. Если-бы мы происходили отъ обезьянъ, то насъ теперь водили-бы по городамъ Цыганы на показъ и мы платили бы деньги за показъ другъ друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за рѣшоткой въ звѣринцѣ. Развѣ мы покрыты кругомъ шерстью? Развѣ мы не носимъ одѣяній, коихъ лишены обезьяны? Развѣ мы любили-бы и не презирали бы женщину, если бы отъ нея хоть немножко пахло бы обезьяной, которую мы каждый вторникъ видимъ у Преводителя Дворянства. Если-бы наши прародители происходили отъ обезьянъ, то ихъ не похоронили бы на христіанскомъ кладбищѣ; мой прапрадѣдъ напримѣръ, Амвросій, жившій во время оно въ царствѣ Польскомъ былъ погребенъ, не какъ обезьяна, а рядомъ съ абатомъ католическимъ Іоакимомъ Шостакомъ, записки коего объ умѣренномъ климатѣ и горячихъ напиткахъ хранятся еще доселѣ у брата моего Ивана. Абатъ значитъ католическій попъ. Извените меня неука за то, что мѣшаюсь въ Ваши ученые дѣла и толкую посвоему по старчески и навязываю Вамъ свои дикообразныя и какія то аляповатыя идеи, которыя у ученыхъ и циви-

лизованныхъ людей скорѣе помѣщаются въ животѣ, чѣмъ въ головѣ. Не могу умолчать и не терплю когда ученые неправильно мыслятъ въ умѣ своемъ и не могу не возразить Вамъ. О. Герасимъ сообщилъ мнѣ, что Вы неправильно мыслите объ лунѣ т.-е. объ мѣсяцѣ, который замѣняетъ намъ солнце въ часы мрака и темноты, когда люди спятъ, а Вы проводите электричество съ мѣста на мѣсто и фантазируете. Не смѣйтесь надъ старикомъ за то, что такъ глупо пишу. Вы пишете, что на лунѣ т.-е. на мѣсяцѣ живутъ и обитаютъ люди и племена. Этого не можетъ быть никогда потому что если бы люди жили на лунѣ то заслоняли бы для насъ магическій и волшебный свѣтъ ее своими домами и тучными пастбищами. Безъ дождика люди не могутъ жить, а дождь идетъ внизъ на землю, а не вверхъ на луну. Люди живя на лунѣ падали-бы внизъ на землю, а этого не бываетъ. Нечистоты и помои сыпались бы на нашъ материкъ съ населенной луны. Могутъ ли люди жить на лунѣ, если она существуетъ только ночью, а днемъ исчезаетъ? И правительства не могутъ дозволить жить на лунѣ, потому что на ней по причинѣ далекаго разстоянія и недосягаемости ея можно укрываться отъ повинностей очень легко. Вы немножко ошиблись. Вы сочинили и напечатали въ своемъ умномъ сочиненіи, какъ сказалъ мнѣ О. Герасимъ, что будто бы на самомъ величайшемъ свѣтилѣ, на солнцѣ, есть черныя пятнушки. Этого не можетъ быть, потому что этого не можетъ быть никогда. Какъ Вы могли видѣть на солнцѣ пятны, если на солнце нельзя глядѣть простыми человѣческими глазами, и для чего на немъ пятны, если и безъ нихъ можно обойтиться? Изъ какого мокраго тѣла сдѣланы эти самыя пятны, если они не сгораютъ? Можетъ быть по вашему и рыбы живутъ на солнцѣ? Извените меня дурмана ядовитаго, что такъ глупо съ острилъ! Ужасно я преданъ наукѣ! Рубль сей парусъ девятнадцатаго столѣтія для меня не имѣетъ никакой цѣны,

наука его затемнила у моихъ глазъ своими дальнѣйшими крылами. Всякое открытіе терзаетъ меня какъ гвоздикъ въ спинѣ. Хотя я невѣжда и старосвѣтскій помѣщикъ, а все же таки негодникъ старый занимаюсь наукой и открытіями, которыя собственными руками произвожу и наполняю свою нелѣпую головешку, свой дикій черепъ мыслями и комплектомъ величайшихъ знаній. Матушка природа есть книга, которую надо читать и видѣть. Я много произвелъ открытій своимъ собственнымъ умомъ, такихъ открытій, какихъ еще ни одинъ реформаторъ не изобрѣталъ. Скажу безъ хвастовства, что я не изъ послѣднихъ касательно образованности, добытой мозолями, а не богатствомъ родителей т.-е. отца и матери или опекуновъ, которые часто губятъ дѣтей своихъ посредствомъ богатства, роскошью и шестіэтажныхъ жилищъ съ невольниками и элекрическими позвонками. Вотъ что мой грошовый умъ открылъ. Я открылъ, что наша великая огненная лучистая хламида солнце въ день св. Пасхи рано утромъ занимательно и живописно играетъ разноцвѣтными цвѣтами и производитъ своимъ чуднымъ мерцаніемъ игривое впечатлѣніе. Другое открытіе. Отчего зимою день короткій, а ночь длинная, а лѣтомъ наоборотъ? День зимою оттого короткій, что подобно всѣмъ прочимъ предметамъ видимымъ и невидимымъ отъ холода сжимается и оттого, что солнце рано заходитъ, а ночь отъ возженія свѣтильковъ и фонарей разширяется, ибо согрѣвается. Потомъ я открылъ еще, что собаки весной траву кушаютъ подобно овцамъ и что кофей для полнокровныхъ людей вреденъ, потому что производитъ въ головѣ головокруженіе, а въ глазахъ мутный видъ и тому подобное и тому подобное прочее. Много я сдѣлалъ отрытій и кромѣ этого хотя и не имѣю аттестатовъ и свидѣтельствъ. Пріѣзжайте ко мнѣ дорогой сосѣдушко, ей Богу. Откроемъ что-нибудь вмѣстѣ, литературой займемся и Вы меня поганенькаго вычисле-

нiямъ различнымъ поучите. Пріѣзжайте пожалуйста, сдѣлайте милость, удружите неразумному сосѣду. Пріѣзжайте хоть завтра напримѣръ. Мы теперь постное ѣдимъ, но для Васъ будемъ готовить скоромное. Дочь моя Наташенька просила Васъ, чтобы Вы съ собой какія-нибудь умныя книги привезли... Она у меня эманципе, всѣ у ней дураки, только одна она умная. Молодежь теперь, я Вамъ скажу, даетъ себя знать. Дай имъ Богъ! Чрезъ недѣлю прибудетъ ко мнѣ братъ мой Иванъ человѣкъ хорошій, но, между нами сказать, Бурбонъ и науки не любитъ. Это письмо долженъ доставить Вамъ мой ключникъ ровно въ 8 часовъ вечера. Если привезетъ его позже, то побейте его по щекамъ, по профессорски, нечего съ этимъ племенемъ церемониться. Если позже доставитъ, то значитъ въ кабакъ анафема заходилъ. Обычай ѣздить къ сосѣдямъ не нами вздуманъ не нами и окончится, а потому всепремѣнно пріѣзжайте къ намъ съ инструментами и книжками. Моя жена не любитъ нѣмцевъ, но я ей сказалъ, что Вы не Фріедрихъ, а Максимъ русскоподданный. Извените за безпокойство и простите. Ожидаемъ Васъ съ нетерпѣніемъ. Остаюсь любящій Васъ Войска Донского отставной урядникъ изъ дворянъ.

Степанъ Владиміра сынъ

. . . . 65.

Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.?

Графъ, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣдъ баронъ, литераторъ либералъ, обѣднявшій дворянинъ, музыкантъ иностранецъ, тупоумные лакеи, няни, гувернантки, нѣмецъ управляющій, эсквайръ и наслѣдникъ изъ Америки. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Герой—спасающій героиню отъ взбѣшенной лошади, сильный духомъ и могущій при всякомъ удобномъ случаѣ показать силу своихъ кулаковъ.

Высь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, однимъ словомъ: природа!!!

Бѣлокурые друзья и рыжіе враги.

Богатый дядя, либералъ или консерваторъ, смотря по обстоятельствамъ. Не такъ полезны для героя его наставленія, какъ смерть.

Тетка въ Тамбовѣ.

Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ; часто имѣетъ палку съ набалдашникомъ и лысину. А гдѣ докторъ, тамъ ревматизмъ отъ трудовъ праведныхъ, мигрень, воспаленіе мозга, уходъ за раненымъ на дуэли и неизбѣжный совѣтъ ѣхать на воды.

Слуга,—служившій еще старымъ господамъ, готовый за господъ лѣзть куда угодно, хоть въ огонь. Острякъ замѣчательный.

Собака, неумѣющая только говорить, попка и соловей.

Подмосковая дача и заложенное имѣніе на югѣ.

Электричество, въ большинствѣ случаевъ ни къ селу ни къ городу приплетаемое.

Портфель изъ русской кожи, китайскій фарфоръ, англійское сѣдло, револьверъ, недающій осѣчки, орденъ въ петличкѣ, ананасы, шампанское, трюфели и устрицы.

Нечаянное подслушиванье, какъ причина великихъ отрытій.

Безчисленное множество междометій и попытокъ употребить кстати техническое словцо.

Тонкіе намеки на довольно толстыя обстоятельства.

Очень часто отсутствіе конца.

Семь смертныхъ грѣховъ въ началѣ и свадьба въ концѣ.

Конецъ.

Антоша.

Эти два разсказа были помѣщены одновременно въ «Стрекозѣ» № 10, 1880 г. стр. 6—7.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

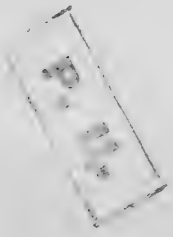
лицъ, къ которымъ были адресованы письма.

1. Автобіографія 3.
2. Батюшкову, Ѳ. Д. 222, 226, 227, 228.
3. Бунину, И. А. 272.
4. Бѣлоусову, П. А. 49, 235, 236, 260, 264, 265, 273, 274.
5. Гиляровскому, В. А. 155.
6. Гольцеву, В. А. 275.
7. Григоровичу, Д. В. 32.
8. Дягилеву, С. П. 261, 266.
9. Егорову, Е. П. 161, 163, 168, 171, 172, 176, 177, 178, 180, 183, 184, 185, 191.
10. Жиркевичу, А. В. 201, 207, 212.
11. Кондакову, Н. П. 249.
12. Кони, А. Ѳ. 194, 224.
13. Кориѣеву, Я. А. 51, 59. 78. 204.
14. Короленко, В. Г. 54, 62, 79, 85, 90, 213.
15. Лазаревскому, Б. А. 252.
16. Лазареву-Грузинскому, А. С. 45, 56, 66, 94, 114, 237.
17. Меньшикову, М. О. 243.
18. Мошину, А. Н. 258, 259, 263.
19. Непзвѣстному лицу, 107.
20. Плещееву, А. А. 270, 271.
21. Плещееву, А. Н. 46, 82, 83, 96, 99, 109, 111, 113, 121, 133, 135, 142, 144, 145, 147, 149, 153, 159, 173.
22. Поссе, В. А. 238, 239, 240, 241, 242, 245, 246, 248, 251, 253, 255.
23. Редактору Нижегородскаго сборника. 269.
24. Савельевой, Е. І. 14, 22.
25. Савельеву, Д. Т. 11, 12, 13, 17, 18, 42, 215, 268.
26. Савельеву, Т. С. 77.
27. Сергѣенко, П. А. 20, 200, 232, 234.
28. Средину, Л. В. 197.
29. Суворину, А. С. 198, 233.
30. Тихонову, В. А. 77, 126, 138.
31. Кн. Урусову, А. И. 162.

32. Хлопову, Н. А. 128, 134.
33. Чехову, Ал. П. 10.
34. Чехову, М. П. 8, 27, 28, 103.
35. Чехову, Н. П. 24.
36. Кн. Шаховскому, С. П. 214.
37. Шехтелю, Ф. О. 29, 30, 36, 38, 40, 44, 52, 70, 112, 137, 141, 152, 156, 158, 169, 179, 182, 187, 189, 216, 218, 219, 221, 231.
38. Щеглову, П. Л. 58, 60, 64, 67, 71, 74, 80, 87, 91, 101, 116, 119, 124, 130, 157, 210, 220, 229, 256.
39. Эртелю, А. И. 192.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе III
Къ первому тому писемъ А. П. Чехова V
Вступительная статья Ю. Айхенвальда VII
Письма А. П. Чехова. . . . . 1—275
Приложеніе . . . . . 277—286
Алфавитный списокъ 287



К-во СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.
Москва, Петровскія Линіи, книжн. магаз. „ЗНАНІЕ".
Тел. 249 - 45.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

. . . Если итти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, «о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть»

«Современный Міръ», № 11, 1907 г.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Т. 1. ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО (Сѣрый домъ).

Романъ. Цѣна 1 руб.

Т. 3. МИХАЭЛЬ.

Романъ. Переводъ Р. Бреннера.
Цѣна 1 р. 25 к.

ОТЗЫВЫ:

«Русскія Вѣдомости» № 281.

Имя датскаго писателя Германа Банга въ настоящее время пользуется европейской извѣстностью. Эта слава—не продуктъ моды, она выросла медленно и постепенно. Внѣ предѣловъ своей родины Банга стали читать собственно только за послѣдніе годы, когда его романы, вышедшіе въ Даніи отчасти уже въ 80-хъ годахъ, начали переводиться на нѣмецкій языкъ.

Романъ „Михаэль", предлагаемый теперь въ русскомъ переводѣ какъ одинъ изъ томовъ задуманнаго книгоиздательствомъ „Современное творчество" полнаго собранія сочиненій Германа Банга, принадлежитъ къ болѣе позднимъ произведеніямъ автора. Въ торчествѣ Банга онъ занимаетъ нѣсколько особую позицію, такъ какъ въ отличіе отъ другихъ его романовъ здѣсь сюжетъ избранъ не-датскій; но крупный талантъ автора обнаруживается въ немъ съ полной яркостью. Упрекнуть автора можно развѣ въ томъ, что названіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію романа. Героемъ его является не молодой Михаэль, пріемный сынъ французскаго живописца Зорэ, покидающій его ради любимой женщины, а самъ Клодъ Зорэ, великій художникъ и одинокій человѣкъ. Мастерски обрисованъ духовный обликъ сильной и замкнутой натуры, сохранившей среди шумнаго Парижа простоту чувства и упорное трудолюбіе крестьянина. Клодъ Зорэ весь отдался своей работѣ, своему искусству. Глубокія внутреннія переживанія

у него воплощаются въ картинахъ. Въ минуты малодушія онъ остро чувствуетъ свое одиночество и съ раздраженіемъ обвиняетъ своихъ почитателей, что они его приковали къ мастерской и лишили истинныхъ наслажденій жизни. Но такія настроенія быстро смѣняются новымъ творческимъ экстазомъ: „Вѣдь это единственное, что есть въ жизни,—восклицаетъ онъ,—*желать совершеннаго*". Предъ изображеніемъ одинокой жизни и одинокой смерти этого человѣка блѣднѣютъ всѣ остальныя лица романа. Даже яркія жизнерадостныя картины молодой любви Михаэля и его возлюбленной лишь эффектно,—пожалуй, даже немного слишкомъ эффектно,—оттѣняютъ скорбную фигуру великаго художника, глубоко врѣзывающуюся въ память читателя.

А. Г.

«Рѣчь» (№ 318).

Бангъ настолько художникъ и настолько обладаетъ вкусомъ, что только ставитъ свою дилемму, противопоставляя жизнь типичнаго художника-подвижника — жизни цѣльнаго, непосредственнаго человѣка; онъ не превозноситъ одного и не клеймитъ другого, не иллюстрируетъ своимъ романомъ уже готоваго рѣшенія, что неизбѣжно бы привело къ фальши и резонерству (какъ, напримѣръ, у насъ это случается иногда съ Арцыбашевымъ). Жизнь ставитъ проблемы, но не разрѣшаетъ ихъ. Такъ же долженъ поступать художникъ, желающій быть похожимъ на жизнь и оставить мѣсто настоящему, компетентному ихъ разрѣшенію. Лишь при этомъ условіи художественное произведеніе остается глубокимъ и многостороннимъ, не впадая въ тенденціозность.

Викторъ Гофманъ.

«Утро Россіи» (№ 45).

Книга живая, яркая, съ интересомъ читаемая. На много лучше удалась она Бангу чѣмъ его же «Таинственные разсказы». И если въ чемъ упрекнуть эту повѣсть, то именно за чрезмѣрность этой яркости: за эффектность дѣйствія, впадающую въ театральность, за лоскъ обстановки.

... Прекрасно выполненъ весь обликъ Клода Зорэ. Поистинѣ духомъ геніальности вѣетъ на читателя отъ этого старца-художника. Глубоко чувствуется этотъ крестъ мученичества, крестъ величія и славы, роковая отгороженность отъ жизни и злая, тайная тоска по ней. И съ красочною силой вѣетъ жизнь отъ другой фигуры, оригинально задуманной: отъ Михаэля, молодого натуралиста и художника, прекраснаго какъ богъ, и какъ богъ живущаго.

Врѣзываются въ память страницы, посвященныя любви Михаэля и Люціи. И незабвенною остается лунная ночь около Лувра, когда Михаэль «бросалъ прекрасное имя стѣнамъ, камнямъ и крышамъ: Люція, Люція!». И наконецъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ смертному одру Клода Зорэ, своего учителя, своего благодѣтеля, вмѣстѣ съ возлюбленной, бросившись въ экипажъ, велѣлъ кучеру мчаться домой.

Каждому свое,—говоритъ Бангъ своимъ романомъ: геніямъ крестъ мученичества и славы, для нихъ любовь и привязанности лишь «необходимость», желаніе помощи въ одинокомъ несеніи креста. Жизнь и любовь — живущимъ и любящимъ. Одинаково блещущимъ звучатъ въ книгѣ искусство и слава, жизнь и любовь.

П. К—овъ.

К-во СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.

ЧЕХОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Собраніе писемъ А. П. ЧЕХОВА.

Томъ I.

подъ редакціей и съ комментаріями **Владиміра Брендеръ.**

Вступительная статья **Ю. Айхенвальда.**

Цѣна 1 р. 25 к.

ДУМЫ ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Избранныя мысли изъ произведеній А. П. ЧЕХОВА.

Составилъ **Ф. Мускатблитъ.** Предисловіе **Каллаша.**

Цѣна 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Собраніе писемъ А. П. ЧЕХОВА.

Томъ II.

О ЧЕХОВѢ.

Сборникъ статей и воспоминаній (со многими портретами и снимками).

К-во СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Цѣна.

К. Чуковскій. НАТЪ ПИНКЕРТОНЪ и СОВРЕМЕН. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Дополненное изданіе.) . . . . . — р. 50 к.

Эдгаръ По. ТАИНСТВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ въ переводѣ **К. Бальмонта** . . . . . 1 » — »

А. Мастрюковъ. МЫ ЖИВЕМЪ ВЪ АТОМѢ. . . . . — » 10 »

Его же. ВСЯКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ — ГЕНІЙ. (О призваніи.) 2-е дополненное изданіе . — » 20 »

Его же. ЧТИТЕ ЖЕНЩИНУ. . . . . — » 25 »

ИЗДАНІЯ, НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ:

Шиллеръ Ф. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ съ иллюстраціями извѣстныхъ художниковъ. 2 тома. . . . . 3 р. — к.
Въ изящномъ переплетѣ . . . . . 3 » 50 »

Біографія композиторовъ съ IV по XX вѣкъ, съ портретами . . . . . 6 » — »
Въ изящномъ переплетѣ. . . . . 7 » 50 »

Гансъ Эверсъ. СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Переводъ Р. Бреннера . . . . . — » 60 »

Д-ръ Шустеръ. НЕРВНАЯ СИСТЕМА и ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ. . . . . — » 60 »

Гансъ Вегенеръ. ГРЯДУЩЕЕ ПОКОЛѢНІЕ. Половая проблема въ воспитаніи дѣтей. . . . . — » 75 »

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣд. читать.
3	19 св.	1984.	1884
50	5 св.	изъ	отъ
66	2 сн.	рим.	прим.
97	1 сн.	до	—
105	2 сп.	Олупки	Алупки.
113	1 св.	Ему же.	А. Н. Плещееву.

К-во СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.

Цѣна.

К. Чуковскій. НАТЪ ПИНКЕРТОНЪ и СОВРЕМЕН. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. (Дополненное изданіе.) . . . . . — р. 50 к.

Эдгаръ По. ТАИНСТВЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ въ переводѣ **К. Бальмонта** . . . . . 1 » — »

А. Мастрюковъ. МЫ ЖИВЕМЪ ВЪ АТОМѢ

XX вѣкъ, съ портретами . . . . . 6 » — »
Въ изящномъ переплетѣ. . . . . 7 » 50 »

Гансъ Эверсъ. СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Переводъ Р. Бреннера . . . . . — » 60 »

Д-ръ Шустеръ. НЕРВНАЯ СИСТЕМА и ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ. . . . . — » 60 »

Гансъ Вегенеръ. ГРЯДУЩЕЕ ПОКОЛѢНІЕ. Половая проблема въ воспитаніи дѣтей. . . . . — » 75 »

Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „ЗНАНІЕ“ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

МОСКВА, ПЕТРОВСКІЯ ЛИНІИ, 36.
ТЕЛЕФОНЪ 249-45.

I-во Скоропеч А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, Москва.